

DX
5030

ЛР=8

ДХ

ПОЛТАВСКІЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ПАМЯТЬ

200-ЛѢТІЯ ПОЛТАВСКОЙ ПОБѢДЫ.

Изданіе Управленія Спб. Учебнаго Округа.

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1909.

DX
5030

Серия
1991 г.

21
31 91

ГНТБ СО АН ССР
Гос. науч.-техн.
библиотека

ВЕЛИКАЯ СЪВЕРНАЯ ВОЙНА.

Исторический очеркъ.

СОСТАВИЛЪ

К. А. ИВАНОВЪ.

ВЕЛИКАЯ СЪВЕРНАЯ ВОЙНА.

(Историческій очеркъ).

Ни одно изъ существующихъ на свѣтѣ государствъ не сложилось сразу, не сложилось безъ продолжительной борьбы и народныхъ лишеній и страданій всякаго рода. Всякое государство есть драгоцѣнное наслѣдство, которое предки, такъ или иначе участвовавшіе въ его созиданіи, оставляютъ своимъ потомкамъ, и потомкамъ слѣдуетъ не только пользоваться уже добытыми благами, но и самимъ продолжать работу своихъ предковъ на пользу родины. Особенно труднымъ было созиданіе нашего родного, Русскаго государства. Его созиданіе потребовало особенныхъ трудовъ, особенныхъ лишеній и страданій народныхъ. Любя его всею душою своею, каждый изъ насъ долженъ считать высшимъ благомъ не свое личное благо, не свои выгоды и удобства, но благо своей родины, своего родного государства. Величайшій изъ государей, когда-либо существовавшихъ на землѣ, Петръ Великій тѣмъ и возвеличился, тѣмъ и прославился во всемъ свѣтѣ, что считалъ высшимъ благомъ благо родины и жертвовалъ для нея не только своими выгодами и удобствами, но и самую жизнь свою. Передъ славнымъ Полтавскимъ боемъ въ приказѣ, прочитанномъ войскамъ наканувѣ боя, Петръ Великій

писалъ: „Воины!.. се пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь... а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего“.

Одною изъ тяжелыхъ задачъ, которыя необходимо было разрѣшить нашимъ предкамъ, была задача во что бы то ни стало пробиться къ Балтійскому морю, стать твердыми ногами на берегахъ его, получить возможность свободно сообщаться съ любымъ народомъ всего свѣта и прежде всего съ просвѣщенными народами Западной Европы. Когда-то берега эти принадлежали намъ. Новгородцы пускались въ море, увлекаемые торговыми интересами. Наши купеческія суда еще въ XII столѣтіи бывали въ Даніи и Шлезвигѣ, но чаще всего посѣщали островъ Готландъ, расположенный между Курляндскимъ побережьемъ и Швеціей. Новгородцы свободно пользовались моремъ не только для торговли, но и для другихъ цѣлей. Они совершали моремъ и военные набѣги на юго-западное побережье Финляндіи, захваченное шведами. Ведя неустанную борьбу со шведами, о которой сохранились лѣтописныя извѣстія, новгородцы поставили въ 1323 году на Орѣховомъ островѣ, при выходѣ Невы изъ Ладожскаго озера, крѣпость Орѣшекъ. Незадолго до этого (въ 1320 году) новгородцы совершили набѣгъ на норвежцевъ. Достоинно особеннаго вниманія, что эти смѣлыя предпріятія новгородцевъ совер-

шались въ ту пору, когда и Лифляндія, и Эстляндія, и Курляндія уже были покорены нѣмецкими рыцарями, когда прошло цѣлое столѣтіе послѣ паденія нашего древняго Юрьева (въ 1224 году), съ которымъ рушился послѣдній оплотъ русскихъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Около половины XIV вѣка датскій король Вольдемаръ III уступилъ рыцарямъ принадлежавшія ему въ Эстляндіи владѣнія. Такимъ образомъ нѣмцы сдѣлались на время полными господами Прибалтійскаго края.

Какъ только Москва, довершая великое дѣло объединенія Сѣверо-Восточной Руси, стала сознать свои силы, нѣмцы также почувствовали ихъ. Правда, Москва еще не поставила своей задачей добывать море во что бы то ни стало. Она только защищала православіе, отзываясь на приносимыя ей русскими людьми жалобы, да требовала дани по старымъ договорамъ. Сознаніе необходимости добывать море во что бы то ни стало проявилось только въ XVI вѣкѣ. Пользуясь слабостью ливонскихъ рыцарей, Іоаннъ Грозный двинулъ свои военныя силы на Ливонію въ 1558 году, требуя отъ рыцарей уже не дани, а подданства. Воспользовавшись слабостью рыцарей захотѣли и другіе государи: датскій, шведскій и польско-литовскій. Король датскій приобрѣлъ островъ Эзель, шведскій король подчинилъ себѣ Эстонию съ главнымъ городомъ Ревелемъ, у насъ называвшимся Колыванью, польскій король завладѣлъ Ливоніей, а магистра или начальника ордена возвелъ въ санъ наслѣдственнаго герцога Курляндіи и Семигалии съ обязательнымъ подчиненіемъ Польшѣ. Іоанну Грозному

пришлось бороться съ сильными врагами—шведами и поляками, что принудило его отказаться отъ своихъ стремлений. Наши военныя силы были слишкомъ слабы по сравненію съ военными силами враговъ. Спустя нѣсколько десятилѣтій, шведы создали замѣчательную армію, не имѣвшую подобной себѣ въ цѣломъ свѣтѣ. Вотъ почему они, крѣпко утвердившись въ Эстляндіи, отняли у насъ Ингрію съ Иванъ-городомъ, Ямомъ и Копорьемъ ¹⁾ и Неву съ крѣпостью Орѣшкомъ, у поляковъ—Лифляндію (1629), а у датчанъ—островъ Эзель (1645). Мы были совершенно отрѣзаны отъ моря. Попытка царя Алексѣя Михайловича пробиться къ морю не увѣнчалась успѣхомъ, и разрѣшеніе насущной для насъ задачи осталось въ наслѣдство гениальному сыну „Тихайшаго“ царя, Петру Великому и его современникамъ. Русскому народу предстояли не только новыя труды и лишенія, но и небывалая слава.

Многіе великіе люди не сразу выходили на дорогу, сулившую имъ славу у современниковъ и потомства. Славнѣйшее дѣло Петра Великаго—Великая Сѣверная война. Но Петръ не подошелъ сразу къ мысли о ней. Въ его малолѣтство была начата царевной Софіей война съ турками, выразившаяся въ двухъ походахъ на Крымъ, который находился въ зависимости отъ турецкаго султана. Война эта была затѣмъ приостановлена, но не прекращена. Петръ возобновилъ ее,

¹⁾ Шведы воспользовались разореніемъ Россіи въ Смутное время и завладѣли названными мѣстами, которыя и пришлось оставить за ними по Столбовскому договору въ 1617.

Петръ Великій.

делѣя мысль объ иномъ морѣ, приписывая огромное значеніе покоренію турецкой крѣпости Азова. О совершившемся взятіи Азова государь написалъ въ Москву слѣдующія восторженные строки: «нынѣ со святымъ Павломъ радуйтесь всегда о Господѣ и паки реку радуйтесь! Нынѣ же радость наша исполнися, понеже Господь Богъ двалѣтніе труды и крови наши милостіею Своею наградилъ: вчерашняго дня азовцы, видя конечную свою бѣду, сдались.» Радовался царь, радовались и подданные, но только причины радости у того и другихъ были различны. Въ Москвѣ ожидали, что взятіе Азова положитъ конецъ тревогамъ военного времени. Царь радовался, считая взятіе Азова началомъ великаго дѣла: онъ мечталъ покрыть берега Азовскаго моря крѣпостями для обезпеченія господства Россіи на Черномъ морѣ; ему представлялись въ мечтахъ паденіе Турціи и свободный проходъ русскихъ судовъ въ Средиземное море. Работа по исправленію укрѣпленій, разрушенныхъ русскими орудіями, закипѣла. Когда укрѣпленія эти были приведены въ желательное состояніе, Петръ, отложивъ важнѣйшія работы до будущаго года, двинулся съ войскомъ въ обратный путь, на Москву. Съ дороги онъ писалъ Виніусу: «понеже писано есть «достоинъ дѣлатель мзды своея», того для мню, яко удобно къ воспріятію господина генералиссима ¹⁾ и прочихъ господъ, черезъ два времени ²⁾ въ толликихъ потахъ трудившихся, тріумфальными портами ³⁾

¹⁾ Боярина Шеина.

²⁾ Т. е. въ продолженіе двухъ лѣтъ.

³⁾ Тріумфальными воротами.

почтиту». Оказывая войскамъ своимъ еще небывалую у насъ почесть, Петръ Великій отмѣчалъ этимъ исключительное значеніе совершившагося событія. Почтивъ дѣлателей, достойныхъ своей награды, царь не успокоился, но принялся за дѣло сооруженія флота, которому, по его мнѣнію, предстояло разгромить Турцію. Съ этою цѣлью была введена корабельная повинность, требовавшая денегъ на сооруженіе флота у помѣщиковъ и вотчинниковъ какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго званія, а также у жителей городовъ и слободъ. Флотъ долженъ былъ сооружаться въ слободѣхъ подъ Воронежомъ. Надзоръ за его постройкой былъ порученъ царемъ Францу Тиммерману. Корабельные мастера выписаны изъ Венеціи, Даніи, Швеціи и Голландіи. Нѣсколько большихъ военныхъ кораблей было рѣшено снарядить на средства казны. Любопытно, что для вооруженія этихъ кораблей шведскій король Карлъ XI рѣшилъ подарить царю 300 пушекъ. Это рѣшеніе было приведено въ исполненіе, за смертью Карла XI, Карломъ XII, будущимъ врагомъ Петра Великаго. Пушки были высланы въ Нарву, оттуда перевезены въ Москву, а изъ Москвы въ Воронежъ. Оба шведскіе короля желали принять косвенное участіе въ ожидавшихся успѣхахъ христіанскаго оружія противъ невѣрныхъ турокъ. Съ мыслью о дальнѣйшемъ судостроеніи, о союзѣ съ христіанскими государствами Западной Европы противъ турокъ, съ мыслью о необходимости пробить дорогу въ Средиземное море снарядилъ Петръ свое знаменитое посольство и самъ отправился за границу.

Царь провелъ за границей безъ малаго полтора года. По опредѣленію самого царя, эти полтора года были временемъ ученія. Царскіе пакеты, приходившіе изъ-за границы, были обыкновенно запечатываемы сургучною печатью съ характернымъ изображеніемъ молодого плотника, окруженнаго корабельными инструментами и военными орудіями, съ надписью: «азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую». Уѣхавъ въ Западную Европу съ настойчивою мыслью о войнѣ съ турками, заключивъ съ императоромъ Священной Римской имперіи и Венеціанскою республикою оборонительный и наступательный противъ турокъ союзъ на 3 года, Петръ вернулся на родину съ совершенно инымъ намѣреніемъ. Онъ рѣшилъ оставить Турцію до поры до времени въ покоѣ. Еще находясь въ Вѣнѣ, онъ узналъ, что императоръ отказывается отъ оборонительнаго и наступательнаго союза противъ турокъ и стремится къ примиренію съ послѣдними. Венеціане склонялись къ тому же. Съ другой стороны, царь былъ полонъ обаянія отъ своей поѣздки въ Западную Европу, а ближайшимъ путемъ въ нее былъ путь черезъ Балтійское море, путь, принадлежавшій когда-то намъ. Съ потерей нашихъ старыхъ владѣній не могли примириться и ближайшіе предшественники Петра. Царь Θεодоръ Алексѣевичъ не желалъ подтверждать Столбовскаго договора, отрѣзавшаго насъ отъ Балтики. Царевна Софія Алексѣевна напоминала шведскимъ посламъ о правахъ Россіи на Ингрію. Вернуть старую нашу Водьскую пятину—вотъ въ чемъ заключалось новое рѣшеніе Петра. Если отъ прежняго рѣшенія приходилось отказаться вслѣдствіе разрыва съ союзни-

ками, согласившимися дѣйствовать заодно съ Россіей противъ Турціи, для достиженія новой цѣли вырисовывался въ умѣ Петра новый союзъ, съ новыми участниками въ немъ. Еще во время пребыванія Петра Великаго въ Кенигсбергѣ—въ самомъ началѣ путешествія за границу—курфюрстъ Бранденбургскій предлагалъ ему союзъ противъ Швеціи. На обратномъ пути—на дорогѣ изъ Вѣны въ Москву, царь свидѣлся съ польскимъ королемъ Августомъ II и говорилъ ему о своемъ намѣреніи воевать со шведами. Августъ выразилъ свое согласіе на участіе въ замышляемой войнѣ.

Но прежде началія войны со Швеціей нужно было примириться съ турками. Примириться было бы возможно при извѣстныхъ уступкахъ, но Петръ не хотѣлъ дѣлать ихъ. Зная о военныхъ приготовленіяхъ царя на Азовскомъ морѣ, турки не вѣрили все-таки въ морскія силы Россіи. Понадобилось много времени, чтобы обѣ стороны пришли ко взаимному соглашенію.

Между тѣмъ лифляндскій патриотъ Іоганъ Рейнгольдъ фонъ-Паткуль, замыслившій освободить свое отечество отъ шведскаго гнета, создавалъ союзъ сѣверныхъ державъ противъ Швеціи.

Когда царь вернулся съ юга въ Москву, въ послѣдней ожидали его два посольства: одно—отъ шведскаго короля Карла XII для подтвержденія старыхъ мирныхъ договоровъ, другое—отъ польскаго короля Августа, желавшаго окончательно условиться съ царемъ объ открытіи военныхъ дѣйствій противъ Швеціи въ концѣ 1699 года. Шведскіе послы жили въ Москвѣ въ ожиданіи возвращенія царя болѣе двухъ мѣсяцевъ, тщетно жалуясь на то, что они совсѣмъ издержались.

«Воистину, государь,—писалъ царю Нарышкинъ—пріѣхали не послы, а продавцы: ни на одномъ чулковѣ шелковыхъ нѣтъ». Царь уже принялъ твердое рѣшеніе, и ему не приходилось выбирать между миромъ и войною. Ведя переговоры одновременно съ обоими посольствами, онъ соглашался на войну со Швеціей въ союзѣ съ Польшей и Даніей, но обнадеживалъ шведовъ своимъ кажущимся миролюбіемъ. Онъ естественно опасался поднять шведовъ до заключенія мира съ турками. Но въ концѣ переговоровъ со шведами все-таки отказался отъ присяги надъ Крестомъ и Евангеліемъ. Въ то же время посламъ напомнили о негостепріимномъ отношеніи шведскихъ властей въ Ригѣ къ царю и его посольству. Несмотря на желаніе Петра сохранить въ тайнѣ истинныя чувства и намѣренія свои по отношенію къ Швеціи, послѣднія все-же просвѣчивали и въ нежеланіи принести присягу, и въ жалобѣ на поведеніе губернатора въ Ригѣ. Еще за недѣлю слишкомъ до отъѣзда шведскихъ пословъ изъ Москвы уполномоченными Петра и Августа II былъ подписанъ секретный договоръ слѣдующаго содержанія. Августъ обязывался немедленно двинуть свои саксонскія войска (онъ былъ не только королемъ польскимъ, но и саксонскимъ курфюрстомъ) въ Лифляндію и Эстляндію и обѣщалъ вовлечь въ войну и войска польскія. Царь Петръ обѣщалъ, съ своей стороны, по заключеніи мира съ турками, двинуть свои военныя силы въ Ингрію и Карелію. Для ускоренія мирныхъ переговоровъ съ Турціей онъ уполномочилъ посла Украинцева на нѣкоторыя уступки. Если же миръ съ Турціей не состоится, и король признаетъ необходимымъ прекратить войну, царь обязывался содѣй-

ствовать наиболѣе выгодному миру между Августомъ и Карломъ XII. Сверхъ того союзники условились никоимъ образомъ не входить въ отдѣльные переговоры съ непріятелемъ, а самый договоръ хранить въ строжайшей тайнѣ.

Петру Великому предстояло такимъ образомъ не только покончить миромъ старую войну, но и приготовиться къ новой. Выступать на войну съ наличными силами было невозможно: врагъ былъ силенъ и опасенъ. Поэтому Петръ задумалъ учредить «регулярное войско», которое было бы обучено европейскому строю, хорошо вооружено и обеспечено содержаніемъ. Такое войско должно было заниматься исключительно только военнымъ дѣломъ, постоянно въ немъ совершенствуясь. Полковъ въ этомъ родѣ было тогда въ Россіи только 4 ¹⁾. Петръ задумалъ создать до 30-ти новыхъ полковъ или, какъ тогда выражались, региментовъ, для чего со всего государства собирались къ указаннымъ срокамъ въ село Преображенское даточные люди, слуги монастырскіе, помѣщичьи и наконецъ—охотники или добровольцы. Новые воины получали иностранное названіе *солдатъ*. Въ какіе-нибудь 3 мѣсяца была создана въ Россіи регулярная армія. Полки были обмундированы по образцу тогдашней нѣмецкой пѣхоты: на каждомъ солдатѣ былъ суконный кафтанъ и низкая треугольная шляпа. Оружіе cadaго состояло изъ мушкета или ружья и багинета, замѣнявшаго нынѣшніе тесакъ и штыкъ. Въ дѣлѣ устройства регулярной арміи царь принималъ личное

¹⁾ Преображенскій, Семеновскій, Лефортовъ и Бутырскій.

участіе. Сладивъ это дѣло, онъ снова отправился на югъ, чтобы готовить силы на случай несговорчивости Турціи. Послѣдняя все еще тянула переговоры, а союзники Петра уже начали войну со шведами. Карлъ XII, которому было всего 18 лѣтъ, охотился въ Конгзёрскихъ лѣсахъ, когда до него дошло извѣстіе о нападеніи саксонскихъ войскъ на Ригу. «Мы заставимъ ихъ воротиться тою же дорогою, которою они пришли», сказала Карлъ XII французскому посланнику и продолжалъ охотиться, пока не наловилъ сѣтями 14 огромныхъ медвѣдей, при чемъ онъ самъ помогалъ связывать разсвирѣпѣвшихъ животныхъ, забавляясь ихъ дикимъ ревомъ. Вскорѣ послѣ этого въ Стокгольмѣ было получено извѣстіе, что непріязненные дѣйствія открылъ противъ Швеціи и датскій король, вторгнувшійся во владѣнія родственника и друга Карла XII, голштинскаго герцога. Карлъ XII стряхнулъ съ себя безпечность. Правда, при помощи флотовъ англійскаго и голландскаго, но все-же Карлъ заставилъ датскій флотъ укрыться подъ стѣнами Копенгагена. Встрѣтивъ неуступчивость датскаго короля, Карлъ высадился на Зеландію и подошелъ къ беззащитной столицѣ Даніи. Датскій король отказался отъ борьбы и подписалъ Травендальскій договоръ.

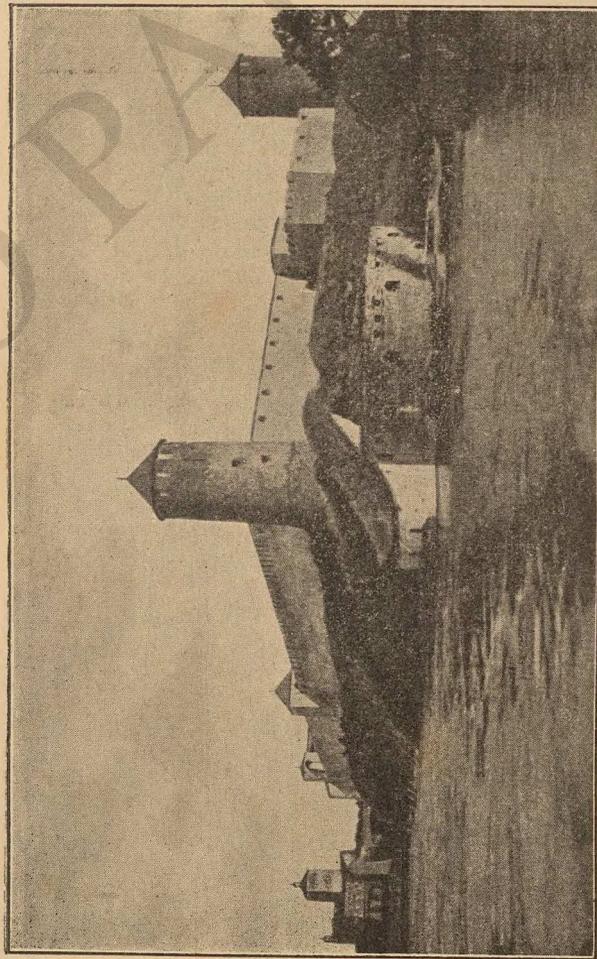
Въ тотъ же самый день было получено въ Москвѣ донесеніе Украинцева о состоявшемся наконецъ заключеніи мира съ Турціей. На слѣдующій день царь собственноручно написалъ Августу: «Любезнѣйшій братъ, государь и сосѣдь! Никакоже сомнѣнію доселѣ медленіе наше подлежить въ началомъ семъ дѣлѣ: ибо трудныя ради причины сіе удержано было. Нынѣ же, при по-

мощи Божіей, получа миръ съ Портою на 30 лѣтъ (слава Богу, съ нарочитымъ удовольствованіемъ), къ сему подвигу приступили есмы, о чемъ сего дня къ Новгородскому воеводѣ указъ послали, дабы, какъ наискорѣе, объявя войну, вступилъ въ непріятельскую землю и удобныя мѣста занялъ; такожде и прочимъ войскамъ немедленно иттить повелимъ, гдѣ при оныхъ въ концѣ сего мѣсяца и мы тамъ обрѣтатися будемъ, и надѣмся въ помощи Божіей, что ваше величество инако, развѣ пользы не увидите»....

На другой день послѣ торжественнаго празднованія «преизряднымъ фейерверкомъ» мира съ Турціей царь объявилъ войну Швеціи «за многія неправды свейскаго короля и въ особенности за то, что, во время Государева шествія чрезъ Ригу, отъ рижскихъ жителей чинились ему многія противности и непріятства».

Совершенно неожиданно для Паткуля и вообще союзниковъ царь двинулъ свое войско противъ Нарвы ¹⁾. Нарва (по нашимъ лѣтописямъ Ругодевь или Ругодивь), раскинувшаяся на обоихъ берегахъ живописной рѣчки Наровы, въ 12-ти верстахъ отъ Финскаго залива,

¹⁾ Паткуль очень боялся въ свое время, какъ бы Петръ не вздумалъ покорять Нарвы. „Надобно опасаться, писалъ онъ— чтобы этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно ему показать исторію и географію, что онъ долженъ ограничиться одною Ингерманландією и Карелією. Надобно договориться съ царемъ, чтобы онъ не шелъ дальше Наровы и Пейпуса; если онъ захватитъ Нарву, то ему легко будетъ потомъ овладѣть Эстляндією и Лифляндією“.

Нарва. Иванъ-Городъ. Слѣва видна башня Германа.

была расположена въ то время только на лѣвомъ берегу ея. Она была основана датчанами въ XIII вѣкѣ, въ одно время съ Ревелемъ и Везенбергомъ. Лѣтъ черезъ 100 ею завладѣли нѣмецкіе рыцари. Въ 1492 году противъ самой крѣпости рыцарей, Длиннаго Германа, по повелѣнію Іоанна III, была заложена русская крѣпость Иванъ-городъ. При царѣ Іоаннѣ Грозномъ Нарва была покорена русскими и находилась подъ нашею властью 23 года. За годъ до смерти Іоанна Грознаго Нарва была завоевана шведами. Во время междуцарствія шведы овладѣли и Иванъ-городомъ. Съ тѣхъ поръ оба города, составляющіе теперь одинъ, находились во власти шведовъ. Такимъ образомъ, желаніе Петра Великаго овладѣть Нарвою имѣло основанія въ прошломъ.

Когда наши войска расположились уже на лѣвомъ берегу Наровы, на протяженіи цѣлыхъ семи верстъ, началась жестокая канонада города, имѣвшаго небольшое число защитниковъ. Но мы не могли поставить осажденный городъ въ критическое положеніе за недостаткомъ военныхъ снарядовъ. «Апроши ¹⁾ всѣ готовы,—писаль Августу II герцогъ де Кроа—всѣ батареи завтра могутъ открыть огонь; не достаетъ только бездѣлицы—ядеръ, бомбъ и тому подобнаго». Непріятно подѣйствовало на государя извѣстіе о томъ, что его союзникъ Августъ II снялъ осаду съ города Риги. Сильно также взволновала царя измѣна любимца, второго капитана бомбардирской роты Яна Гуммерта.

¹⁾ Апроши—подступы; каждый изъ нихъ—ровъ глубиною въ полъ-роста человѣка, съ насыпью на краю такой же вышины, въ сторону осаждаемой крѣпости, для безопаснаго приближенія къ ней осаждающаго. Подступы эти устраивались зигзагами.

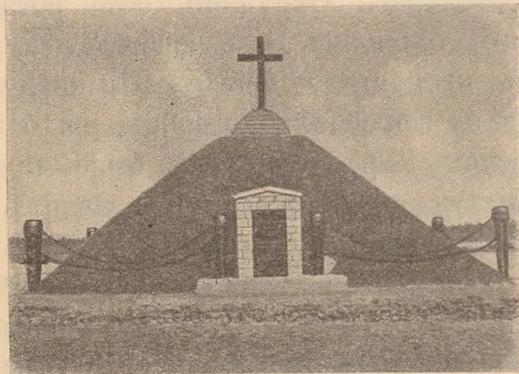
Взволновала она и войско. Наконецъ пришло извѣстiе о движенiи Карла XII на выручку осажденнаго города. При такихъ обстоятельствахъ Петръ покинулъ войско и возложилъ главное командованiе на герцога де-Кроа, рекомендованнаго ему Августомъ II, а самъ отправился въ Новгородъ, чтобы побудить къ скорѣйшему приходу подъ Нарву остальные полки, а также и для скорѣйшаго свиданiя съ королемъ Августомъ II. У Карла, быстро подвигавшагося къ Нарвѣ, было всего около 8.500 человекъ войска. У насъ было отъ 30 до 40 тысячъ. Преобладая въ количественномъ отношенiи, мы далеко уступали шведамъ въ отношенiи качества. Несомнѣнно, дурно повлiяли на исходъ битвы и преувеличенное представленiе о непобѣдимости врага, и недовѣрiе къ иноземцамъ. По крайней мѣрѣ, послѣ внезапнаго нападенiя Карла XII раздался въ нашихъ рядахъ ужасный крикъ: «нѣмцы измѣнили!». Въ довершенiе несчастiя въ началѣ битвы, какъ бы оправдывая недѣльные толки «о дьявольской» силѣ Карла, задулъ въ нашу сторону вѣтеръ и пошелъ снѣгъ, слѣпившiй глаза сражающимся. Преобладающая часть нашихъ силъ дрогнула и обратилась въ бѣгство; бѣжалъ и стоявшiй на лѣвомъ же берегу Наровы, но только выше водопада, Борисъ Петровичъ Шереметевъ со своею конницею, спасаясь вплавь по Наровѣ, при чемъ 1000 человекъ утонули въ ея стремительныхъ водахъ. Та же неудача была и въ другомъ мѣстѣ сраженiя, ниже по теченiю Наровы. Пѣхота кинулась на пловучiй, бревенчатый нами же наведенный мостъ, но послѣднiй обрушился подъ страшною тяжестью, что вызвало повья, неисчислимыя жертвы. Въ довершенiе ужасовъ

наши солдаты стали избивать нѣмецкихъ офицеровъ и ихъ прислугу. Видя это, герцогъ воскликнулъ въ отчаянiи: «es möchte der Teufel mit solchen Soldaten fechten!» (пусть чортъ дерется съ такими солдатами!). И онъ, и другiе иностранные генералы бѣжали черезъ болото въ шведскiй лагерь и отдались въ плѣнъ. Въ высшей степени достойно вели себя два первыхъ гвардейскихъ полка—созданiе Петра Великаго—преображенцы и семеновцы. Окруживъ себя рогатками, они мужественно отбивались отъ вражескихъ нападений. Только ночь прекратила борьбу. На слѣдующiй день наши генералы заключили договоръ, на основанiи котораго русскимъ храбрецамъ ¹⁾ было предоставлено свободное отступленiе. Самъ Карлъ заявилъ при этомъ: «я позволяю русскимъ солдатамъ сохранить оружiе за храбрость, съ какою они сражались». Кромѣ удивленiя передъ храбростью русскихъ солдатъ, удержавшихъ свой постъ, на рѣшенiе Карла повлiяли и другiя обстоятельства: не все было благополучно въ шведскомъ лагерьѣ. Вообще, шведы торопились спровадить нашихъ на правый берегъ Наровы, сами строили мостъ для переправы и успокоились только послѣ ихъ ухода. Но генераловъ нашихъ, вопреки договору, они все же забрали въ плѣнъ.

На высокомъ и крутомъ берегу Наровы, въ двухъ съ небольшимъ верстахъ отъ города внизъ по теченiю рѣки, за красивымъ и меланхолическимъ нѣмецкимъ кладбищемъ и лѣсопильнымъ заводомъ, стоитъ уже въ наше время воздвигнутый памятникъ на томъ мѣстѣ,

¹⁾ Кромѣ обоихъ старѣйшихъ полковъ обнаружилъ такое же мужество отрядъ, бывшiй подъ начальствомъ генерала Вейде.

гдѣ геройски отбивались отъ шведовъ наши гвардейскіе полки. Онѣ представляетъ относительно высокую усѣченную пирамиду (въ 2¹/₂ сажени), бока которой съ низу до верха покрыты дерномъ. На площади сѣченія установленъ гранитный камень, увѣнчанный большимъ четырехконечнымъ крестомъ. Памятникъ окруженъ нѣсколькими пушечными жерлами, поставленными

Памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ 19 ноября 1700 г.
(на мѣстѣ битвы).

въ видѣ колоннъ. На сторонѣ, обращенной къ дорогѣ, помѣщена высокая плита изъ чернаго мрамора, каменная рама которой устроена въ видѣ портала. Надпись на этой плитѣ указываетъ, что памятникъ воздвигнутъ героямъ—предкамъ, павшимъ въ бою 19 Ноября 1700 года, Преображенскимъ и Семеновскимъ полками и 1-ой батареей лейбъ-гвардіи 1-ой артиллерійской бригады ¹⁾.

¹⁾ Пишущій эти строки, во время пребыванія своего въ Нарвѣ, не разъ приходилъ сюда въ вечернюю пору, чтобы отдохнуть здѣсь

Освободителю своему Карлу XII нарвитяне устроили торжественную встрѣчу. Никогда не стоялъ Карлъ такъ высоко, какъ въ это время. Европа изумлялась ему. Въ одномъ изъ современныхъ стихотвореній, написанномъ на латинскомъ языкѣ, находятся слѣдующія строки, обращенныя къ королю шведовъ: «Тебѣ поетъ хвалу священная молва, она пойдетъ по землѣ во все края свѣта и вознесетъ главу (твою) къ блистающимъ звѣздамъ. Ты—выше всѣхъ, славный своимъ благочестіемъ, справедливый и храбрый, крѣпкій и могущественный, преисполненный добротою, ты подносишь гражданамъ рогъ изобилія». . . Въ честь молодого побѣдителя было выбито нѣсколько медалей. Не забыли и царя Петра, но для того только, чтобы посмѣяться надъ нимъ. На одной сторонѣ медали, выбитой для насмѣшки надъ царемъ, былъ изображенъ Петръ грѣющимся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ которыхъ вылетаютъ бомбы въ Нарву; надпись подъ изображеніемъ гласила: «бѣ же Петръ стоя и грѣяся». На другой сторонѣ той же медали были изображены русскіе бѣгущими отъ Нарвы; впереди всѣхъ Петръ; царская шапка валится съ его головы, шпага брошена, самъ

отъ дневныхъ работъ. Рѣдкая тишина нарушалась криками рѣзвыхъ ласточекъ, склоняющееся къ западу солнце золотило быстрыя струйки величавой рѣки и заливало красноватымъ свѣтомъ сосны лѣса, пріютившагося на противоположномъ берегу. Путникъ переносился мысленно въ давно минувшее время, благословлялъ память почившихъ героевъ и вспоминалъ вѣчныя слова Евангелія: „больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя“ *).

*) Иоанна, гл. XV, ст. 13.

онъ утираетъ слезы платкомъ; подъ изображеніемъ сдѣлана такая надпись: «изшедъ вонъ плакася горько».

Извѣстіе о пораженіи быстро прилетѣло въ Новгородъ, куда потянулось по размытымъ осеннею распутицей дорогамъ русское войско. Извѣстіе это, какъ громъ, поразило Петра. Онъ заперся одинъ въ комнатѣ и приказаль никого не пускать къ себѣ. Но скоро къ нему вернулось полное самообладаніе. «Шведы—сказаль онъ—еще долго будутъ побѣждать насъ, но своими побѣдами они научать, наконецъ, побѣдить ихъ самихъ; когда же ученъе проходитъ безъ потерь и огорченъя?» Онъ немедля принялся за пополненіе убыли и переустройство войска. Усилія его увѣнчались успѣхомъ. По свидѣтельству одного современника—иностранца, жившаго въ Москвѣ, царская армія въ скоромъ времени была втрое сильнѣе прежняго. Труднѣе было устроить артиллерію, такъ какъ Карлъ XII отнялъ у насъ всѣ пушки, дѣйствовавшія подъ Нарвой, въ числѣ которыхъ были и подаренныя намъ Швеціей, и неоткуда было достать необходимаго для пушекъ металла. И Петръ прибѣгъ къ исключительному средству. Онъ предписаль Виніусу, ставшему «надзирателемъ артиллеріи», «со всего государства, съ знатныхъ городовъ отъ церквей и монастырей собрать часть колоколовъ на пушки и мортиры». Въ дѣло пошли только битые колокола. Не прошло еще года, а Виніусъ приготовиль уже болѣе 300 орудій. Не разъ побуждаемый царемъ, онъ такъ же усердно продолжалъ начатую работу.

Бодрость духа Петра выразилась и въ томъ, что онъ, несмотря на страшное пораженіе, продолжалъ наступательныя дѣйствія противъ шведовъ. Какихъ-ни-

будь 2 недѣли спустя послѣ Нарвскаго пораженія Петръ писалъ Шереметеву: «Her! Понеже не лѣтъ ¹⁾ есть при несчастіи всего лишатися, того ради вамъ повелѣваемъ при взятомъ и начатомъ дѣлѣ быть, т. е. надъ конницею новгородскою и черкасскою, съ которыми, какъ мы и прежде наказывали (но въ ту пору мало было людей), ближнихъ мѣсть беречь, и иттить въ даль, для лучшаго вреда непріятелю»... Послѣ неудачнаго нападенія на крѣпость Мариенбургъ русскіе одержали верхъ надъ шведами въ бою, происходившемъ въ 15-ти верстахъ отъ Печорскаго монастыря (въ Псковской области), послѣ чего непріятель отступиль въ Лифляндію. Если Шлиппенбаху въ сентябрѣ 1701 года удалось отбить русскихъ съ урономъ отъ деревни Рауге, зато въ томъ же сентябрѣ шведскій отрядъ потерпѣлъ пораженіе при деревнѣ Рапино. «Случилось,—доносиль Карлу Шлиппенбахъ—какъ я предвѣщаль: изъ всего отряда ²⁾ только одинъ поручикъ возвратился; прочіе всѣ побиты или взяты въ плѣнъ русскими, съ потерю двухъ пушекъ».

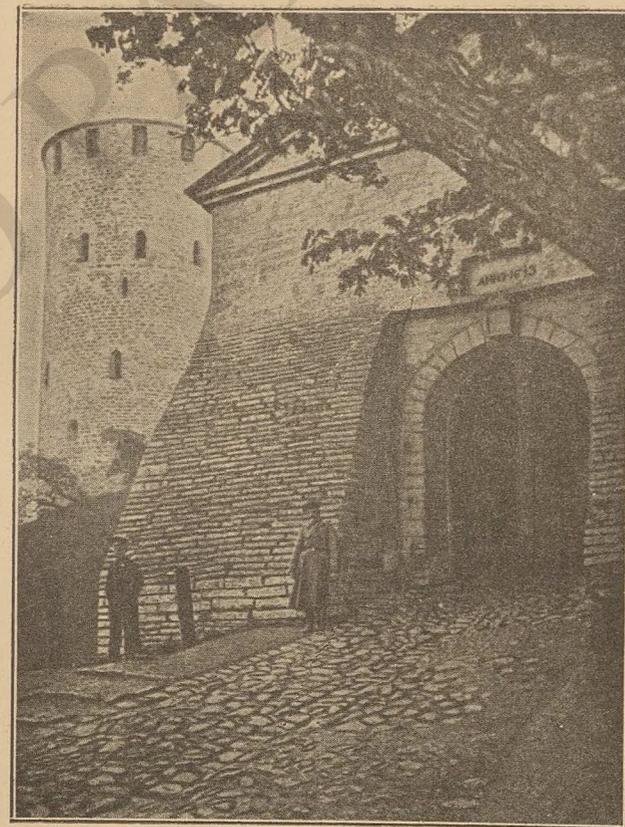
Ведя партизанскую войну со шведами, Петръ велъ въ то же время и переговоры о посредничествѣ съ Вѣнскимъ дворомъ. Онъ былъ не прочь и прекратить войну, но только при томъ условіи, чтобы шведы уступили Россіи Колывань (Ревель), Иванъ-городъ, Нарву, Копорье и др. города. Конечно, Карлъ XII не хотѣлъ объ этомъ и слышать.

¹⁾ Въ древнемъ славянскомъ языкѣ нарѣчіе *лѣтъ* означало *можно, позволено*; не *лѣтъ* есть значить нельзя, непозволительно.

²⁾ Въ упоминаемомъ отрядѣ было 600 человекъ.

Нарвская побѣда совершенно ослѣпила его. «Нѣтъ никакого удовольствія—говорилъ онъ—биться съ русскими, потому что они не сопротивляются, какъ другіе, а бѣгутъ; если бы Нарова была покрыта льдомъ, то намъ едва-ли бы удалось убить хотя одного человѣка. Лучшее зрѣлище было, когда русскіе взбѣжали на мостъ, и мостъ подъ ними подломился: точно Фараонъ поглощенъ былъ въ Чермномъ морѣ; повсюду высывались изъ воды головы людскія и конскія, руки и ноги; наши солдаты стрѣляли ихъ, какъ дикихъ утокъ».

Война стала для юнаго короля родною стихіей. «Король ни о чемъ больше не думаетъ,—писалъ одинъ изъ шведскихъ генераловъ—какъ только о войнѣ; онъ ужъ больше не слушаетъ чужихъ совѣтовъ; онъ принимаетъ такой видъ, что какъ будто бы Богъ непосредственно внушаетъ ему, что онъ долженъ дѣлать». Оставивъ—какъ выражались у насъ въ старину—«травиться» съ русскими лишь часть своего войска, онъ обратился на своего третьяго врага, саксонскаго курфюрста и вмѣстѣ съ тѣмъ польскаго короля Августа II. Онъ одержалъ надъ саксонскими войсками Августа блистательную побѣду при г. Ригѣ. Саксонцы, съ которыми были и 4000 русскихъ, ¹⁾ потеряли всю артиллерію, весь лагерь и 2000 человѣкъ войска, тогда какъ изъ шведскихъ рядовъ вышло только 500 человѣкъ. Передъ побѣдителемъ возникъ серьезный вопросъ: преслѣдовать-ли Августа или снова двинуться на русскихъ? Сперва онъ думалъ, было, пойти на насъ и даже приказалъ Шлиц-

Ворота, ведущіе въ Иванъ-Городъ
(въ настоящее время).

¹⁾ Остальное русское войско стояло въ 8 миляхъ отъ Риги съ Репнинымъ во главѣ.

ПОРТРЕТЪ КАРЛА XII.

пенбаху передвинуться отъ Дерпта къ Пскову, но быстро перемѣнили свое намѣреніе, считая саксонцевъ болѣе опаснымъ врагомъ. Онъ не вѣрилъ Августу и презиралъ его. Его цѣлью стало низложеніе Августа съ польскаго престола. Въ новомъ польскомъ королѣ онъ мечталъ найти вѣрнаго союзника. Карлъ не безъ основанія опасался возобновленія враждебныхъ дѣйствій со стороны Августа даже послѣ мира и клятвенныхъ обѣщаній и не желалъ оставлять въ тылу такого опаснаго человѣка. Въ письмѣ своемъ къ французскому королю Карлъ такъ отзывался объ Августѣ: «поведеніе его такъ позорно и гнусно, что заслуживаетъ мщенія отъ Бога и презрѣнія всѣхъ благомыслящихъ людей». Такимъ образомъ Августъ былъ необходимъ для Петра, какъ средство, отвлекающее отъ него Карла. Понимая это, Петръ поддерживалъ его и людьми, и деньгами. Скрѣпивъ союзъ съ нимъ, Петръ обязался выдать ему 150.000 рублей. Трудно было царю собрать требуемую сумму. Но Петръ исполнилъ свое обязательство: взяли большую сумму изъ приказовъ, при чемъ пошли въ ходъ и оставшіеся отъ государева путешествія за границу 1875 золотыхъ, взяли 1000 золотыхъ изъ Троицко-Сергіевской лавры, наконецъ—420 золотыхъ отъ поручика Александра Меншикова и 10.000 рублей отъ гостя (куща) Алексѣя Филатьева.

Борьба Карла XII съ Августомъ развязывала руки Петру. Послѣ столкновеній, имѣвшихъ неравный успѣхъ, русскіе—какъ предсказывалъ царь—дѣйствительно научились побѣждать шведовъ. Успѣхи наши начались на сѣверѣ, при исключительныхъ обстоятельствахъ, представляющихъ немалый интересъ и ха-

рактизирующихъ то время. Въ іюнѣ 1701 года пришла къ устьямъ Сѣверной Двины шведская эскадра подъ англійскимъ и голландскимъ флагами, изъ 4 военныхъ кораблей, 2 фрегатовъ и одной яхты. Когда на слѣдующій день сторожевой капитанъ, считая наканунѣ прибывшія суда торговыми, направился къ нимъ со своею командою, для обычнаго досмотра, шведы коварно захватили въ плѣнъ и его, и 16 солдатъ его команды. Вечеромъ 2 непріятельскихъ фрегата и яхта вошли въ Березовское устье и направились къ недостроенной еще крѣпости Малой Двинкѣ. Стоявшій при береговой батарее голова Двинскаго гайдукскаго полка Животовскій съѣлъ въ легкой карбасѣ ¹⁾ съ 13-ю солдатами и, подплывъ къ кораблямъ, закричалъ: «что за фрегаты? для чего силою устье прошли, не давъ никакой отвѣди?» Онъ хотѣлъ уже взобраться на фрегатъ, а шведы, бывшіе на немъ, готовились принять его, какъ стоявшій на кормѣ солдатъ замѣтилъ черезъ пушечную амбразуру на палубѣ фрегата вооруженныхъ непріятелей. Онъ предупредилъ голову, отпихнулся отъ непріятельской кормы двумя протазанами, и карбасъ быстро поплылъ къ берегу. Тогда шведы открыли по нимъ пушечную и ружейную пальбу. Но сейчасъ же съ непріятелями приключилась бѣда. Одинъ изъ фрегатовъ и яхта съли на мель. Съ нашей батареи открыли огонь; завязался бой, продолжавшійся около тринадцати часовъ. Верхъ

¹⁾ *Карбасами* называются небольшія суда, употребляемыя въ Сибири и на р. Сѣверной Двинѣ. Они узки, ходятъ на 4—10 веслахъ или при помощи двухъ четырехугольных парусовъ. Холмогорскіе карбасы больше, съ казенкою (каморкою) на кормѣ.

остался за нами. Экипажъ, находившійся на непріятельскихъ судахъ, бросился на мелкія суда и уплылъ ко второму фрегату, стоявшему вдаль. Тогда наши завладѣли покинутыми судами, зарядили пушку, бывшую на кормѣ фрегата, и выстрѣлили по удалявшимся шведамъ. Но тутъ случилась, повидимому, приготовленная шведами бѣда: благодаря разсыпанному на кормѣ пороху произошелъ взрывъ, разрушившій корму фрегата. Непріятелямъ удалось спастись. Въ добычу нашимъ достались 5 знаменъ, 13 пушекъ и 200 ядеръ. «Зѣло чудесно!» восклицаетъ царь въ своемъ письмѣ къ Апраксину, написанномъ по этому поводу. Разказавъ о набѣгѣ „злбнѣйшихъ“ шведовъ и объ удачной развязкѣ, Петръ прибавляетъ: „симъ нечаемымъ счастьемъ поздравляю вамъ. Гдѣ чего не чаяли, Богъ далъ“. Случай этотъ, конечно, не можетъ идти въ сравненіе съ подвигомъ Шереметева, одержавшаго въ концѣ 1701 года первую крупную побѣду надъ шведами, во главѣ которыхъ стоялъ „пылкій“ Шлиппенбахъ. Побѣда эта была одержана при мызѣ Эрестферъ (въ Лифляндіи) за 2 дня до новаго 1702 года. Шведовъ полегло въ битвѣ болѣе 3000 человекъ, 350 человекъ попали въ плѣнъ, въ руки нашихъ досталось 6 полевыхъ орудій и нѣсколько знаменъ. Русскіе потеряли всего около 1000 человекъ. Царь наградилъ Шереметева орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, своимъ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами, и возвелъ прославившагося полководца въ генераль-фельдмаршалы. Царь наградилъ и всѣхъ офицеровъ, участвовавшихъ въ битвѣ, а солдатамъ послалъ по серебряному рублю новой чеканки. Въ Москвѣ было устроено по поводу

Эрестферской побѣды большое торжество: цѣлый день звонили колокола, гремѣли пушки, и развѣвались на Кремлевскихъ башняхъ знамена, отнятыя у шведовъ. На площади были выставлены для народа бочки съ виномъ, медомъ и пивомъ. Вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ съ различными символическими изображеніями. „Славу Богу! говорилъ Петръ. Мы можемъ наконецъ бить шведовъ“. Черезъ полгода, подъ руководствомъ Шереметева, была одержана новая побѣда надъ шведами при мызѣ Гуммельсгофъ. Шлиппенбахъ бѣжалъ съ конницею, а вся пѣхота шведовъ легла на мѣстѣ: на поляхъ, окружающихъ Гуммельсгофскую мызу, было найдено до 5½ тысячъ непріятельскихъ труповъ. Съ уничтоженіемъ войска Шлиппенбаха Лифляндія осталась беззащитной, такъ какъ гарнизоны, занимавшіе главные города (Ригу, Перновъ, Дерить), не отваживались выходить за ворота своихъ крѣпостей. Послѣ этого началось систематическое разореніе ея. Въ августѣ 1702 года былъ взятъ штурмомъ Маріенбургъ, про который Шереметевъ наканунѣ писалъ царю, что его „приступомъ никоими мѣрами взять нельзя: лежитъ на острову; около вода; сухова пути ни съ которой стороны нѣтъ, подземный мостъ на 100 сажень разрушенъ“. Вскорѣ послѣ этого Шереметевъ двинулся къ Пскову: „пойду я—писалъ онъ государю—ко Пскову; больше того быть стало невозможно; въ конецъ изнужились, крайне и обезхлѣбѣли и обезлошадѣли, и отяготились по премногу ясыремъ ¹⁾ и скотомъ, и пушки стало везть не на чѣмъ, а новыхъ подводъ взять не откули и во Псковѣ нѣтъ“. Но

¹⁾ Ясырь или ясырь—плѣнникъ.

Шереметеву предстояла новая работа: царь звалъ его въ Ладогу—въ Ингрію, которую завоевывалъ и пустошилъ другой военный сподвижникъ Петра, Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ. Если Петръ шутилъ по поводу опустошенія Лифляндіи („Борисъ Петровичъ ¹⁾ въ Лифляндахъ го-

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Б. П. Шереметевъ.

стилъ изрядно довольно“), то иначе относился къ опустошенію Ингрии, такъ какъ считалъ ее русскимъ краемъ. Онъ самъ явился сюда, чтобы здѣсь „пробить окно въ Европу“, но сильно желалъ имѣть подъ рукою Шереметева. „Изволь, ваша милость,—писалъ онъ ему—не-

¹⁾ Шереметевъ.

медленно быть самъ неотложно къ намъ въ Ладогу; зѣло нужно, и безъ того иначе быть и не можетъ“.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ гениемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ неожиданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но, въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

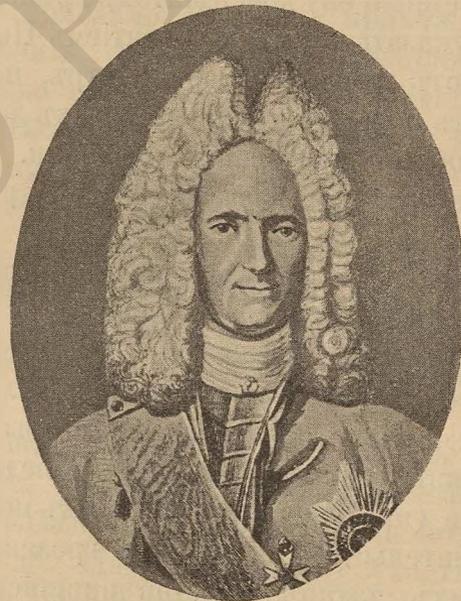
(Изъ „Полтавы“ А. С. Пушкина).

Лишь только прибылъ Шереметевъ, Петръ пошелъ на шведскую крѣпость Нотебургъ, расположенную при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера. Нотебургъ—старинный Орѣшекъ, построенный новгородцами ¹⁾. На эту крѣпость шведы зарились давно, но захватили ее обманомъ въ 1611 году, во время междуцарствія. Столбовскій договоръ утвердилъ этотъ захватъ, и крѣпость оставалась въ рукахъ шведовъ до Петра Великаго.

Главное начальство царь поручилъ Александру Даниловичу Меншикову, но все время принималъ въ дѣлѣ самое живое участіе, создавая планы, одушевляя солдатъ и трудясь въ качествѣ простаго работника. Нотебургъ, расположенный на острову, болѣе чѣмъ въ 100 саженьяхъ отъ материка, былъ поставленъ въ осадное

¹⁾ См. страницу 6.

положеніе. Пальба по крѣпости продолжалась непрерывно полторы недѣли. Комендантша и офицерскія жены прислали изъ бомбардируемой крѣпости барабанщика съ письмомъ, въ которомъ просили дозволенія выйти изъ крѣпости, гдѣ трудно оставаться въ виду большого огня и дыма. Имъ, угостивъ барабанщика, от-

Князь А. Д. Меншиковъ.

вѣтили, что фельдмаршалъ „не согласится опечалить шведскихъ дамъ разлукою съ мужьями; если же изволятъ оставить крѣпость, взяли бы съ собою и любезныхъ супруговъ“. Гарнизонъ продолжалъ мужественно сопротивляться. Когда многія пушки уже пострадали отъ непрерывной работы, царь приказалъ штурмовать крѣпость.

Послѣ боя, продолжавшагося цѣлыхъ 13 часовъ, она сдалась. Гарнизонъ былъ отправленъ на русскіихъ судахъ въ Канцы, шведскую крѣпость, расположенную въ устьяхъ Невы. Русскіе вступили въ Орѣшекъ-Нотебургъ. Царь переименовалъ его въ Шлиссельбургъ (Ключь-городъ) и приказалъ укрѣпить на западной башнѣ поднесенный ему комендантомъ крѣпостной ключъ. Онъ хотѣлъ указать этимъ, что взятіемъ Нотебурга русскіе открываютъ ворота въ море. Петръ, по обыкновенію, извѣстилъ нѣкоторыхъ довѣренныхъ лицъ о совершившемся собственноручными письмами. Виніусу, намекая на новгородское названіе взятой крѣпости, царь писалъ: „правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ; однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызень. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила“. Комендантомъ крѣпости былъ назначенъ Меншиковъ. Войско, участвовавшее въ завоеваніи Орѣшка, было отправлено во Псковъ и Ладогу на зимнія квартиры. Отпраздновавъ въ Москвѣ новую побѣду надъ шведами, царь поѣхалъ на югъ (въ Воронежъ), такъ какъ носились слухи о неблагожелательствѣ Турціи и о грозящемъ намъ набѣгѣ крымскихъ татаръ. Удостоверившись въ невѣрности слуховъ, царь вернулся на берега Невы продолжать начатое здѣсь дѣло. Приѣхавъ въ Шлиссельбургъ, Петръ нашелъ здѣсь неурядки. „Извѣствую,—писалъ онъ Ромодановскому — что здѣсь великая недовозка артиллеріи; нѣтъ самага нужнаго... дроби и фитилію ни фунта; лопатокъ и кирокъ желѣзныхъ самое малое число“... Указавъ далѣе, что испортившіяся пушки до сихъ поръ еще не исправлены, царь продолжаетъ: „отъ чего намъ здѣсь великая остановка дѣлу нашему бу-

детъ, безъ чего и починать нельзя; о чемъ я самъ многожды говорилъ Виніусу, который отпощивалъ меня *московскимъ тотчасомъ*. О чемъ изволь его допросить, для чего такъ дѣлается такое главное дѣло съ такимъ небреженіемъ, которое тысячи его головы дороже?“ Въ припискѣ къ письму читаемъ: „изъ аптеки ни золотника лѣкарствъ не прислано (того для принуждены будемъ мы тѣхъ лѣчить, которые то презирають)“. Этотъ случай наглядно показываетъ, какъ трудно было работать Петру Великому надъ начатымъ дѣломъ, какъ не оправдывали подчасъ его довѣрія даже самыя близкія къ нему лица, и какъ много значила во всѣхъ славныхъ дѣлахъ той эпохи личность великаго государя. Послѣ описаннаго случая Виніусъ лишился прежняго расположенія царя, былъ отставленъ отъ управленія двумя приказами ¹⁾ и заплатилъ крупный денежный штрафъ.

Шереметевъ, вызванный царемъ изъ Пскова къ Шлиссельбургу, двинулся изъ послѣдняго въ апрѣлѣ 1703 года правымъ берегомъ Невы къ шведской крѣпости Ніеншанцу. Царь попрежнему участвовалъ и въ этомъ дѣлѣ въ званіи капитана состоявшей при Преображенскомъ полку бомбардирской роты. Дорога шла большими и малыми лѣсами. По рѣкѣ плыли галеры, которыя везли тяжелую артиллерію. Крѣпость Ніеншанць (или Канцы) лежала на правомъ берегу Невы, тамъ, гдѣ она дѣлаетъ крутой поворотъ, при впаденіи въ нее р. Охты: ея назначеніе заключалось въ загражденіи доступа въ Неву со стороны моря. Когда крѣ-

¹⁾ Сибирскимъ и артиллерійскимъ.

пость была окружена нашими войсками, царь отправился Невюю съ гвардейцами, въ 60-ти лодкахъ, внизъ по рѣкѣ, чтобы посмотрѣть на море и занять самое Невское устье на случай неприятельскаго прихода. Съ крѣпости была открыта по нимъ пальба, не имѣвшая, къ счастью, никакихъ дурныхъ послѣдствій. Суда плыли мимо лѣсовъ, топкихъ береговъ, на которыхъ только изрѣдка встрѣчались деревушки, да и то иногда покинутыя жителями. Бѣдное финское населеніе этихъ мѣстъ промышляло рыболовствомъ и лодманствомъ, проводя суда, приходившія съ моря въ Неву. Увѣривъ рѣдкихъ жителей этого пустыннаго края въ ихъ полной безопасности, снабдивъ ихъ охранными листами, не замѣтивъ на взморьѣ ни одного неприятельскаго судна, но на случай оставивъ 3 гвардейскія роты на островѣ Витц-сари (нынѣ Гутуевскомъ), Петръ вернулся на другой же день въ лагерь. Къ этому времени подоспѣла артиллерія, которую везли изъ Шлиссельбурга. Комендантъ крѣпости не хотѣлъ сдаться, несмотря на свои незначительныя силы. Тогда началась бомбардировка. Послѣ пальбы изъ мортиръ и пушекъ по городу, продолжавшейся нѣсколько часовъ, крѣпость сдалась. Наши вступили въ нее, и здѣсь было отслужено благодарственное молебствіе за покореніе крѣпости, «а наипаче за приобрѣтеніе желаемой морской пристани». Ніеншанцъ былъ переименованъ Петромъ Великимъ въ Шлотбургъ.

Опасенія Петра Великаго на счетъ появленія въ устьяхъ Невы шведовъ оправдались въ самомъ близкомъ времени. Не подозрѣвая, что русскіе владѣютъ Ніеншанцомъ, шведскія суда, прибывшія къ Невскому

устьемъ, дали знать о своемъ приходѣ двумя пушечными выстрѣлами. Имъ было отвѣчено тѣмъ же съ крѣпости. Вечеромъ два неприятельскихъ судна, отдѣлившись отъ эскадры, вошли въ устье Большой Невы и стали на якорь въ ожиданіи лодмановъ. Петръ съ Меншиковымъ и гвардейцами спустились внизъ по рѣкѣ на 30 лодкахъ и скрылись за островомъ, расположеннымъ противъ нынѣшняго Екатерингофа. Пользуясь темною и дождливою ночью, наши приблизились къ неприятельскимъ судамъ и передъ разсвѣтомъ напали на нихъ съ двухъ сторонъ, одни—со стороны моря, другіе—сверху. На шведскихъ судахъ были 24 пушки, у нашихъ—только ружья и ручныя гранаты. «Тогда неприятель—разсказываетъ самъ царь—тотчасъ сталъ на парусахъ и вступилъ въ бой, пробиваясь назадъ къ своей эскадрѣ (также и на морѣ стоящая эскадра стала на парусахъ же для выручки своихъ), но узкости ради глубины не могли скоро отойти лавирами: и хотя неприятель жестоко стрѣлялъ изъ пушекъ по нашимъ, однакожь наши, не смотря на то, съ одною мушкетною стрѣльбою и гранаты (понеже пушекъ не было) оныя оба судна абординировали и взяли, а мая 8-го о полудни привели въ лагерь къ фельдмаршалу оныя взятые суда». Царь придавалъ этой первой побѣдѣ на водѣ огромное значеніе. «За тое—пишетъ онъ—никогда прежде бывшую морскую побѣду было благодареніе Богу съ троекратною стрѣльбою изъ пушекъ и ружья; и притомъ командиры тоя партіи, которые викторію получили, бомбардирскій капитанъ и поручикъ Меншиковъ, учинены кавалерами ордена Св. Андрея, которыя имъ наложены чрезъ адмирала графа Голо-

вина ¹⁾, яко перваго того ордена кавалера и генераль-фельдмаршала Шереметева; а прочимъ офицерамъ даны медали золотыя съ цѣпями, а солдатамъ малыя безъ цѣпей» ²⁾. По обыкновенію, царь извѣстилъ о побѣдѣ своихъ отсутствующихъ сподвижниковъ собственноручными письмами. Изъ отвѣтныхъ, полученныхъ царемъ, приводимъ здѣсь письмо князя В. А. Голицына: «Ты, государь, изволилъ о нынѣшней собственной своей писать побѣдѣ, Богомъ дарованной. Не возми, государь, яко ласкою, ³⁾ но суще отъ сердца со слезами пишу: хотя отъ начала свѣта всѣхъ собрать лѣтописцевъ, нигдѣ не найдемъ, какъ такую отвагою и смѣлымъ сердцемъ учинено, яко сіе тобою. Холопъ твой Бориско.» ⁴⁾.

Такимъ образомъ водный путь въ Балтійское море былъ въ рукахъ нашихъ. Закончимъ рассказъ о завоеваніи этого пути прекрасными словами историка С. М. Соловьева: «Въ IX вѣкѣ по Р. Хр. устьемъ Невы начался великій путь изъ Варягъ въ Греки; этимъ путемъ въ половинѣ вѣка началась Россія. Въ продолженіе осьми съ половиною вѣковъ шла она все на востокъ; дошла вплоть до Восточнаго океана, но сильно наконецъ востоквалась по западномъ морѣ, у котораго родилась, и снова пришла къ нему за средствами къ возрожденію.

¹⁾ Графъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, спутникъ царя въ заграничной поѣздкѣ, былъ награжденъ нашимъ высшимъ орденомъ въ самый день его учрежденія, т. е. 10 марта 1699 года.

²⁾ На медаляхъ были выбиты изображеніе Петра и надпись: „Небываемое бываетъ“.

³⁾ Т. е. льстиво.

⁴⁾ Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ былъ воеводою Казанскаго и Астраханскаго царствъ.

16 мая 1703 года, на одномъ изъ островковъ Невскаго устья стучалъ топоръ, рубили деревянный городокъ. Этотъ городокъ и былъ *Петербурхъ*, столица Російской Имперіи» ¹⁾.

Непосредственно за взятіемъ Невы шло дальнѣйшее покореніе Ингрии. Фельдмаршалъ Шереметевъ вернулъ нашъ городъ Копорье (теперь слобода съ 200 жителей), ²⁾ генераль-маіоръ фонъ-Верденъ занялъ Ямы, серьезно укрѣпленные и переименованные Петромъ Великимъ въ Ямбургъ. Приходилось защищать отъ шведовъ и строившійся Петербургъ. Шведы грозили послѣднему и съ моря, изъ Финскаго залива, и изъ Финляндіи—отъ Сестрорѣцка. Не будучи въ состояніи, за недостаткомъ судовъ, сражаться со шведами на морѣ, Петръ ограничился пока возведеніемъ батареи на мысу Васильевскаго Острова (тамъ, гдѣ теперь стоитъ Биржа). Зато на сушѣ была одержана блестящая побѣда. Шведскій генераль Кронгиортъ вышелъ изъ Выборга съ двѣнадцати-тысячнымъ войскомъ, имѣя въ виду разрушить начатыя русскими работы. Предувѣдомленный объ этомъ своевременно, царь выступилъ изъ Петербурга съ обоими гвардейскими и четырьмя драгунскими полками. Увидѣвъ непріятеля за рѣкою Сестрою, наши

¹⁾ Заключительныя строки 14-го тома „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. С. М. Соловьева.

²⁾ Шереметевъ писалъ царю: „Слава Богу! музыка твоя — мортиры бомбами — хорошо играетъ: шведы горазды танцовать и фортеціи отдавать; а если бы не бомбы, Богъ знаетъ, что бы дѣлать“.

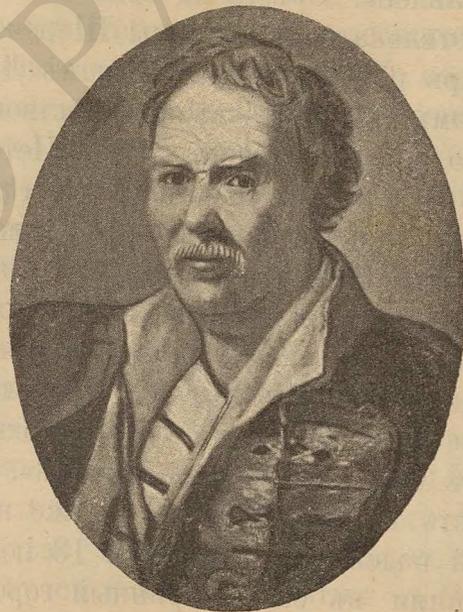
перебрались за нее и храбро атаковали шведовъ. Непріатели потерпѣли поражение и удалились къ Выборгу, оставивъ въ нашихъ рукахъ весь обозъ и часть своей артиллеріи. Не теряя времени, царь отправился послѣ этого на берега Свири, въ Лодейное поле, гдѣ строились различныя военныя суда для Балтійскаго флота. Нѣсколько судовъ было спущено на воду въ присутствіи самого Петра. Кромѣ Лодейнаго поля, названнаго царемъ Олопецкою верфью, суда для Балтійскаго флота строились еще въ Новгородской провинціи, въ устьѣ рѣки Сяси. Вернувшись въ Петербургъ, царь получилъ точное свѣдѣніе о томъ, что долгое время покушавшаяся на новый городъ шведская эскадра адмирала Нуморса ушла зимовать къ Выборгу. Несмотря на наступившіе морозы и показавшійся въ заливѣ ледъ, царь выгхалъ на одномъ изъ галіотовъ въ море, гдѣ направился къ узкому и длинному острову Ретту-сари, издавна извѣстному русскимъ подъ именемъ Котлина. На пути къ нему царь лично вымѣривалъ фарватеръ, а прибывъ на Котлинъ, внимательно обследовалъ его и рѣшилъ создать здѣсь крѣпость для защиты Петербурга со стороны моря. Уѣхавъ на югъ, Петръ поручилъ это дѣло Меншикову, которому прислалъ изъ Воронежа и собственноручно исполненную модель крѣпости. Получивъ точныя указанія, относящіяся къ постройкѣ укрѣпленій, Меншиковъ совершилъ порученное ему дѣло въ теченіе зимы. Вскорѣ на поверхности Финскаго залива возникла трехъярусная деревянная башня, основаніемъ которой послужили большіе ряжи или деревянные ящики, наполненные камнями и погруженные на дно залива. Доставкою матеріала и постройкою были заняты многія

тысячи рабочихъ рукъ. Въ маѣ 1704 года царь осмотрѣлъ произведенныя работы, поставилъ при себѣ артиллерію и назвалъ новую крѣпость Кроншлотомъ или Короннымъ замкомъ.

Вѣсть объ успѣхахъ русскаго оружія облетѣла Западную Европу и возбудила въ ней замѣтное безпокойство. Англійскій посолъ въ Люблинѣ высказался вполне опредѣленно: «что царь приближается къ Балтійскому морю, этого никто въ Европѣ терпѣть не можетъ». Швеція, слабая сравнительно съ Россіей по количеству естественныхъ произведеній, казалась въ этомъ отношеніи болѣе желательной для англичанъ, чѣмъ Россія. Наши союзники завидовали намъ, рекомендовали царю бросить Ингрію съ Лифляндіей и двинуть свои силы въ Польшу на рѣшительную поддержку Августа II, т. е. говоря иными словами — работать не въ свою, а въ ихъ пользу. Сотрудники Карла XII рекомендовали послѣднему оставить въ покоѣ совершенно безсильнаго Августа и обратить оружіе на Петра. Канцлеръ Оксенстерна умолялъ короля не презирать русскихъ. Напрасно: Карль помнилъ только о своей побѣдѣ подъ Нарвою. «Правда, — сказалъ онъ — Ингрія завоевана русскими, Лифляндія страдаетъ отъ ихъ набѣговъ, но одна Нарвская битва возвратитъ намъ потерянное». Не сдаваясь на доводы людей дальновидныхъ, король носился по Польшѣ, преслѣдуя Августа изъ одной области въ другую и упиваясь одерживаемыми побѣдами. Но побѣды эти не приносили практической пользы, доставляя лишь удовольствіе войнолюбивому королю. Попрежнему поддерживаемый царемъ, получая пособія изъ Саксоніи, Августъ оправлялся отъ ударовъ

и снова ставилъ затрудненія своему молодому побѣдителю. Больше всего страдали отъ этой безконечной и бесполезной борьбы поляки. Саксонцы и шведы, враждебные другъ другу, называли себя друзьями Польши. И тотъ и другой народъ имѣли среди поляковъ своихъ приверженцевъ, свои политическія партіи, а населеніе Польши страдало отъ тѣхъ и другихъ. Наконецъ, подъ давленіемъ Карла XII, сеймъ, происходившій въ началѣ 1704 года въ г. Варшавѣ, объявилъ Августа II низложеннымъ съ польскаго престола. Такой поворотъ событій показался царю опаснымъ для Россіи. Вотъ почему онъ двинулъ въ Польшу, на соединеніе съ Августомъ, 12.000 пѣхоты и 5000 казаковъ, при чемъ приказалъ малороссійскому гетману Мазепѣ быть готовымъ привести туда же всѣ силы Малороссіи. Фельдмаршалъ Шереметевъ уже привелъ свою армію въ совершенную готовность къ походу въ Курляндію, «чтобъ, по принятіи другаго письма, ни трехъ дней не мѣшкать». И вдругъ произошла рѣшительная перемѣна событій. Новый, Сендомирскій сеймъ объявилъ рѣшенія Варшавскаго сейма противозаконными. Съ другой стороны, и на Варшавскомъ сеймѣ произошло разногласіе: въ концѣ концовъ тамъ склонились къ избранію на престолъ великаго гетмана, князя Любомірскаго. Но Карлъ XII, подойдя къ Варшавѣ, потребовалъ отъ сейма избранія своего любимца Станислава Лещинскаго, и Станиславъ былъ провозглашенъ королемъ. Однако, почти все польское дворянство, оскорбленное насиліемъ со стороны Карла, отказалось признавать вновь избраннаго короля и стало на сторону стараго. Новыя подкрѣпленія изъ Россіи и Саксоніи дали Августу средства для возобно-

вленія борьбы съ Карломъ. Станислава Лещинскаго признавали только тамъ, гдѣ были шведскіе лагеря, Августа—вездѣ, гдѣ не было шведовъ. Карлу XII пришлось поддерживать оружіемъ возведеннаго имъ на престолъ Польши короля.

Гетманъ Мазепа.

Руки Петра Великаго снова были развязаны. Онъ остановилъ походъ Шереметева въ Курляндію, приказавъ ему отправить къ границамъ только часть конницы, а съ главными силами идти на Дерптъ. Остальныя войска были двинуты царемъ къ Нарвѣ. Ему представлялось рѣшительно необходимымъ завоевать этотъ городъ. Дѣло въ томъ, что къ устьямъ Наровы направлялся многочисленный шведскій флотъ, а Шлиппен-

бахъ усиливаль свой корпусъ въ Ревелѣ, чтобы подать помощь стѣсненнымъ русскими городамъ Лифляндіи. Осада Нарвы нашимъ войскомъ не имѣла вначалѣ желаемого успѣха, такъ какъ осадная артиллерія, которую везли изъ Петербурга черезъ лѣса и болота, еще не была доставлена. Вмѣстѣ съ тѣмъ затянулась осада Дерпта, что отвлекало отъ Нарвы Шереметева съ его отрядомъ. Царь рѣшилъ отправиться къ Дерпту, чтобы личнымъ своимъ присутствіемъ посодѣйствовать скорѣйшему паденію города. Прибывъ сюда, Петръ въ самомъ дѣлѣ нашелъ неурядки: кое-что, уже сдѣланное, пришлось бросить, кое-что передѣлать. «Зѣло жаль,—писаль Петръ—что 2000 уже бомбъ выметано безпучно». И здѣсь царь оказался душою дѣла. Вомбардировка, теперь правильно веденная, продолжалась цѣлую недѣлю днемъ и ночью. Послѣ этого войска были двинуты на приступъ. Бой былъ столь жестокимъ, что самъ царь назвалъ его «огненнымъ пиромъ». Комендантъ сдалъ крѣпость только тогда, когда уже не оставалось ни малѣйшей надежды на спасеніе. 13 іюля 1704 года русскіе вступили въ свой старинный городъ, который былъ основанъ за 675 лѣтъ до этого Ярославомъ Мудрымъ, подъ именемъ Юрьева. Петръ былъ несказанно обрадованъ тому, что «славный отечественный градъ паки полученъ».

Взятіе Дерпта освободило Шереметева. Послѣ этого царь двинулся съ нимъ и десятитысячнымъ войскомъ къ осажденной Нарвѣ. Въ русской арміи, послѣ присоединенія Шереметева, насчитывалось свыше 45.000 человекъ. Въ Нарвѣ было 4.555 солдатъ; кромѣ того, небольшой отрядъ засѣлъ въ Иванъ-городѣ. По числен-

ности орудій осажденные имѣли рѣшительное преимущество надъ нами: у насъ было всего 150 орудій, у нарвскаго гарнизона—432, да въ Иванъ-городѣ—128, т. е. въ общей сложности безъ малаго въ четыре раза больше. Комендантомъ Нарвы былъ тотъ самый Горнъ, который мужественно оборонялся въ 1700 году. На нарвскомъ рейдѣ стояло нѣсколько десятковъ шведскихъ судовъ, въ томъ числѣ 7 военныхъ. На корабляхъ были большіе запасы хлѣба, мяса, сельдей, масла и солода. Но Петръ еще за нѣсколько мѣсяцевъ поставилъ преграду для проѣзда непріятелей съ моря въ городъ. Всѣ, кто отправляется въ наше время на лѣтнее пребываніе въ извѣстный курортъ Усть-Нарову или Гунгербургъ, хорошо знаютъ рѣчку Росонь, впадающую въ устье Наровы и сильно обмеляющую ее ¹⁾. Здѣсь-то, при слияніи двухъ рѣкъ, были установлены батареи, отданныя подъ начальство околичному Петру Апраксину. Въ распоряженіи его находилось до 2.500 человекъ. Несмотря на это, еще до прихода подъ Нарву нашей арміи, нѣсколько шведскихъ судовъ съ 700 солдатъ успѣли, пользуясь ночью, прорваться въ Нарву. Апраксинъ долго не хотѣлъ признавать вины за собою, ссылаясь на особенную трудность своего положенія и, по видимому, поджидая распоряженія царя о присылкѣ кораблей изъ Кроншлота.

Какъ бы то ни было: осажденные не унывали и ждали съ часу на часъ прибытія Шлиппенбаха. Носи-

¹⁾ Отсюда по наведенному на лѣвый берегъ Наровы мосту и прошла наша армія 30-го мая 1704 года, чтобы дѣйствовать противъ Нарвы и Иванъ-города.

лась даже молва о приходѣ на выручку Нарвы самого Карла. Во всякомъ случаѣ, нашимъ нельзя было терять времени, и царь назначилъ штурмъ города на 9 августа. Въ назначенный день, въ 2 часа пополудни, штурмующіе кинулись на лѣстницы, придвинутыя къ стѣнамъ. Солдаты были полны одушевленья; тѣ, которые находились позади, громко жаловались на то, что ихъ

Могила русскихъ воиновъ, павшихъ при взятіи Нарвы въ 1704 году.

не послали первыми. Шведы защищались съ мужествомъ отчаянія: скатывали бочки и камни, сбрасывали лѣстницы, по которымъ взбирались наши солдаты, взорвали подъ брешью въ стѣнѣ подкоецъ, но ничто не оставило русскихъ. Не прошло $\frac{3}{4}$ часа, а русское знамя уже развѣвалось на стѣнахъ крѣпости. Ворвавшись въ городъ, русскіе преслѣдовали шведовъ и не давали пощады рѣшительно никому. Напрасно офицеры

пытались остановить бесполезное кровопролитіе: ихъ не слушались. Только царю удалось остановить его. Преданіе говоритъ по поводу этого, что царь собственноручно закололъ одного русскаго солдата, грабившаго и убивавшаго мирныхъ гражданъ. Иванъ-городъ оставался нѣсколько дней въ рукахъ шведовъ, но 16 августа сдался и онъ. Вступленіемъ русскихъ въ Иванъ-городъ

Дворецъ Петра Великаго въ Нарвѣ.

закончилось покореніе Нарвы. Въ память павшихъ при взятіи Нарвы воиновъ воздвигнутъ сравнительно въ недавнее время на бастіонѣ Victoria, въ такъ называемомъ Темномъ саду, большой металлическій крестъ на плитняковомъ фундаментѣ; памятникъ имѣетъ видъ надгробнаго монумента.

Взятіе Нарвы, важное и само по себѣ, доставило Петру и его современникамъ большое нравственное

удовлетвореніе. Въ письмѣ царя, написанномъ князю Ѳ. Ю. Ромодановскому, находятся, между прочимъ, слѣдующія строки: «Siir! я не могъ оставить безъ возвѣщенія, что всемилостивѣйшій Господь каковымъ счастьемъ сію атаку окончатъ благоволилъ. Гдѣ предъ четырьмя лѣты оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдители учинилъ: ибо сію преславную крѣпость, чрезъ лѣстницы, шпагою, въ три четверти часа получили». То же чувство сказалось и въ записочкѣ Петра, отправленной имъ на Олонецкую верфь, на имя адмиралтейств-совѣтника Кикина: «инова не могу писать только что Нарву, которою 4 года нарывало ¹⁾), нынѣ, слава Богу, прорвало, о чемъ пространнѣе скажу самъ. Piter».

Въ то время, когда мысли Петра были всецѣло поглощены Нарвою, шведы покушались на Петербургъ и Кроншлотъ, но обѣ попытки окончились для нихъ неудачей.

Побывавъ послѣ взятія Нарвы въ Дерптѣ, Псковѣ, Новгородѣ и на Олонецкой верфи, царь пріѣхалъ изъ послѣдней въ Петербургъ съ 6-ю фрегатами и 9-ю бригантинами ²⁾). Въ пору кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ Петръ заложилъ здѣсь корабельную верфь на лѣвомъ или Ингерманландскомъ берегу Невы, наискось отъ Петропавловской крѣпости, на мѣстѣ нынѣшняго Адмиралтейства. Это была третья верфь изъ основанныхъ имъ для сооруженія Балтійскаго флота.

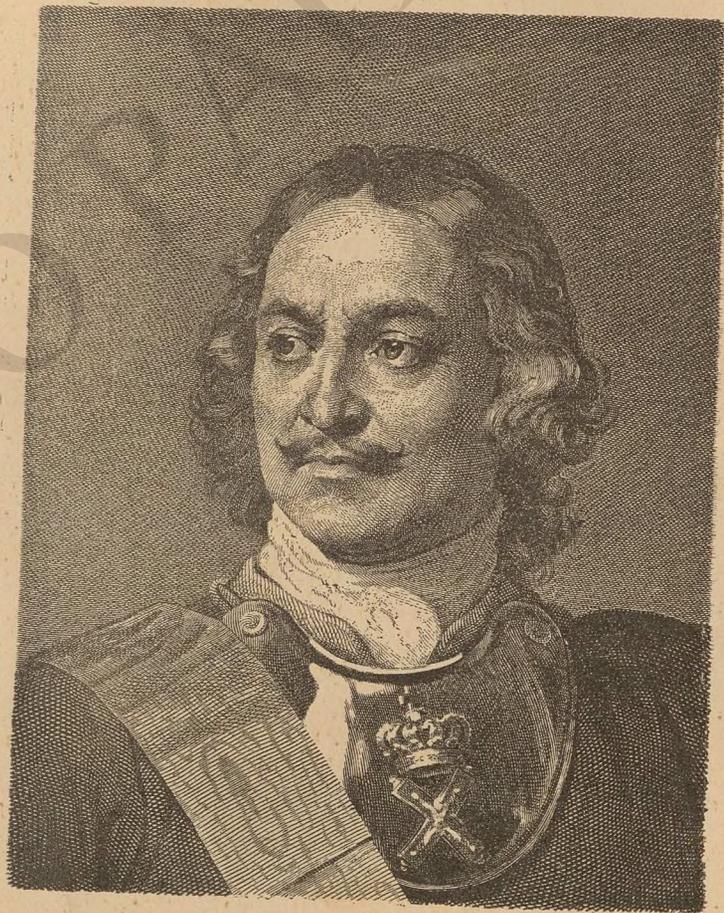
¹⁾ Въ оригиналѣ „нарывала“.

²⁾ Бригантина—легкій двухмачтовый военный или грузовой корабль.

Воюя со шведами и совершая личные подвиги въ важнѣйшіе моменты этой войны, создавая въ то же время и средства для счастливаго продолженія и окончанія ея, Петръ непрерывно занимался дѣлами внутренняго управленія и руководилъ внѣшнею политикою Россіи. Съ одной стороны, во время блестящихъ побѣдъ надъ шведами замутились, было, мирныя отношенія съ Турціей. Съ другой стороны, рѣшительная побѣда Карла XII надъ Августомъ заставила его оказать послѣднему особенно существенную поддержку. Мирныя отношенія съ Турціей, къ счастью, скоро возстановились. Поспособствовало этому разграниченіе владѣній Россіи и Турціи, совершившееся при дѣятельномъ участіи нашего чрезвычайнаго и полномочнаго посла въ Константинополь, графа Петра Андреевича Толстого. Онъ долженъ былъ, по наказу царя, всячески стараться, чтобы Турція удерживала крымскихъ татаръ и не вмѣшивалась бы въ тогдашнія польскія дѣла. Толстому было такъ тяжело въ Константинополь, что послѣ установленія точной границы между русскими и турецкими владѣніями онъ просился въ отставку. На это царь отвѣчалъ ему (7 марта 1706 года): «господинъ амбасадеръ! письмо ваше о заключеніи границъ и о прочемъ мы благодарно приняли, на которое и о иныхъ дѣлахъ писалъ къ вамъ пространнѣе господинъ адмиралъ. ¹⁾ Что же о самой вашей персонѣ, чтобъ васъ перемѣнить и то исполнено будетъ впредь; нынѣ же, для Бога, не поскучь еще нѣкоторое время быть: большая нужда тамъ вамъ побыть, которыхъ вашихъ трудовъ Господь

¹⁾ Графъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ.

Богъ не забудетъ, и мы никогда не оставимъ». Толстой былъ такимъ образомъ очень нуженъ для царя, нуженъ именно въ интересахъ благополучнаго теченія и разрѣшенія Великой Сѣверной войны. Въ тѣхъ же интересахъ нужно было поддерживать Августа II. Въ русскій лагерь подъ Нарвой, еще до взятія ея, пріѣхалъ польскій великій посоль съ просьбою о содѣйствіи Рѣчи Посполитой, т. е. Польшѣ, въ конецъ разоряемой шведами. Но, на самомъ дѣлѣ, ее разоряли не одни шведы: Карль XII разорялъ воеводства, которыя не признали его ставленника, Станислава Лепчинскаго. Августъ II поступалъ такъ же съ воеводствами, признавшими Лепчинскаго королемъ. Въ то же время въ польской Малороссіи бушевало кровавое казацкое возстаніе. Августъ II, приведенный всѣмъ этимъ въ ужасное состояніе, постоянно требовалъ отъ Россіи войска и денегъ, горько жалуясь при этомъ, что царь какъ будто позабылъ о немъ. «Шведы врываются въ Польшу,—писалъ Августъ Петру—а вы сидите тихо дома! Не заставьте меня сдѣлать что-либо противное союзу. Ударьте на шведовъ, спасите Литву, которая такъ храбро противъ нихъ билась»... Петръ, оправдываясь, отвѣчалъ ему: «съ самаго начала союза я трудился по крайней возможности и не только не оставлю моихъ трудовъ, но болѣе и болѣе умножать буду: нельзя же забыть великой клятвы, которою я и ваше величество въ Виржахъ другъ другу обязались; я не нарушу ея: это было бы зѣло безчестно и душевредительно: пусть всею тягостію она падетъ на разрушителя»... Только послѣ взятія Нарвы наступило время для болѣе дѣятельнаго участія Петра въ судьбѣ Августа и Рѣчи Посполитой.

Петръ Великій.

Въ августѣ 1704 года между Россіей и Рѣчью Посполитой былъ заключенъ наступательный и оборонительный союзъ противъ Швеціи. Царь обязывался, начиная съ 1705 года, выплачивать ежегодно для содержанія войска Рѣчи Посполитой по 200.000 рублей (2.000.000 польскихъ злотыхъ), послать подъ команду короля 12.000 человекъ войска и уступить Рѣчи Посполитой все города Лифляндіи, покоренные русскимъ оружіемъ ¹⁾.

Вотъ почему царь вскорѣ послѣ взятія Нарвы отправилъ въ Литву князя Аникиту Ивановича Репнина съ войскомъ, состоявшимъ изъ 10.000 слишкомъ человекъ. Войско это расположилось на зимнихъ квартирахъ въ Полоцкѣ и его окрестностяхъ. Вслѣдъ за нимъ двинулся туда же съ первою частью пѣхоты фельдмаршалъ Шереметевъ. Вскорѣ прибыли туда и остальные полки. Всего къ веснѣ 1705 года сосредоточилось въ окрестностяхъ Полоцка около 60.000 русскаго войска. Самъ царь оставался на время въ Москвѣ, гдѣ открывалъ новые источники доходовъ, пополнялъ азовскій флотъ новыми кораблями, армию—рекрутами, самъ испытывалъ новыя орудія, посылаемыя въ армию, и лично обучалъ новобранцевъ. Въ концѣ мая онъ поѣхалъ къ арміи, въ Полоцкъ, но мысленно переносился къ Петербургу, которому грозили шведы.

Къ счастью, попытки шведовъ использовать отъѣздъ Петра на западъ потерпѣли полную неудачу. Непріятельская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Анкерстерна, пыталась завладѣть Кроншлотомъ, чтобы

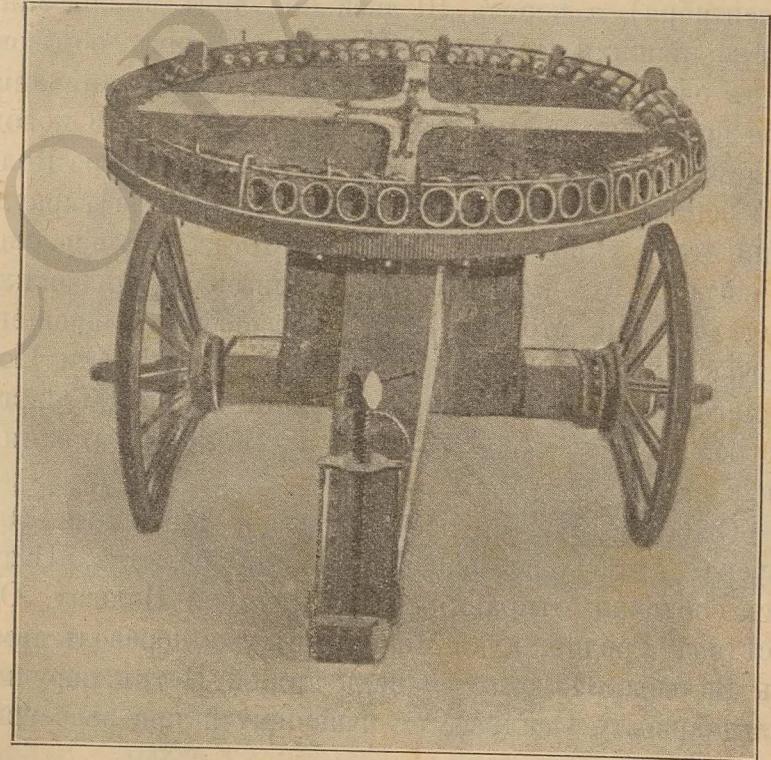
¹⁾ Позднѣе, въ 1709 году, Августъ II отказался отъ всякихъ притязаній Рѣчи Посполитой на Лифляндію.

напасть затѣмъ на Петербургъ. Одновременно съ Анкерстьерномъ долженъ былъ двинуться изъ Выборга на Петербургъ генераль Майдель съ корпусомъ, въ которомъ было около 10000 человекъ. Шведскій генераль рассчитывалъ на полную удачу, такъ какъ зналъ, что въ Петербургѣ войска немного. Мужественная защита Кроншлота вице-адмираломъ Крюйсомъ заставила шведскаго адмирала совершенно отказаться отъ своего намѣренія. Крюйсъ не только отстоялъ Кроншлотъ, но отправилъ нѣсколько судовъ къ Петербургу, на помощь оберъ-коменданту Роману Вилимовичу Брюсу. ¹⁾ Батареи судовъ, присланныхъ Крюйсомъ, дѣйствуя одновременно съ батареями Брюса, заставили шведовъ, уже занявшихъ часть Каменнаго Острова, отступить съ большимъ урономъ. Потерпѣвъ еще двѣ неудачи подъ Шлиссельбургомъ, Майдель окончательно ретировался въ Выборгъ.

Сосредоточеніе въ окрестностяхъ Полоцка шестидесятитысячной русской арміи заставило шведскаго генерала Левенгаупта опасаться за Ригу. Для защиты этой важной крѣпости онъ собралъ все шведскіе отряды, находившіеся въ Курляндіи въ одинъ корпусъ и расположился съ 8000 человекъ въблизи Митавы. Съ своей стороны царь, хотѣвшій направиться противъ самого Карла XII, естественно не пожелалъ оставлять въ тылу такого серьезнаго отряда. Вотъ почему онъ предписалъ фельдмаршалу Шереметеву уничтожить его, отрѣзавъ его отъ Риги. Шереметевъ обошелъ непріа-

¹⁾ Этого Брюса не слѣдуетъ смѣшивать съ авторомъ извѣстнаго календаря. Авторомъ былъ его сынъ.

теля, сталъ между нимъ и Ригею, но потерпѣлъ неудачу (при Гемауертгоффѣ). Царь утѣшалъ сконфуженнаго фельдмаршала: «не извольте о бывшемъ несчастіи печальны бытъ, понеже всегдашняя удача много людей

Круглая батареяка времени Полтавскаго боя (Артил. музей).

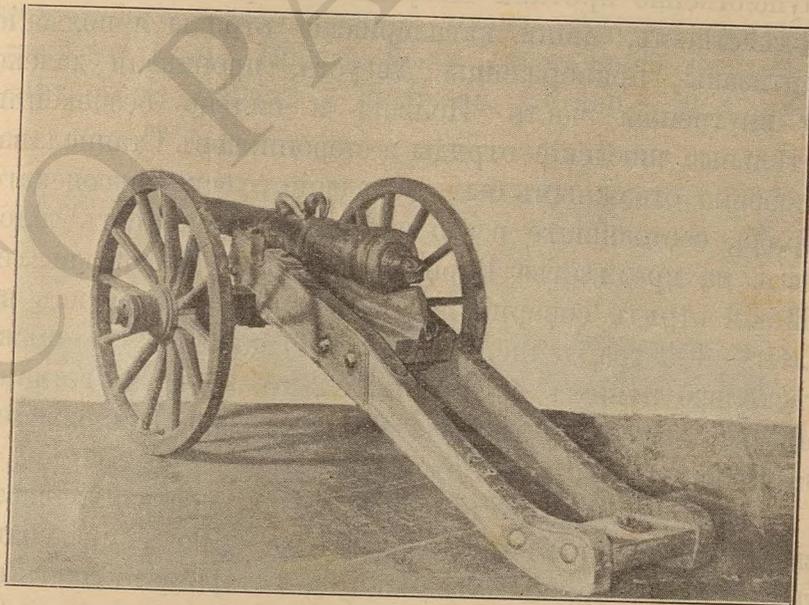
ввела въ пагубу: забудьте и паче людей ободрайте». Но въ то же время онъ предписывалъ ему всеми мѣрами не пропускать Левенгаупта въ Ригу, а самъ рѣшилъ направиться на него изъ Вильны, гдѣ уже на-

ходила въ то время наша главная армія. Но Шереметевъ и на этотъ разъ не смогъ выполнить возложеннаго на него порученія: Левенгауптъ укрылся-таки въ Ригѣ и Дюнамюнде. Царь рѣшилъ оставить пока Ригу въ покоѣ, взявъ послѣ кратковременной осады Митаву (4 сентября), а черезъ 10 дней получилъ въ обладаніе взятую нашими крѣпость Баускъ. Такимъ образомъ Петръ овладѣлъ всею Курляндіею. Достоинно вниманія, какъ царь оберегалъ честь русскаго имени. По поводу принятія митавскаго замка въ «Журналъ» Петра Великаго записанъ слѣдующій фактъ. ¹⁾ «И когда караулы наши стали у шведовъ принимать, тогда подь церковью въ погребѣ, гдѣ кладутся тѣла Князей Курляндскихъ, увидѣли наши, что ихъ тѣла изъ гробовъ выброшены и ограблены, что видя не смѣнили; но призвали Полковника Кноринга, у котораго взяли во свидѣтельство письмо, что его люди то сдѣлали, и потомъ приняли всѣ караулы».

Овладѣвъ Курляндіею и оставивъ въ ней генерала Бауера съ нѣсколькими драгунскими полками, Петръ могъ спокойно отправиться въ Литву и Польшу. Онъ посѣтилъ Гродно, куда Меншиковъ уже перевелъ армію изъ Вильны. Начальство надъ арміею Петръ поручилъ фельдмаршалу Огилви, отличившемуся при завоеваніи

¹⁾ „Журналъ или Поденная записка блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія Нейштатскаго мира“. Журналъ этотъ составлялся по приказанію царя, былъ имъ просмотрѣнъ и во многихъ мѣстахъ исправленъ собственноручно. Мотивомъ къ составленію журнала послужило то обстоятельство, „что нерѣдко дѣла государей поврежденныя потомству въ память предаются“.

Нарвы, ¹⁾ такъ какъ другой фельдмаршалъ, Шереметевъ, еще ранѣе былъ отправленъ въ Астрахань, противъ возмущившихся тамъ стрѣльцовъ. ²⁾ Карлъ XII, зная о томъ, что Августъ собираетъ въ Саксоніи новыя

Русская пушка.

силы, а русскія войска передвигаются по Литвѣ, не предпринималъ ничего рѣшительнаго, интересуясь, по-видимому, только Станиславомъ Лещинскимъ. Придви-

¹⁾ Въ „Исторіи императора Петра Великаго“, написанной Теофаномъ Прокоповичемъ, отмѣчено, что, „Огилвій не бывалъ генераль-фельдмаршаломъ, но токмо генераль-фельдмаршаломъ-лейтенантомъ“.

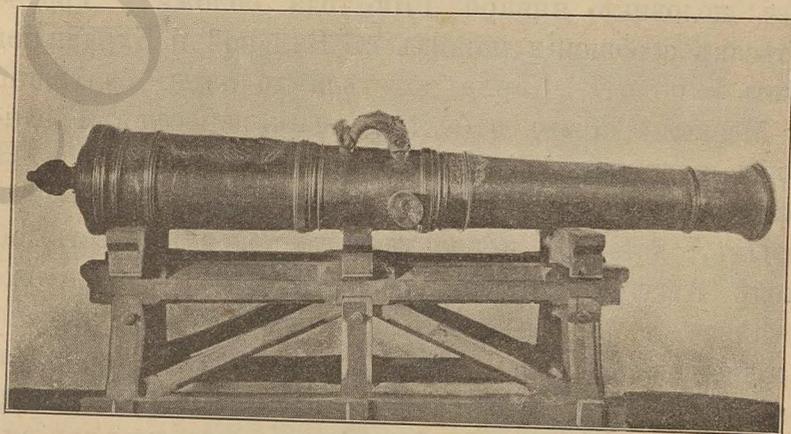
²⁾ Бунтъ былъ окончательно усмиренъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ 13 марта 1706 г.

нувшись отъ границъ Силезіи къ Варшавѣ, ¹⁾ онъ стоялъ здѣсь около пяти мѣсяцевъ, до конца 1705 года, былъ свидѣтелемъ коронаціи Станислава и заключилъ съ нимъ дружественный договоръ, направленный преимущественно противъ Августа и Петра. Пользуясь его бездѣйствіемъ, наши кавалерійскіе отряды и польскіе партизаны, приверженцы Августа, проникали далеко во внутреннія части Польши и сильно беспокоили отдѣльные шведскіе отряды и сторонниковъ Станислава. Особенно отважнымъ было нападеніе русско-саксонскаго отряда, состоявшаго всего изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ, на предмѣстье Варшавы, Прагу. Этотъ кавалерійскій отрядъ совершенно безнаказанно захватилъ въ плѣнъ 400 гвардейцевъ короля Станислава, а также нѣсколько пушекъ и знаменъ. Въ то же время гетманъ Мазепа, начальствуя надъ 20.000 казаковъ, появился на Волыни и занялъ Замостье.

Направляясь къ Варшавѣ, Карлъ оставилъ часть своего войска на силезской границѣ, подъ предводительствомъ генерала Рееншильда, которому вмѣнилъ въ обязанность сторожить саксонцевъ, находившихся на Одерѣ. Царь удивлялся бездѣятельности послѣднихъ, а также и продолжительному пребыванію Августа II въ Дрезденѣ. „Я зѣло дивлюсь, что король польскій дѣлаетъ нынѣ при такомъ сильномъ раздвоеніи непріятеля. За чѣмъ не выходить въ Польшу, не знаю“. А король, собравъ большое войско (въ 20.000 чел.), не рѣшался, однако, вести его противъ корпуса, руково-

¹⁾ Онъ остановился въ Блонѣ (уѣздн. гор. Варшавской губерніи), въ 28 верстахъ отъ Варшавы,

димаго Рееншильдомъ и состоявшаго только изъ 9000 человекъ. Въ отвѣтъ на настойчивыя сѣтованія царя Августъ пробрался тайкомъ, подъ чужимъ именемъ, на свиданіе съ Петромъ. Оба государя провели въ Гроднѣ нѣсколько недѣль, принимая мѣры къ лучшему устройству войскъ и выработывая планъ дѣйствій на предстоящую весну. Войска были разставлены на зимнія квартиры въ Гроднѣ и Тикочинѣ. Оставивъ всю армію

Русская пушка.

въ распоряженіе Августа, Петръ уѣхалъ въ Москву, куда призывали его дѣла.

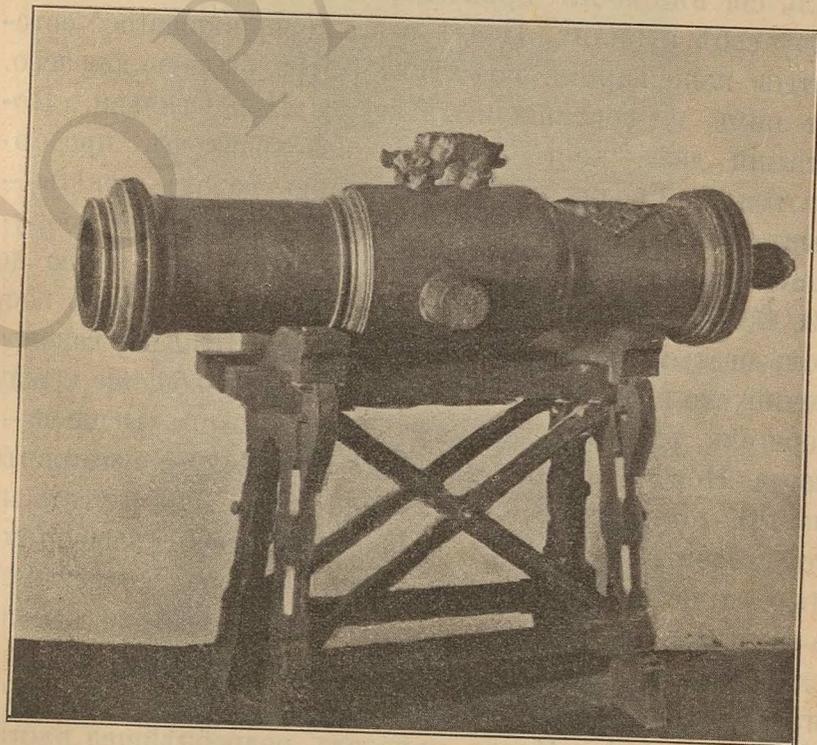
Вскорѣ послѣ отъѣзда царя изъ Гродна выѣхалъ оттуда и король Августъ II съ саксонцами и большею частью русской кавалеріи, сдавъ начальство надъ арміей Огильви. У короля было намѣреніе встрѣтить своего генерала Шуленбурга, выступившаго изъ Силезіи, и вмѣстѣ съ нимъ напасть на Рееншильда, разбить его, а

затѣмъ вернуться въ Гродно. Но вскорѣ произошли совершенно неожиданныя обстоятельства.

Карль XII нѣкоторое время все еще оставался въ окрестностяхъ Варшавы. Давно уже наступила зима со стужами и снѣгомъ. Несмотря на это, шведскій король жилъ попрежнему въ лѣтней палаткѣ, согрѣваемой калеными ядрами. Когда же морозъ окончательно заковалъ въ ледяную броню рѣки и болота, Карль снялся съ лагеря, быстро перешелъ Вислу, Бугъ и Нѣманъ и въ половинѣ января 1706 года обложилъ Гродно, отрѣзавъ сообщенія нашихъ съ Вильной и Курляндіей. Вѣсть о походѣ Карла долетѣла до царя, болѣвшаго въ Москвѣ. Забывъ о болѣзни, царь понесся въ Гродно, чтобы предупредить приходъ Карла, но не успѣлъ. На дорогѣ (въ Дубровкѣ) онъ повстрѣчался съ Меншиковымъ, который передалъ ему роковую вѣсть объ уходѣ Августа и о начавшейся осадѣ. „О, зѣло намъ печально, что мы не могли къ вамъ доѣхать, и въ какой мысли нынѣ мы есть, то Богу одному извѣстно!“ такъ писалъ царь Репнину, бывшему въ осажденномъ городѣ. Положеніе нашей арміи было очень тяжелымъ въ виду изсякавшаго провіанта и почти полнаго отсутствія кавалеріи. Карль не отважился на атаку гродненскихъ укрѣпленій, но не отступалъ отъ осажденного города ни на шагъ и стерегъ русскихъ, какъ хищный звѣрь стережетъ свою вѣрную добычу. Переписываясь съ Огильви, царь требовалъ заботы о сохраненіи войска и предписывалъ, если представится случай, идти, не мѣшкая, во-свояси.

Между тѣмъ Августу II, покинувшему Гродно для встрѣчи и соединенія съ Шуленбургомъ, предстояла

полная неудача. Рееншильдъ не допустилъ этой встрѣчи и напалъ на Шуленбурга близъ Фрауштадта. Въ войскѣ Шуленбурга было 6000 русскихъ солдатъ. Въ какой-нибудь часъ Рееншильдъ разсѣялъ все войско Шуленбурга. На мѣстахъ бѣгства осталось 7000 тру-

Русская пушка.

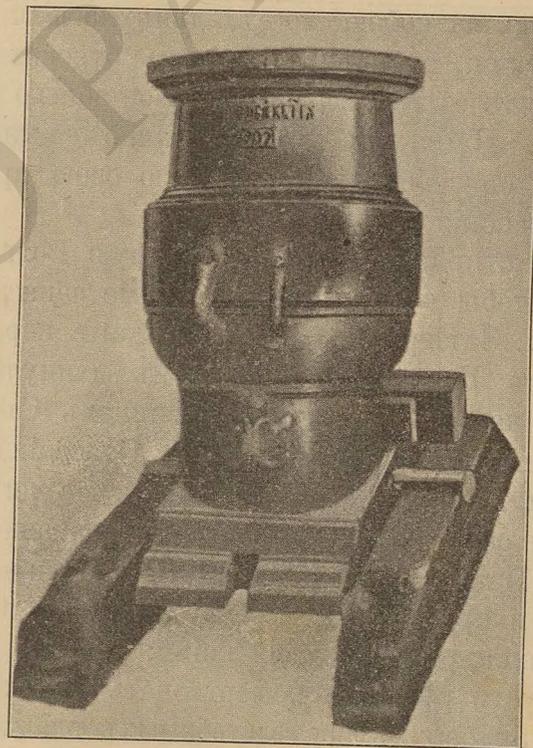
повъ и вся артиллерія, кромѣ одной пушки, которую увезли бѣжавшіе. Августъ II, стоявшій съ 10.000 саксонцевъ, поляковъ и русскихъ, поспѣшно повернулъ къ Кракову. Петръ былъ снова огорченъ и возмущался до глубины души Шуленбургомъ и саксонцами. Въ

частныхъ письмахъ онъ приписывалъ неудачу измѣнѣ саксонцевъ. Тѣсное соединеніе нашихъ войскъ съ западноевропейскими ¹⁾ и наши щедрыя субсидіи приносили одно горе. Сообщая Головину о Фраунштадтскомъ пораженіи, царь писалъ: „Богъ вѣсть какую намъ печаль сія вѣдомость принесла, и только дачею денегъ бѣду себѣ купили“. Послѣ всего совершившагося оставаться нашей арміи, по мнѣнію Петра, было не для чего. Съ нимъ не соглашались Августъ II и Огильви. Послѣдній даже настаивалъ на необходимости продержаться въ Гроднѣ до лѣта, а царю давалъ совѣты—выставить на русской границѣ 20.000 хорошо вооруженныхъ дворянъ и увеличить, кромѣ того, армію до 50.000 человекъ. Царь рѣшительно предписывалъ воспользоваться предстоящимъ вскрытіемъ Нѣмана, каковое неминуемо прерветъ на нѣкоторое время сообщеніе между берегами рѣки. „Мой совѣтъ,—писалъ онъ Огильви—когда Немонъ вскрыется (а до тѣхъ мѣстъ изготовить мостъ), тотчасъ немѣшкавъ перейтить Немонъ и итти по той сторонѣ, ²⁾ и ежели такъ скоро учините при пловущемъ льду, то непріятелю не возможно будетъ нигдѣ перейтить, а вамъ зѣло будетъ въ тотъ часъ выйтти свободно, однако смотрите того, чтобы прежде разлитія малыхъ речекъ итти, ибо, когда разольются, невозможно будетъ“. Кромѣ указанія, Петръ прислалъ подробнѣйшее наставленіе, какимъ образомъ слѣдуетъ выполнить его планъ. Планъ этотъ навѣянъ внезапною, геніальной мыслью

¹⁾ Соединеніе русскихъ войскъ съ войсками Августа II въ Литвѣ было результатомъ настойчивыхъ совѣтовъ Паткуля.

²⁾ Царь разумѣетъ лѣвый берегъ рѣки.

царя. Онъ твердо вѣровалъ въ полную возможность его исполненія. Изъ Минска, гдѣ онъ пробылъ около мѣсяца, Петръ поѣхалъ въ Петербургъ. На душѣ его просвѣтлѣло. По дорогѣ, въ Нарвѣ, онъ праздновалъ

Русская мортира.

Свѣтлое Христово Воскресенье. „Сегодня по обѣднѣ—пишетъ онъ Меншикову—первое были въ вашемъ дому и разговѣлись; а при окончаніи сего дня паки окончили веселіе въ вашемъ дому. Во истину, слава Богу, веселы: понеже веселіе безъ васъ и отъ васъ,

яко брашно безъ соли“. Письмо подписано всѣми спутниками Петра. Самъ царь подписалъ его словами: „Протодіаконъ Петръ“. Предчувствіе Петра оправдалось: въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенья наша армія благополучно перебралась черезъ Нѣманъ и, разрушивъ за собою мостъ, двинулась къ Вресту. Карлъ пытался, было, преслѣдовать русскихъ, но неудачно. Послѣ этого онъ повелъ свое войско на отдыхъ въ Волинъ. Наша армія благополучно достигла Кіева и привезла съ собою не только всю свою артиллерію, но и гродненскія пушки.

Карлъ отправился въ плодородную Волинъ только для того, чтобы собрать въ ней новые запасы для своего войска. Затѣмъ, послѣ двукратнаго перехода изъ Кракова въ Гродно и обратно, онъ двинулъ главныя свои силы черезъ Галицію къ границамъ Саксоніи. Съ нимъ соединился и Рееншильдъ. Въ Саксоніи Карлъ XII не встрѣтилъ никакого сопротивленія: кто могъ, бѣжалъ; оставшіеся обязались уплатить огромную денежную контрибуцію. Напрасно ждалъ Августъ помощи отъ другихъ государей и прежде всего — отъ государей Священной Римской имперіи германской націи: помощи не приходило. Августъ рѣшился пожертвовать польской короной для спасенія своихъ наслѣдственныхъ владѣній. Уполномоченными обѣихъ сторонъ былъ подписанъ 13 октября 1706 года тайный договоръ въ замкѣ Альтранштадтѣ, недалеко отъ Лейпцига. На основаніи этого договора Августъ отказывался отъ польской короны, признавалъ польскимъ королемъ ставленника Карла XII, Станислава Лещинскаго, разрывалъ союзъ съ царемъ Петромъ, выдавалъ Паткуля и русскихъ солдатъ, находившихся

въ Саксоніи, обязывался содержать на счетъ Саксоніи непріятельское войско въ продолженіе цѣлой зимы и дѣлалъ другія, менѣе значительныя уступки.

При первомъ извѣстіи о походѣ Карла на Саксо-

Пушка-револьверъ времени Полтавскаго боя (Арт. музей).

нію Петръ выслалъ на помощь Августу 20.000 драгунъ, подъ начальствомъ Меншикова. Меншиковъ настигъ шведскій отрядъ Мардерфельда подъ Калишемъ. Хотя Мардерфельдъ и получилъ отъ Августа тайное увѣдомленіе о заключеніи мира, но не внялъ ему и выстроилъ

свое войско, состоявшее изъ 8—10 тысячъ шведовъ¹⁾, въ боевой порядокъ. Съ нами были саксонцы и поляки. Шведы потерпѣли страшное пораженіе: ихъ полегло на полѣ битвы до 5000 человекъ, 2598 были взяты въ плѣнъ, въ наши руки перешли 26 знаменъ и 3 орудія. Въ реляціи о Калишской битвѣ, между прочимъ, сказано: «былъ жестокой съ обѣихъ сторонъ бой, на которомъ въ непрестанномъ огнѣ три часа были, и помощію Божіею наши вѣнчающую силу взяли, и такъ жестоко на непріятели наступили, что въ конецъ онаго разорили, развѣ малая часть отъ конницы шведской ушла, а пѣхота вся на мѣстѣ осталась». Извѣстіе о Калишской побѣдѣ обрадовало Петра. Онъ писалъ Меншикову: «уже третій сей день, какъ празднуемъ, и нынѣ станемъ въ вашемъ домѣ обѣдать и про ваше здоровье пить». Меншиковъ получилъ отъ царя въ награду фельдмаршальскій жезлъ, украшенный алмазами; отличившимся были отправлены медали и подарки.

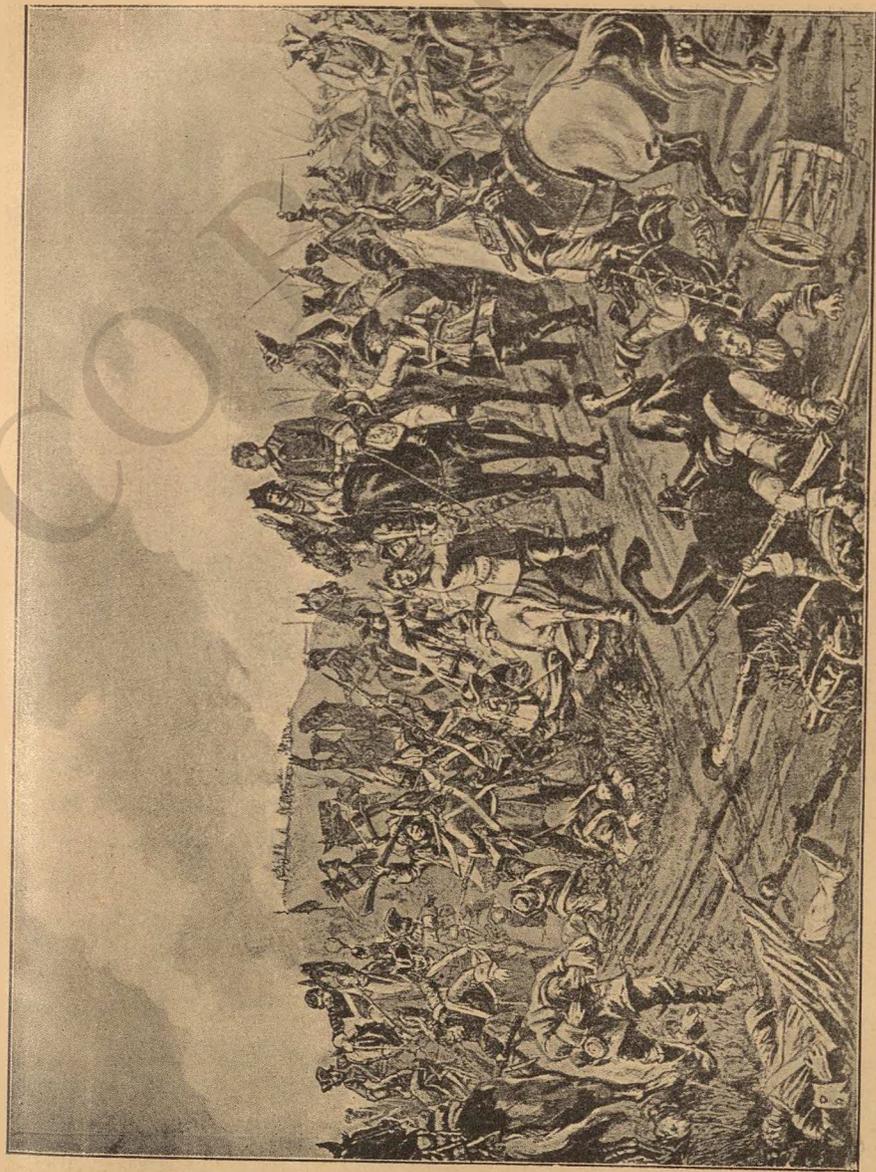
Карль XII, раздраженный извѣстіемъ о Калишскомъ пораженіи, объявилъ договоръ нарушеннымъ и грозилъ Августу местию, но Августъ выпросилъ у него въ Лейпцигѣ прощеніе и въ наказаніе долженъ былъ письменно поздравить Станислава Лещинскаго съ польскою короной.

Радость, принесенную Петру Калишской побѣдой, отравило извѣстіе объ Альтранштадтскомъ договорѣ, объ измѣнѣ Августа своему союзнику. Мысль объ единоборствѣ съ Карломъ, видимо, смущала его. Онъ съ увле-

¹⁾ Кромѣ шведовъ, въ войскѣ Мардерфельда было 15000 поляковъ „противной стороны“.

ченіемъ боролся съ врагомъ въ ту пору, когда Карль, по его выраженію, «увязъ» въ Польшѣ. Теперь Карль высвободился изъ того болота, которое засосало его. Теперь онъ обрушится со своимъ превосходнымъ войскомъ на Россію, которой и протекшіе годы войны стоили столько трудовъ и лишеній. Съ другой стороны, нашъ великій государь не обладалъ войнолюбивою натурой. Онъ не былъ похожъ на монарховъ-завоевателей, для которыхъ цѣлью войнъ были сами войны съ ихъ сильными ощущеніями, съ громомъ орудій, со славой побѣдъ, съ покореніемъ народностей и земельными приобрѣтеніями. У Петра была важная, насущная и необходимая для жизни Россіи цѣль—прорубить окно въ Европу, найти свободный выходъ для безпрепятственныхъ и непосредственныхъ сношеній съ народами всего свѣта. Ему казалось, что цѣли этой онъ достигъ съ завоеваніемъ Невы, съ возвращеніемъ Ингрии. И вотъ, теперь придется снова воевать, воевать безъ конца, отрывая земледѣльца отъ плуга, ремесленника отъ станка, принося страшныя жертвы людьми и деньгами, которыя были такъ дороги, которыхъ было такъ мало! Наконецъ, счастье войны непостоянно. Богъ знаетъ, не придется ли потерять то, что было приобрѣтено съ такою затратою силъ. Правда, Августъ говорилъ уполномоченному Петру, Якову Ѳедоровичу Долгорукому, что заключилъ миръ только для виду, что имѣлъ въ виду, заключая его, спасти родину отъ полного разоренія, что «союзъ съ царемъ непременно будетъ содержать до конца войны, и какъ скоро непріятель выйдетъ изъ Саксоніи, то съ двадцатипяти тысячнымъ войскомъ возвратится въ Польшу; пусть царь держитъ это въ тайнѣ, а явно пусть

объявляет о нарушении союза». Но можно ли было полагаться на Августа послѣ того, что совершилось? Во всякомъ случаѣ, Петру приходилось или дѣлать попытки къ устройству для Карла новыхъ затрудненій въ Польшѣ, или же искать мира со шведами при условіи уступки хотя бы нѣкоторыхъ приобрѣтеній войны. Но шаги, сдѣланные царемъ и въ томъ, и въ другомъ направленіи, не имѣли успѣха. Царь провелъ въ Литвѣ и Польшѣ почти весь 1707 годъ, но ничего не могъ добиться отъ пановъ, не стѣснявшихся брать русскіе посулы, кромѣ заявленія, что помощь Москвѣ заключается уже въ самомъ нейтралитетѣ. Столь же тщетными оказались попытки царя заключить сколько-нибудь выгодный миръ со Швеціей при посредствѣ западно-европейскихъ державъ. У каждой изъ нихъ были свои интересы и свое дѣло. Всѣ были ослѣплены подвигами Карла XII и не довѣряли Петру. Наладилось, было, дѣло съ Людовикомъ XIV, которому за плодотворное посредничество Петръ обѣщалъ свои войска, но и здѣсь ничего не вышло. Царь не отступалъ отъ твердо принятаго рѣшенія «по самой нуждѣ и Нарву уступить, а о Питербурхѣ всѣми мѣрами искать удержать за что-нибудь, а о отдачѣ онаго ниже въ мысляхъ имѣть». А Карлъ соглашался на мировую только въ томъ случаѣ, если царь возвратитъ все завоеванное безъ исключенія и вознаградитъ шведовъ за военныя издержки. Самоувѣренный воитель заявлялъ при этомъ, что скорѣе пожертвуетъ послѣднимъ жителемъ своего государства, чѣмъ согласится оставить Петербургъ въ рукахъ царскихъ. Такимъ образомъ, Петру оставалось «взять войну на одни русскія плечи».

КАРЛЪ XII ВЪ СРАЖЕНІИ.

Но, мечтая о мирѣ, Петръ все-же благоразумно ждалъ войны. Еще въ самомъ началѣ 1707 года онъ писалъ Апраксину: «уже намъ то подлинно извѣстно, что сія война надъ одними нами осталась: того для ничто такъ надлежитъ хранить яко границы, дабы непріятель или силою, а паче лукавымъ обманомъ не впалъ ¹⁾ (и хотя еще не думаетъ изъ Саксоніи идти, однако, все лучше управить заранѣе) и внутренняго разоренія не принесъ». Въ виду этого государь выражаетъ желаніе, чтобы ни у кого изъ землевладѣльцевъ ни хлѣбъ, ни сѣно не складывались въ житницы, откуда легко достать то и другое вторгнувшемуся въ русскіе предѣлы врагу; лучше всего прятать и хлѣбъ, и сѣно въ ямы. Такую же осторожность царь рекомендуетъ и по отношенію къ домашнему скоту. Цѣль его сводится къ тому, чтобы непріятель, ворвавшись въ русскую землю, не находилъ въ ней ни сѣстныхъ припасовъ, ни фуража. Нѣсколько дней спустя Петръ преподалъ рядъ наставленій малороссійскому гетману Мазепѣ, имѣя въ виду поставить Малороссію въ лучшее положеніе по отношенію къ оборонѣ. Войско было пополнено новыми наборами.

Карлъ XII стоялъ на самой вершинѣ своей славы и своего могущества. Ему дѣлалъ уступки изъ боязни передъ нимъ императоръ Священной Римской имперіи. Знаменитый лордъ Мальборо, полководецъ королевы Анны, льстилъ шведскому королю въ слѣдующихъ унижительныхъ выраженіяхъ: «если бы полъ не препятствовалъ моей королевѣ, то она сама бы пріѣхала сюда, чтобы видѣть государя, возбуждавшаго удивленіе всей Европы;

¹⁾ Т. е. не вторгся.

я, ея подданный, въ этомъ случаѣ счастливѣе ея и былъ бы еще счастливѣе, если бы могъ совершить нѣсколько походовъ подъ знаменами Вашего Величества, чтобы дополнить мое военное воспитаніе». Заискивали у Карла и другія лица, и другія державы.

Опьяненный славою Карль и не подозрѣвалъ, что идетъ въ Россію на свою собственную гибель.

Карль вышелъ изъ Саксоніи только въ августѣ 1707 года, быстро прошелъ Силезію и, вступивъ въ Польшу, остановился въ окрестностяхъ Познани, чтобы переждать здѣсь неудобное для военныхъ дѣйствій ненастное осеннее время. Войско его отдохнуло, оставаясь въ Саксоніи около года, было прекрасно обмундировано и вооружено на счетъ побѣжденныхъ. Оно было увеличено новыми силами, прибывшими изъ Швеціи, и наборомъ, произведеннымъ въ Германіи. Королевская армія состояла изъ 44500 человекъ, съ замѣтнымъ преобладаніемъ конницы надъ пѣхотой. Кромѣ главной арміи, у шведовъ было еще два крупныхъ отряда. Одинъ, состоявшій изъ 16000 человекъ и бывшій подъ начальствомъ лучшаго изъ шведскихъ полководцевъ, Левенгаупта, находился въ Лифляндіи. Другой, шестнадцатитысячный отрядъ, съ генераломъ Любекеромъ во главѣ, стоялъ въ Финляндіи и былъ готовъ, по повелѣнію Карла, разрушить Петербургъ и вторгнуться черезъ Ингрію въ Новгородскую область. Въ общемъ, число всѣхъ шведскихъ войскъ опредѣлялось въ 75500 человекъ. Карль рассчитывалъ кромѣ того на помощь со стороны Турціи, которую возбуждалъ противъ Россіи ставленникъ Карла, польскій король

Станиславъ Лещинскій. Рассчитывалъ онъ и на гетмана Ивана Мазепу, задумавшаго измѣнить царю, и на недовольство народныхъ массъ преобразованіями Петра и связанными съ ними тягостями всякаго рода.

У насъ въ общей сложности было значительно больше войска, но оно уступало непріятелю въ искус-

А. Л. Левенгауптъ.

ствѣ и было поневолѣ раскинуто на огромномъ пространствѣ. Вотъ почему Петръ Великій предписывалъ своимъ генераламъ уклоняться отъ рѣшительныхъ битвъ, но стараться всѣми мѣрами мѣшать непріятелю въ его движеніи, тревожить его постоянными стычками, опустошать страну, по которой онъ пойдетъ.

Когда Карль двинулся изъ Саксоніи въ Польшу,

ждали, что онъ немедленно вторгнется въ Россію. Но король шведскій провель въ Польшѣ въ бездѣйствіи цѣлыхъ 4 мѣсяца. Шведы, избаловавшіеся въ богатой Саксоніи, начали хозяйничать въ бѣдной Польшѣ. Карль не останавливалъ ихъ, несмотря на жалобы своего ставленника. Только въ концѣ декабря 1707 года Карль перешель по льду Вислу и немедленно же двинулся со всѣми своими силами къ Нѣману. Петръ, только что прибывшій въ Гродно, былъ извѣщенъ о движеніи непріятели: изъ предписанія, посланнаго имъ по этому поводу псковскому оберъ-коменданту Нарышкину, видно, что царь ждалъ отъ Карла движенія черезъ Ригу на Псковъ и Дерптъ ¹⁾).

Узнавъ, что царь находится въ Гроднѣ, Карль бросился туда съ нѣсколькими сотнями кавалеристовъ, быстро проникъ въ городъ, но прошло уже цѣлыхъ два часа послѣ отъѣзда отсюда Петра. Петръ уѣхалъ въ Вильну, а 20 марта былъ уже въ Петербургѣ. Долго онъ не могъ угадать истинныхъ намѣреній Карла, путавшаго русскихъ своими фальшивыми переходами. Сперва онъ двинулся изъ Вильны на сѣверо-востокъ, въ Сморгонь ²⁾): думали, что онъ пойдетъ на Псковъ и Новгородъ. Постоявъ въ Сморгони, Карль пошелъ къ юго-востоку и надолго остановился въ Радощковичахъ ³⁾). Только въ іюнѣ онъ выступилъ изъ Радощковичей на

¹⁾ Царь предписалъ переправить жителей Дерпта, подозрѣваемыхъ въ преданности шведамъ, въ Вологду.

²⁾ Сморгонь—мѣстечко Виленской губерніи.

³⁾ Теперь безъуздный городъ Виленской губерніи.

востокъ—къ Борисову ¹⁾), для переправы черезъ рѣку Березину. У Борисова стоялъ русскій отрядъ, долженствовавшій задержать непріятели, но Карль повернулъ въ другую сторону, прошелъ лѣса и болота и переправился значительно ниже предполагавашагося нами мѣста переправы. Попытка задержать непріятели при Головчинѣ ²⁾ не удалась, при чемъ у насъ вышло изъ строя болѣе 1600 человекъ и было потеряно нѣсколько орудій; уронъ шведовъ доходилъ до 1450 человекъ. Преслѣдовать побѣжденныхъ Карль не могъ благодаря лѣсистой мѣстности. Но и эту бесплодную побѣду, если не считать 12-ти орудій, Карль отпраздновалъ, а на медали, въ честь нея выбитой, велѣлъ сдѣлать надпись: «побѣждены лѣса, топи, валы и непріятели!» Наши отступили къ Шклову; Карль занялъ Могилевъ. Здѣсь онъ провель 4 недѣли, напрасно поджидая Левенгаупта, который долженъ былъ привести ему 16000 войска, доставить артиллерію и съѣстные припасы, въ которыхъ такъ нуждалась его армія. Петръ, наблюдая за нимъ изъ Горокъ, видѣлъ постепенное уменьшеніе его войскъ и ту большую нужду, которую испытывали шведы: про шведовъ онъ писалъ Апраксину, что они «голодь имѣютъ великой». Не дождавшись своего лучшаго полководца, Карль двинулся изъ Могилева на юго-востокъ, къ Черикову на рѣкѣ Сожѣ. Шведскіе солдаты снимали съ полей колосья и растирали ихъ между камнями. Они говорили въ это время, что у нихъ три доктора: «Вод-

¹⁾ Городъ Минской губерніи.

²⁾ Село Могилевской губерніи. Битва между частью русской арміи и главными силами Карла XII происходила 3 іюля 1708 г.

ка, Чеснокъ и Смерть». Узнавъ о выступленіи Карла изъ Могилева, Петръ перебрался изъ Горокъ въ Мстиславль и началъ беспокоить шведовъ при переправѣ ихъ черезъ рѣку Сожь. Тогда Карлъ двинулся на сѣверь, къ Мстиславлю, на встрѣчу нашей арміи. 29 августа при селѣ Добромъ произошло первое сраженіе, въ которомъ русскіе отплатили шведамъ за пораженіе подъ Головчинымъ. Видя, что правое крыло непріятелей отошло на четверть мили отъ корпуса, Петръ рѣшилъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ. Онъ направилъ на непріятельское крыло часть войска съ Голицынымъ и Флюкомъ. Непрѣтели потерпѣли страшное пораженіе; 3000 человекъ пали на мѣстѣ; въ наши руки перешло нѣсколько знаменъ. Карлъ примчался на помощь, но опоздалъ. Пылалъ местию за пораженіе, онъ позабылъ всякую осторожность, всякое благоразуміе, помчался въ погоню за нашими, уходившими къ своимъ границамъ, и врѣзался съ запальчивостью древняго скандинава съ однимъ только коннымъ полкомъ въ середину многочисленнаго отряда. Подъ нимъ была убита лошадь, вокругъ него падали люди. Къ счастью для него, онъ не былъ признанъ русскими, и шведамъ удалось спасти его. Подвигаясь впередъ между Днѣпромъ и Сожемъ, шведская армія направилась къ Смоленску. Постоявъ нѣкоторое время по близости Смоленска, Карлъ не рискнулъ идти далѣе по тому же направленію и повернулъ на югъ, въ Украину. Царь скоро узналъ объ этомъ и принялъ мѣры къ дальнѣйшему безпокойству непріятелей. Наши кавалерійскіе отряды предупредили шведское войско, до него перебрались за р. Сожь и стали подвергать опустошенію

все встрѣчавшееся на пути. Генераль Бауеръ со своимъ отрядомъ безпокоилъ шведовъ съ тыла, а фельдмаршалъ Шереметевъ, командуя нашими главными силами, двигался съ лѣваго фланга, защищая такимъ образомъ наши внутреннія области. Надменному герою сопутствовали опустошенія и пожары.

Повернувъ на Украину, Карлъ предоставилъ Левенгаупта на произволь судьбы. Отважный полководецъ продолжалъ все-таки походъ на соединеніе съ главной шведской арміей. Царь настигъ его на р. Сожѣ, близъ Пропойска, при деревнѣ Лѣсной. 28 сентября произошла здѣсь кровавая битва. Нашимъ войскомъ, участвовавшимъ въ битвѣ, командовалъ генераль-маіоръ князь Голицынъ. Бой начался въ 1 часъ пополудни и продолжался до вечера. Обѣ стороны понимали все его значеніе и напрягали всѣ силы, чтобы одолѣть противника. Мы одержали блистательную побѣду: 8000 непріятелей пали въ битвѣ, мы захватили весь обозъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ телѣгъ, много плѣнныхъ, 16 пушекъ и 42 знамени. Левенгауптъ спасся бѣгствомъ съ остатками войска и добрался до короля ¹⁾. Петръ называлъ впослѣдствіи побѣду при Лѣсной «матерью Полтавской баталіи». Свидѣтельствуя объ ихъ внутренней связи, несмотря на девятимѣсячный промежутокъ, ихъ раздѣляющій, историкъ можетъ смѣло сказать, что побѣда при Лѣсной была яркою зарею лучезарнаго Полтавскаго дня.

¹⁾ Приблизительно около этого времени кончилось полною неудачей предпріятіе шведскаго генерала Любекера, направленное противъ Петербурга и Ингріи.

Послѣ битвы при Лѣсной царь отправился въ Смоленскъ, а Шереметевъ вмѣстѣ съ Меншиковымъ находились около Стародуба, наблюдая за движеніемъ шведской арміи. Вскорѣ Меншиковъ получилъ царское повелѣніе идти на югъ, на встрѣчу гетману Мазепѣ, а затѣмъ пріѣхать съ нимъ въ главную армію на совѣщаніе, куда обѣщалеся пріѣхать въ концѣ октября и самъ царь.

Тотъ же 1708 годъ ознаменовался страшнымъ Булавинскимъ мятежомъ. Казацкія станицы, расположенныя по Дону и его притокамъ, ютили у себя бѣглецовъ, разстававшихся съ родными мѣстами изъ-за нежеланія нести тяготы, неразрывно связанныя съ войною и преобразованіями. На тихій, привольный Донъ бѣжали крестьяне, бѣжали работники съ общественныхъ работъ, забравши деньги впередъ, туда же прибѣжало за послѣднее время много солдатъ и драгунъ изъ арміи фельдмаршала Шереметева. Царю были нужны рекруты и подати. Не имѣя возможности терпѣть долѣе отливъ здороваго, работоспособнаго и необходимаго для государства населенія, Петръ отправилъ на Донъ въ 1707 г. полковника Юрія Владиміровича Долгорукаго съ военнымъ отрядомъ, для отысканія бѣглецовъ и высылки ихъ на прежнія мѣста жительства. Долгорукиі захватили и выслалъ на прежнія мѣста жительства до 3000 человекъ бѣглаго люда. Но мѣра, принятая правительствомъ, взволновала донцовъ. Одинъ изъ казацкихъ старшинъ, Кондратъ Булавинъ, собралъ толпу недовольныхъ, напалъ съ ними ночью близъ Урюпинской станицы на отрядъ Долгорукаго и истребилъ его, не пощадивъ ни

одного человекъ. Затѣмъ онъ разослалъ по всѣмъ станицамъ «возмутительное» письмо, распространявшее нелѣпное увѣреніе, что «бояре и нѣмцы вводятъ казаковъ въ эллинскую вѣру, жгутъ и казнятъ напрасно». Толпа Булавина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его предприимчивость и отвага выросли до громадныхъ размѣровъ. Онъ овладѣлъ Черкасскомъ, разбилъ войскового атамана Лукьяна Максимова и предалъ его вмѣстѣ съ другими сторонниками порядка жестокой казни. Тогда всѣ станицы, волею и неволею, признали Булавина атаманомъ всего Донского войска. Успѣхи Булавина обезпокоили царя. Онъ отправилъ противъ него нѣсколько полковъ (изъ Петербурга, Москвы, Кіева) подъ начальствомъ князя Василя Владиміровича Долгорукаго, брата убитаго мятежниками. Съ прибытіемъ царскихъ войскъ положеніе рѣзко измѣнилось. Вѣрные люди нашли твердую опору, приневоленные къ мятежу отшатнулись отъ него; самъ Булавинъ ослабилъ свои силы, разбивъ ихъ на отдѣльные отряды и разославъ послѣдніе въ разныя стороны. Рѣшительный бой съ отрядомъ мятежниковъ, руководимымъ самимъ Булавинымъ, произошелъ подъ Азовомъ. Булавинъ защищался до крайности, но, видя полную безнадежность своего положенія, не пожелалъ отдаться живымъ въ руки правительства и застрѣлился. Другіе предводители мятежныхъ отрядовъ, какъ напр., Хохлачъ, Драный, Голый, были еще ранѣе разбиты царскими воеводами. Разоренія, совершенныя Булавинымъ и его сторонниками въ одномъ только Придонскомъ краѣ, были громадны: превратились въ пустыри сотни тысячъ десятинъ засѣянныхъ полей, были разорены церкви, поруганы святыни, множество мирныхъ жителей бѣжали въ лѣса.

Въ Булавинскомъ мятежѣ принимали участіе запорожцы. Сочувствовали ему и возлагали на него большія надежды челоѣкъ, которому царь безгранично вѣрилъ, котораго осыпалъ своими милостями, малороссійскій гетманъ Иванъ Мазепа.

Царь узналъ объ измѣнѣ Мазепы въ то время, когда счастье повернулось къ нему, послѣ побѣды при деревнѣ Лѣсной и пораженія Любекера, грозившаго Петербургу и Ингерманландіи.

Когда Карлъ XII, направившійся въ Малороссію, приближался уже къ Деснѣ, Мазепа выступилъ со своими полками изъ Батурина и перешелъ Десну, какъ будто желая сразиться съ непріателемъ. Но, подойдя къ шведскому войску, онъ передался Карлу. Меншиковъ, отправившійся къ гетману, согласно царскому повелѣнію, а также и для того, чтобы переговорить съ нимъ о томъ печальномъ состояніи, въ которомъ нашель онъ малороссійскіе полки, открылъ измѣну, искусно скрывавшуюся до того времени хитрымъ гетманомъ. Немедленно Меншиковъ донесъ о своемъ открытіи царю, находившемуся въ это время уже на Деснѣ, при главной квартирѣ, въ мѣстечкѣ Погребкахъ. Получивъ письмо отъ Меншикова 27 октября, царь написалъ ему въ отвѣтъ: «письмо ваше о нечаянномъ никогда зломъ случаѣ измѣны гетманской мы получили съ великимъ удивленіемъ». Далѣе царь говоритъ о необходимости «тому злу забѣжать», т. е. предупредить печальныя послѣдствія гетманской измѣны: слѣдуетъ помѣшать казацкому войску переправляться черезъ Десну для соединенія съ Мазепою и шведами; полковниковъ и старшину казацкую необходимо «ласково призывать» къ

избранію новаго гетмана; наконецъ Петръ просилъ Меншикова сыскать и прислать къ нему миргородскаго полковника, обладающаго его «милостію нашею, потому что онъ великій непріатель былъ Мазепѣ». Призывалъ царь къ себѣ и Меншикова.

На другой день былъ изданъ манифестъ, объявлявшій объ измѣнѣ гетмана, забывшаго страхъ Божій и крестное цѣлованіе. Цѣль его измѣны—говорится въ манифестѣ—передача Малороссіи полякамъ на новое порабощеніе, а церковей Божіихъ и святыхъ монастырей—въ унию. «Того ради—продолжаетъ царь—повелѣваемъ всей генеральной старшинѣ, полковникамъ и прочимъ, дабы на прелесть и измѣну сего измѣнника, бывшаго гетмана, не смотрѣли, но при оборонѣ нашихъ великороссійскихъ войскъ противъ тѣхъ непріателей стояли, и для лучшаго упрежденія всякаго зла и возмущенія въ малороссійскомъ народѣ отъ него, бывшаго гетмана, вся старшина генеральная и полковая, пребывающая при войскѣ, съѣзжалась немедленно въ городъ Глуховъ для обранія по правамъ и вольностямъ своимъ вольными голосами новаго гетмана, въ чемъ крайняя нужда и спасеніе «всея Малыя Россіи состоитъ». Въ заключеніе манифестъ слагаетъ наложенныя въ гетманство Мазепы поборы.

30 октября состоялся въ Погребкахъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено—отправить Меншикова для овладѣнія Батуринымъ, пока не вошли туда шведы съ Мазепою.

Въ то же время Мазепа, ушедшій къ Карлу съ немногими людьми, старался поднять остальныхъ «прелестными» письмами. Въ письмѣ къ стародубскому пол-

ковнику Ивану Скоропадскому Мазепа объяснял свою измѣну опасеніемъ погубить, сохраняя вѣрность Петру, послѣднія права и вольности Малороссіи, къ чему стремится, по его словамъ, «враждебная намъ власть московская отъ многихъ лѣтъ». Изъ этого же письма видно, что на рѣшеніе стараго гетмана перейти къ шведамъ повліяли недовѣріе къ силамъ Петра, увлеченіе личностью и счастіемъ шведскаго короля и надежда на расширеніе малороссійскихъ правъ и вольностей. Войска Петра Великаго представляются ему безсильными и невоинственными, убѣгающими «отъ непобѣдимыхъ войскъ шведскихъ и спасающимися только истребленіемъ малороссійскихъ селеній и захватываніемъ малороссійскихъ городовъ». «Поэтому-то мы, гетманъ, съ общаго согласія пановъ генеральной старшины, полковниковъ и всего войска, предались въ непобѣдимую протекцію наияснѣйшаго короля шведскаго, всегдшняго всемогущаго заступника обидимымъ, любящаго правду и ненавидящаго лжи, въ несомнѣнной надеждѣ, что его шведское величество милую отчизну нашу и войско непобѣдимымъ оружіемъ своимъ оборонитъ отъ московскаго тиранскаго ига, и не только вольность и права наши сохранить, но и расширить, въ чемъ насъ не только королевскимъ своимъ неотмѣннымъ словомъ, но и письменною ассекураціею увѣрилъ». Въ заключеніе Мазепа совѣтуетъ Скоропадскому истребить московское войско, стоящее въ Стародубѣ, а если сдѣлать этого не удастся, то идти со своимъ войскомъ въ Батуринъ, чтобы онъ не достался Москвѣ. Скоропадскій не послушался Мазепы и остался въ Стародубѣ. Зато къ Батурину слѣшили два войска: наше—подъ предводительствомъ Мен-

шикова и шведское съ Мазепою. Генераль Гордонъ, хотя и съ значительнымъ для себя урономъ, задержалъ шведовъ на три дня при переправѣ ихъ черезъ Десну и тѣмъ далъ Меншикову время управиться съ сообщниками Мазепы, засѣвшими въ Батуринѣ. Городъ былъ взятъ приступомъ, отданъ на разграбленіе и разрушенъ до основанія (3 ноября). Карль XII, прибывшій къ Батурину нѣсколько дней спустя, нашелъ только однѣ дымящіяся развалины. Такъ рухнули всѣ его надежды на теплыя зимнія квартиры и обильные запасы. Богатая гетманская казна перешла въ руки его враговъ, а большой хлѣбный магазинъ сдѣлался жертвою пламени. Гибель Батурина имѣла еще одно серьезное значеніе. Этотъ городъ, бывшій гетманскою столицей, былъ взятъ штурмомъ и сожженъ царскими войсками почти въ виду «непобѣдимыхъ» шведовъ. Мазепа отлично понималъ это значеніе, говоря: «теперь въ нынѣшнемъ нашемъ несчастномъ состояніи всѣ дѣла иначе пойдутъ: Украина, Батуринымъ уstraшенная, бояться будетъ заодно съ нами стоять». И въ самомъ дѣлѣ, Украина отвернулась отъ Мазепы. Духовенство предало его проклятію. Несмотря на то, что шведы 4 ноября перешли Десну, царь въ тотъ же день отправился въ Глуховъ, гдѣ 7 ноября былъ избранъ въ гетманы полковникъ Иванъ Скоропадскій, тотъ самый, котораго Мазепа такъ краснорѣчиво и такъ неуспѣшно склонялъ къ измѣнѣ.

Лыбопытнo, что оба государя, прежде чѣмъ вступить въ открытый бой, гдѣ дѣло рѣшается оружіемъ, работали другъ противъ друга перомъ. Карль разсылалъ по Малороссіи манифесты, призывавшіе малороссіянъ къ сверженію московскаго ига. Петръ отвѣчалъ

на манифесты шведскаго короля своими манифестами, въ которыхъ выставялъ на видъ зазорное отношеніе шведскаго короля къ покорявшимся ему народностямъ и его протестантскую нетерпимость. Возражалъ Петръ и противъ разглашеній Карла, будто царь уменьшилъ прежнія права и вольности Малороссіи. Въ заключеніи манифеста царь приглашалъ малороссіянъ вредить врагу всѣми способами. Новый гетманъ издалъ съ своей стороны универсалъ, въ которомъ призывалъ Малую Россію къ вѣрности государю, указывалъ на иновѣріе и иноплеменность Карла, а также на отдаленность Малороссіи отъ Швеціи. «Чего жъ мы, православные христіане, отъ него, яко отъ иновѣрнаго и отъ иноязычнаго, зъ которымъ а не народъ нашъ, а не границы наши и малыя близкости и сполности не малотъ ¹⁾, ожидать себѣ можемъ? и любо бы онъ ²⁾ и хотивъ оборонить насъ, якая оборона намъ не есть потребна, лечь якъ ³⁾ то можетъ изъ-за Балтицкаго моря, и въ такой далной отлеглости живучи, тое чинити, и церквей нашихъ, которыхъ онъ противникомъ, оборонцою быти?»

Во всякомъ случаѣ царь остался доволенъ малороссіянами. «Малороссійскій народъ — писалъ онъ Апраксину—такъ твердо съ помощію Божіею стоитъ, какъ больше нельзя отъ нихъ требовать... Король посылаетъ прелестныя къ сему народу письма, но сей народъ несумнѣнно пребываетъ въ вѣрности, и письма королевскія приносятъ, и именемъ Мазепы гнушается».

¹⁾ Не имѣютъ.

²⁾ А если бы онъ.

³⁾ *Лечь якъ*—какъ же (*лечь*—но, же; *якъ*—какъ).

Карлъ XII расположился въ мѣстности съ городами: Ромны, Гадячъ, Лохвица и Прилуки. Почти всюду она была окружена нашими отрядами. Главныя же силы наши расположились къ востоку отъ шведовъ — въ Сумахъ, Лебединѣ и Ахтыркѣ. Благодаря близости къ врагамъ, русскіе имѣли полную возможность слѣдить за всѣмъ, что происходило въ шведскомъ лагерѣ, и часто тревожили ихъ своими внезапными нападеніями. Въ этихъ нападеніяхъ, весьма непріятныхъ для непріятелей, принимало участіе недовольное шведскими поборами населеніе. Непріятности положенія шведовъ способствовала и необыкновенно суровая зима, оставившая по себѣ память во всей Европѣ. Морозы были настолько велики, что нерѣдко птицы замерзали на лету. Въ такую-то погоду Карлъ XII покинулъ Ромны, обманутый движеніемъ нашего отряда на Гадячъ ¹⁾, и двинулся къ послѣднему въ надеждѣ истребить большія русскія силы. Однако, придя сюда, онъ не засталъ уже здѣсь русскаго войска. Ромны были заняты нами, и Карлъ, перейдя рѣку Псель, осадилъ слабо укрѣпленный городокъ Веприкѣ. Въ Веприкѣ былъ гарнизонъ, не превышавшій полутора тысячъ человѣкъ. Но и эти полторы тысячи защищались упорно: они облили городскія укрѣпленія водою и, превративъ ихъ такимъ образомъ въ одну ледяную гору, мужественно отбили два приступа. Защитники Веприка сдались только тогда, когда растратили всѣ свои снаряды (6 января 1709 года). Занятіе Веприка стоило Карлу недешево. Окружаю-

¹⁾ Это движеніе было придумано на военномъ совѣтѣ въ началѣ декабря въ Лебединѣ съ тою цѣлью, чтобы овладѣть Ромнами.

щія его лица, не исключая и Мазепы, предполагали, что онъ возобновитъ походъ весною, а до того времени будетъ спокойно пребывать на зимнихъ квартирахъ, но ошиблись. Карль, выслушавъ ихъ совѣты—отступить за Днѣпръ и дожидаться тамъ подкрѣпленій изъ Швеціи и Польши, заявилъ, что отступленіе ободритъ непріятеля, который сочтетъ его за бѣгство. «Мы должны напротивъ — прибавилъ король — вытѣснить его изъ Украйны; тогда, имѣя во власти природныя богатства этой земли, намъ нетрудно будетъ продолжать путь къ *Москвѣ*». Разбивъ нашихъ въ концѣ января у Опошны, Карль двинулся за Ворсклу и напалъ на отрядъ генерала Ренне, стоявшій у Краснаго Кута. Во время битвы часть шведскаго войска была приведена въ замѣшательство, и только прибытіе на помощь къ нему самого короля сдержало нашихъ. Прибытіе остальныхъ частей шведскаго войска положило конецъ битвѣ. Последняя отличалась такимъ характеромъ, что каждая изъ сторонъ приписывала побѣду себѣ. Происшедшее четыре дня спустя сраженіе при мѣстечкѣ Рашевкѣ ¹⁾ между нашимъ и шведскимъ отрядомъ кончилось въ нашу пользу. Послѣ этого сраженія погода круто измѣнилась. Настала ранняя весна съ разливами рѣкъ, распутицей, а мѣстами—и наводненіями. Сама природа воспренятствовала дальнѣйшему движенію Карла на Бѣлгородъ и Воронежъ, заставила его перебраться на правый, высокій берегъ Ворсклы, гдѣ онъ и остановился въ Будицахъ (близъ Диканьки). Такимъ образомъ движеніе Карла XII на Опошню и Красный Куть

¹⁾ Близъ Гадяча.

(къ востоку), имѣвшее, повидимому, въ виду обходъ русскихъ войскъ, кончилось полною неудачей. Приходилось ждать генеральной битвы, которая только и могла, въ случаѣ удачи, вывести его изъ невыгоднаго положенія.

До рѣшительной встрѣчи съ Карломъ царю пришлось пережить возстаніе запорожцевъ, поднятыхъ кошевымъ атаманомъ Гордѣнко, сторонникомъ Мазепы. Узнавъ о движеніи среди запорожцевъ, Петръ надѣялся, что его возможно будетъ потушить увѣщаніями. 1 марта онъ писалъ Меншикову изъ Воронежа, чтобы надъ полками, посылаемыми въ Сѣчь, «учинить командира изъ бригадировъ кто поумнѣе, ибо тамъ не все шпагою, но и ртомъ дѣйствовать надлежитъ, а кого—то полагаюсь на васъ; пункты посылаю при семъ, токмо едина матерія суть, чтобъ смотрѣть и учинить запорожцевъ добромъ по самой крайней возможности; буде же оныя ясно покажутъ себя противными и добромъ сладить будетъ невозможно, то дѣлать съ оными яко съ измѣнниками». Къ сожалѣнію, пришлось дѣйствовать не ртомъ, а шпагою. Полки, отправленные подъ начальствомъ полковника Яковлева, ворвались въ Сѣчь послѣ упорнаго сопротивленія и разорили ее. На извѣщеніе Меншикова о послѣднемъ событіи Петръ отвѣчалъ 23 мая: «сегодня получили мы отъ васъ письмо о разореніи проклятаго мѣста, которое корень злу и надежда непріятелю была, что мы съ превеликою радостію услыхавъ, Господу, отмстителю злымъ, благодарили съ стрѣльбою, и вамъ за оное премного благодарствуемъ, ибо сіе дѣло изъ первыхъ есть, котораго опасаться надлежало было». Въ Будицахъ должны были разочароваться.

Заподозрѣнное въ концѣ 1708 года нашимъ посломъ Толстымъ осложненіе со стороны Турціи не состоялось. Опасеніе враждебныхъ дѣйствій со стороны Крыма также не оправдалось: ханъ получилъ отъ турецкаго султана предписаніе — не затѣвать ничего, что противорѣчило бы договорамъ съ Москвою.

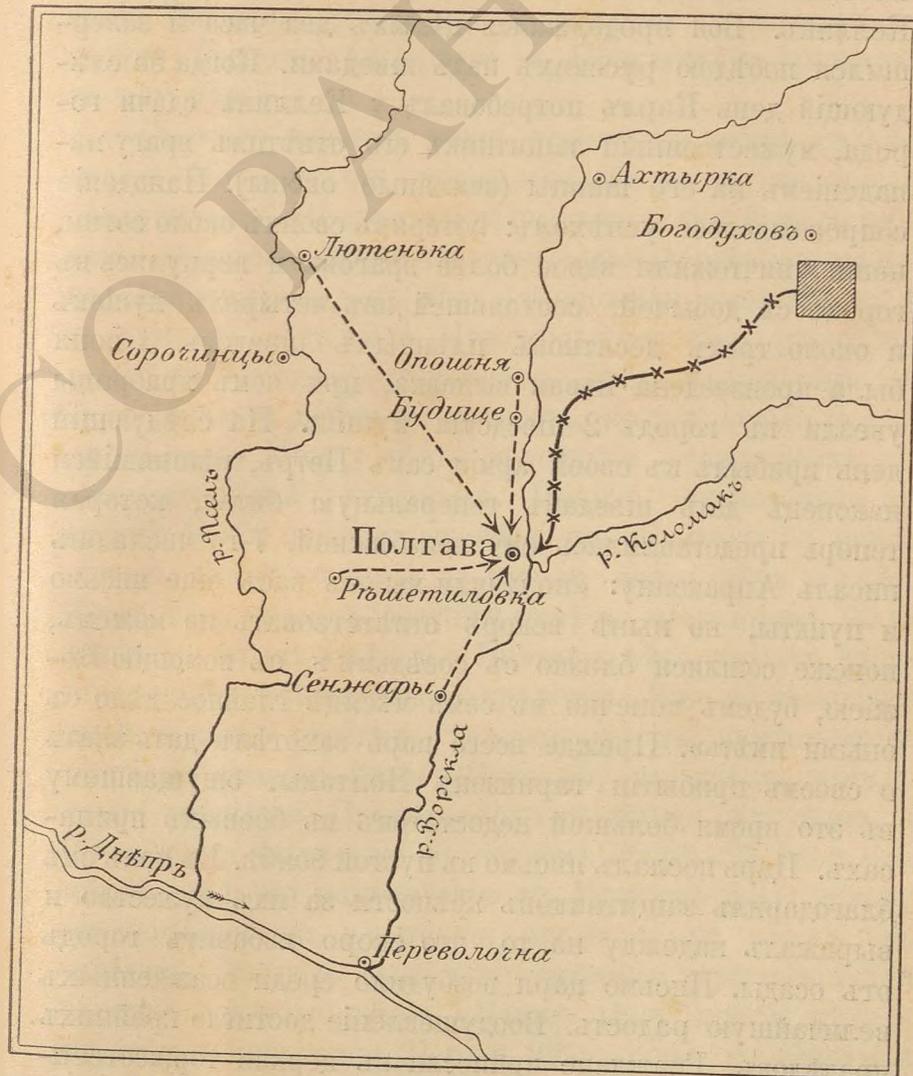
Украина затихла; Сѣчь лежала въ развалинахъ; султанъ соблюдалъ миръ и требовалъ того же отъ крымскаго хана; не выступала на поле брани и Польша. Но тишина эта была похожа на затишье передъ грозою. Все какъ будто притаило дыханіе, дожидаясь, когда совершится и чѣмъ кончится единоборство между Петромъ и Карломъ.

Способъ войны, принятый Петромъ въ борьбѣ со шведами и заключавшійся въ постоянныхъ мелкихъ нападѣніяхъ на шведскіе отряды, былъ непріятенъ Карлу. Искусно обставленный и неусыпно сторожимый нашими войсками, онъ не имѣлъ свободы дѣйствій, не могъ пробиться ни на одну изъ удобныхъ дорогъ для движенія на Москву. Еще имѣя въ виду вторгнуться въ Россію, Карлъ XII гордо отвѣчалъ на предложеніе мира со стороны Петра, что договариваться о мирѣ съ царемъ Московскимъ будетъ только въ Москвѣ. Но силою обстоятельствъ онъ расположился по Сулѣ и Пелу, откуда было чрезвычайно трудно идти на Москву: однѣ дороги были разорены кампаніей 1708 года, другія преграждены русскими войсками. Первая попытка Карла открыть себѣ выходъ на болѣе удобные пути выразилась въ движеніи его на Опошню и Красный Куть. Эта попытка смутила Петра, заставила его броситься въ Бѣл-

городъ, а затѣмъ въ Воронежъ. Но первая попытка шведскаго короля кончилась рѣшительной неудачей. Карлъ воротился тогда за Ворсклу, а теперь, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, сдѣлалъ новую попытку выйти къ желанному пути черезъ Полтаву, расположенную на правомъ, высококомъ берегу Ворсклы, близъ устья рѣки Коломакъ. Кромѣ праваго берега рѣки мѣстность представляетъ сравнительно ровное пространство. Въ то время низменная долина, по которой течетъ рѣка Ворскла, была покрыта непроходимыми болотами. Сама Полтава была незначительнымъ городкомъ¹⁾. Ея укрѣпленія состояли изъ земляного вала и рва, обшитыхъ деревомъ, а также наружнаго деревяннаго палисада, и были приспособлены главнымъ образомъ для отраженія набѣговъ крымскихъ татаръ. Предусмотрительный царь приказалъ незадолго до этого привести Полтаву въ оборонительное положеніе. Въ теченіе зимы старыя укрѣпленія были исправлены и усилены новыми наружными пристройками. Полтава была снабжена въ изобиліи съѣстными припасами и четырехтысячнымъ гарнизономъ, во главѣ котораго царь поставилъ отважнаго и умѣвшаго воодушевлять подчиненныхъ полковника Келлина, вполне подходящаго для дѣла, которое выпало на его долю. Было вооружено и населеніе города, состоявшее изъ 2.500 человекъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ взять городокъ штурмомъ, начавшихся съ 1-го апрѣля и геройски отбитыхъ, Карлъ приступилъ къ осадѣ. Полковникъ Келлинъ старался мѣшать осаднымъ работамъ

¹⁾ Сподвижникъ Карла—Левенгауптъ называетъ Полтаву въ своихъ интересныхъ мемуарахъ „ничтожнымъ городишкомъ“.

шведовъ, предпринимая отважныя вылазки. Если шведы присылали своимъ «сикурсъ» (подмогу), полковникъ увеличивалъ численность участвовавшихъ въ вылазкѣ подкрѣпленіями. Противъ шведскихъ подкоповъ рылись подкопы съ нашей стороны. Въ то же время русское войско, расположившееся на лѣвомъ берегу Ворсклы, противъ осажденнаго города, тревожило шведовъ своими мелкими, но постоянными нападеніями. Шведы построили цѣлую линію укрѣпленій на правомъ берегу Ворсклы, у подошвы горы, на которой расположена Полтава, чтобы совершенно прервать сообщенія осажденныхъ съ арміей, такъ какъ незадолго до этого бригадиру Головину удалось провести въ городъ вспомогательный отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Меншиковъ, съ своей стороны, поставилъ нѣсколько укрѣпленій на лѣвомъ берегу рѣки и нѣсколько разъ, но напрасно, пытался войти въ сношеніе съ осажденными. Царь, чутко слѣдившій за осадой Полтавы изъ Воронежа, предписалъ сосредоточить около Полтавы всѣ наши силы, что и было осуществлено въ концѣ мая. Несмотря на препятствія осадныя работы шведовъ подвигались впередъ. 1 іюня были готовы траншеи или глубокіе рвы для защиты осаждающихъ отъ крѣпостныхъ выстрѣловъ. Въ тотъ же день было выпущено въ городъ три десятка бомбъ. Воспользовавшись пожаромъ, который начался отъ нихъ въ городѣ, шведы бросились на штурмъ. Враги взошли уже на валь, на которомъ утвердили королевское знамя. Они уже готовы были торжествовать побѣду и ударили въ барабаны, но барабанный бой привлекъ вниманіе осажденныхъ, отвлеченное пожаромъ, и между сторонами завязался отчаянный бой.

40 20 0 40 80 вер.

Во главѣ нашихъ воиновъ стоялъ комендантъ крѣпости Келлинь. Бой продолжался цѣлыхъ два часа и завершился побѣдою русскихъ надъ шведами. Когда на слѣдующій день Карль потребовалъ у Келлина сдачи города, мужественный защитникъ его отвѣтилъ врагу нападениемъ на его шанцы (земляные окопы). Нападеніе сопровождалось успѣхомъ: потерявъ своихъ около сотни, наши уничтожили вдвое болѣе враговъ и вернулись въ городъ съ добычей, состоявшей изъ четырехъ пушекъ и около трехъ десятковъ плѣнныхъ шведовъ. 3 іюня была произведена новая вылазка, при чемъ храбрецы увезли въ городъ 2 шведскія пушки. На слѣдующій день прибылъ къ своей арміи самъ Петръ, рѣшившійся наконецъ дать шведамъ генеральную битву, которая теперь представлялась ему неизбежной. 7-го числа онъ писалъ Апраксину: «получили мы отъ васъ еще письмо и пункты, но нынѣ скорѣе отвѣтствовать не можемъ, понеже сошлись близко съ сосѣдями и, съ помощію Божію, будемъ конечно въ семь мѣсяцѣ главное дѣло съ оными имѣть». Прежде всего царь захотѣлъ дать знать о своемъ прибытіи гарнизону Полтавы, ощущавшему въ это время большой недостатокъ въ боевыхъ припасахъ. Царь послалъ письмо въ пустой бомбѣ. Въ немъ онъ благодарилъ защитниковъ крѣпости за ихъ мужество и выражалъ надежду на то, что скоро избавитъ городъ отъ осады. Письмо царя возбудило среди осажденныхъ величайшую радость. Воодушевленіе достигло крайнихъ предѣловъ. Граждане принесли въ церкви торжественную присягу сражаться до послѣдней капли крови. Беззавѣтно преданный своему долгу комендантъ Келлинь послалъ къ государю слѣдующій отвѣтъ: «Яко же Апо-

столь Гома отъ зѣльныхъ радости не увѣрился о воскресеніи Господни, такожде и я, дондеже не узрю очима своими Господа, входящаго въ Полтавскую крѣпость, не иму вѣры».

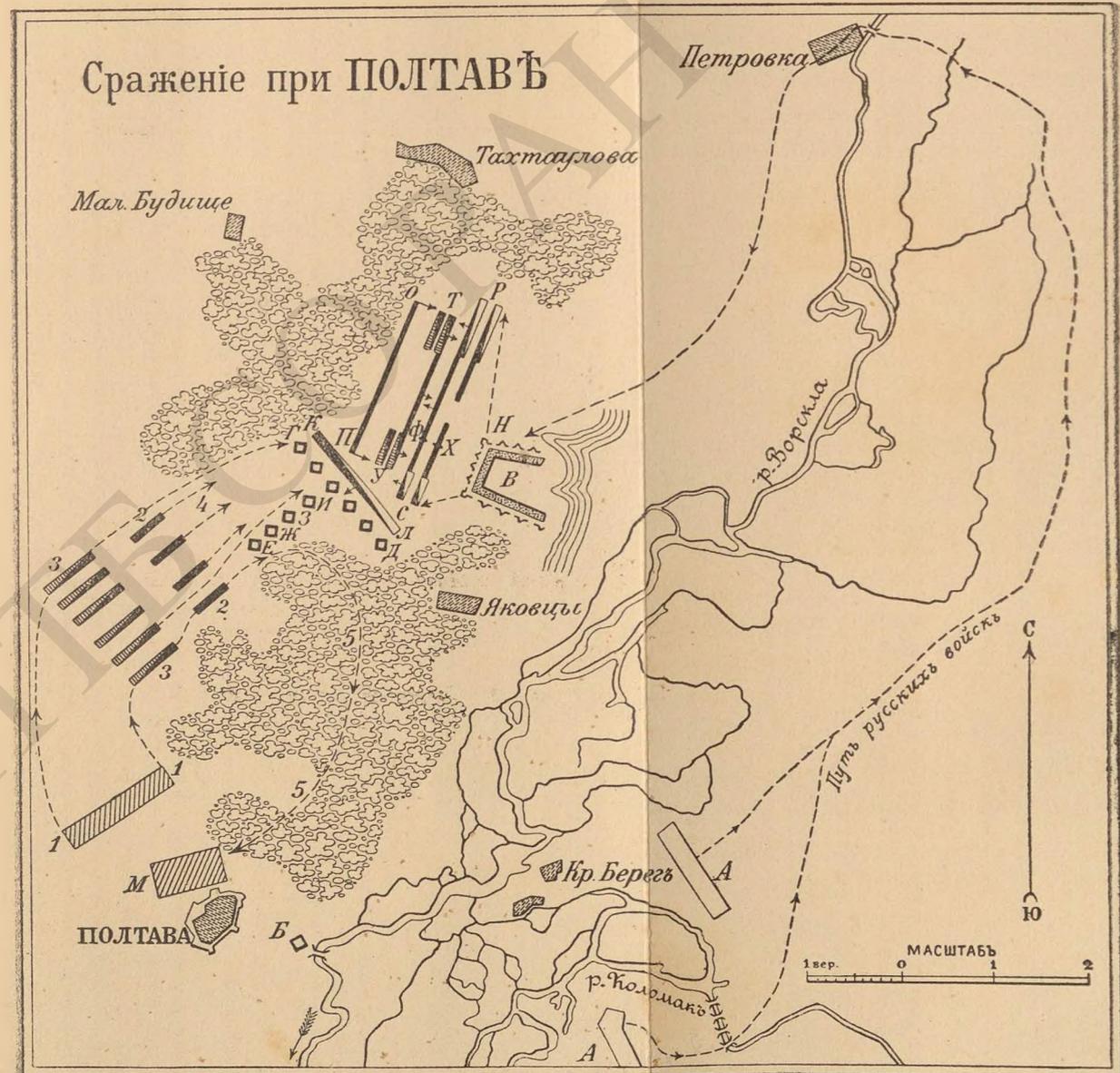
Съ этого момента наши старались всѣми силами спасти Полтаву отъ осады или ввести въ нее новыя подкрѣпленія. Не проходило ни одного дня безъ подобныхъ попытокъ. Многочисленные кавалерійскіе отряды, переправляясь черезъ рѣку, тревожили непріятелей и съ фланговъ, и съ тыла. Инженеры неустанно работали, чтобы дать нашимъ возможность прорвать непріятельскую линію и войти въ крѣпость, но непріятели также не дремали. Между тѣмъ, положеніе осажденныхъ съ каждымъ днемъ ухудшалось. Письмо, заключенное въ пустой бомбѣ и переброшенное изъ Полтавы въ нашъ лагерь, извѣщало, что въ городѣ почти нѣтъ пороха. Тогда царь созвалъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено, что къ спасенію Полтавы нѣтъ другого средства, кромѣ рѣшительнаго сраженія. Еще за нѣсколько дней до этого русскимъ удалось занять укрѣпленный постъ на правомъ берегу Ворсклы, въ двухъ миляхъ выше крѣпости. Сюда потянулась теперь вся армія, а 20-го числа была уже въ полномъ сборѣ. 25 іюня она подвинулась по направленію къ Полтавѣ и къ вечеру остановилась на разстояніи около двухъ верствъ отъ шведовъ. За ночь были приготовлены укрѣпленія для защиты занятаго мѣста. Между тѣмъ шведы дѣлали отчаянные приступы 21-го и 22-го іюня, не исключая и ночи между ними. Послѣдній приступъ былъ особенно ужаснымъ. На валы, часть которыхъ была уже занята шведами, вышло, кромѣ гарнизона, все населеніе го-

рода—и старики, и женщины, и дѣти. Сражались, чѣмъ попало: косами, топорами, камнями и кольями. Все мѣсто боя было усѣяно трупами и залито кровью. Последняя борьба за крѣпость продолжалось 2 часа и кончилась отступленіемъ шведовъ. Отбивъ враговъ, население горячо молилось въ храмѣ, благодаря Бога за одержанную побѣду. Нашелся—говоритъ преданіе—одинъ человекъ, который предложилъ сдать городъ въ случаѣ новаго приступа. Несчастнаго приобщили и, выведя изъ церкви, побили камнями. Но штурмовъ болѣе не было, такъ какъ обѣ арміи стали готовиться къ рѣшительному бою: приближался великій историческій моментъ.

Нашъ укрѣпленный лагерь былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: въ тылу его былъ высокій, обрывистый берегъ рѣки Ворсклы; съ правой стороны лагерь былъ прикрытъ ложиной, за которою простиралось обширное поле; слѣва—густой лѣсъ села Яковцы, доходившій до Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря; впереди—равнина шириною до 2-хъ верстъ, замкнутая лѣсомъ села Малыхъ Будищъ. Между малобудищевскимъ и яковецкимъ лѣсами оставался промежутокъ около версты шириною, черезъ который только и могла придти шведская армія, идя отъ Полтавы. Одновременно съ укрѣпленіемъ лагеря Петръ приказалъ построить въ этомъ промежуткѣ шесть редутовъ, расположенныхъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла другъ отъ друга ¹⁾. Шведамъ предстояло такимъ образомъ

¹⁾ Редутомъ называется небольшое четырехугольное укрѣпленіе изъ земли или камня, рассчитанное на извѣстное количество войска и вооруженное пушками.

Планъ №2

или брать эти редуты съ бою, или прорываться между ними подь сильнымъ огнемъ сосѣднихъ редутовъ. За линіей редутовъ стояли 17 полковъ регулярной конницы, вся же пѣхота была расположена въ укрѣпленномъ лагерѣ. Въ общей сложности въ нашей арміи было около 42.000 человекъ. Центръ своей арміи го-

Генералъ-фельдц. Я. В. Брюсъ.

сударь поручилъ фельдмаршалу Шереметеву, правое крыло генералу Ренне, лѣвое—Меншикову, во главѣ артиллеріи поставилъ Брюса ¹⁾, а себѣ оставилъ общее руководство, чтобы поспѣвать всюду, гдѣ требовало его присутствія положеніе дѣль. Петръ Великій назначилъ

¹⁾ Якова Вилимовича.

битву на 29 іюня, день своихъ именинъ: онъ поджидалъ калмыковъ и принялся за постройку еще четырехъ редутовъ въ направленіи перпендикулярномъ къ шести первымъ. Насколько внимательно относился царь къ своей задачѣ, доказываетъ слѣдующій случай. Незадолго до этого перебѣжалъ на сторону шведовъ нашъ унтеръ-офицеръ, «нѣмчинъ». Такъ какъ онъ могъ извѣстить непріятеля о томъ, что въ сѣрые мундиры одѣтъ вновь сформированный, а слѣдовательно, слабѣйшій полкъ, Петръ велѣлъ переодѣться въ эти мундиры частямъ старѣйшихъ и храбрыхъ полковъ. Благодаря этому остроумному приему, шведы ошиблись бы жестоко въ своемъ расчетѣ прорвать нашу линію, направивъ лучшія силы на часть войска, одѣтую въ сѣрые мундиры.

Готовясь къ битвѣ, съ своей стороны, Карлъ XII поручилъ главное командованіе фельдмаршалу Рееншильдъ. Самъ онъ не могъ принять такого непосредственнаго участія въ битвѣ, какъ Петръ Великій, такъ какъ былъ раненъ въ ногу. Дней за десять до битвы онъ вмѣстѣ съ Левенгауптомъ отправился по берегу Ворсклы, чтобы выслѣдить мѣста русскихъ переправъ черезъ рѣку. Ихъ замѣтили. Засвистали пули. Подъ Левенгауптомъ была убита лошадь, и онъ горячо убѣждалъ короля вернуться во-свои. Но храбрый до опрометчивости король не послушался благоразумнаго совѣта. Непріятельская пуля ударила ему въ пятку лѣвой ноги, скользнула вдоль подошвы и застряла между пальцами. Пуля не была извлечена сразу же изъ-за упрямства короля, и нога разболѣлась. Онъ еще не могъ владѣть ею и въ день битвы. Отдавъ свое мѣсто

Рееншильдъ, Карлъ поручилъ начальство надъ всею пѣхотой Левенгаупту, а надъ конницей—Крейцу. Шведская артиллерія была слаба. Всего войска у Карла было около 30.000 человекъ.

Если наше войско превосходило шведское въ количественномъ отношеніи, зато уступало ему въ каче-

Первый шведскій министръ графъ К. Пиперъ.

ственнымъ. Войско шведовъ было закалено въ битвахъ и воспитано въ побѣдахъ. Хорошая половина его состояла изъ ветерановъ. Его военная подготовка стояла на высокой степени. Русская армія представляла собою молодую силу, только что народившуюся и въ большинствѣ наспѣхъ обученную. Она непрерывно попол-

нялась новобранцами, изъ которыхъ очень многіе имѣли слабое представленіе о «хитростяхъ ратнаго строя». Но надъ нею носился и проникалъ ее собою могучій геній Петра.

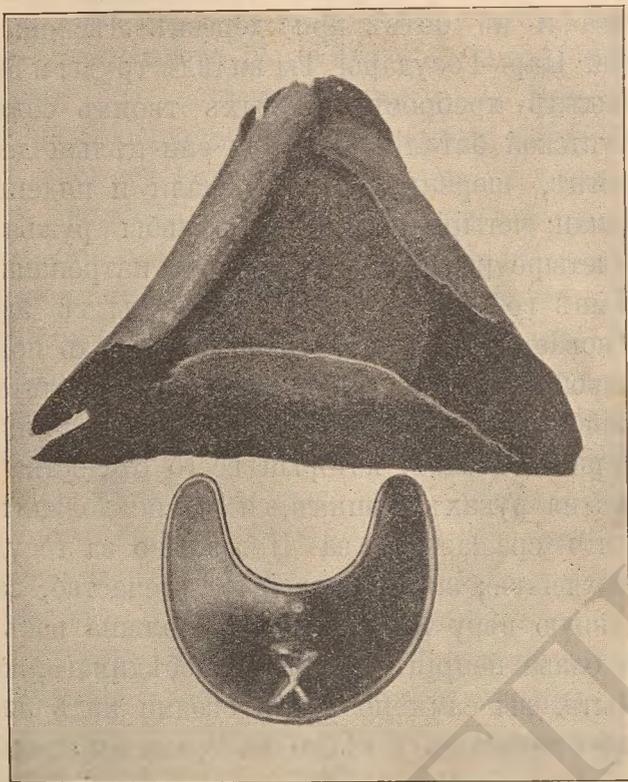
Карль былъ увѣренъ въ побѣдѣ надъ московскимъ царемъ. «Русскіе будутъ раздавлены подъ пятою шведскаго короля»—таково было его убѣжденіе. Обѣзжая свои войска, онъ напоминалъ имъ объ одержанныхъ побѣдахъ и указывалъ на предстоящую битву, какъ на цѣль ихъ многолѣтнихъ желаній, какъ на конецъ всѣхъ трудовъ и лишеній, вынесенныхъ ими. «У насъ нѣтъ хлѣба,—говорилъ онъ—въ русскомъ станѣ мы найдемъ его въ изобиліи». Обратившись въ частности къ генералу Шпарру, руководившему Полтавскою осадой, Карль сказалъ: «Поздравляю васъ московскимъ губернаторомъ». Всѣ рѣчи Карла были проникнуты самоувѣренностью, похвалбою и матеріальными расчетами.

Совсѣмъ иначе говорилъ царь Петръ, объясняя значеніе предстоящаго событія. Онъ обращалъ вниманіе на гордость и самонадѣянность Карла, на стремленіе его погубить Россію. Остановившись противъ гвардейскихъ полковъ, Петръ сказалъ собравшимся офицерамъ слѣдующія слова: «Вы были самовидцы, колико дерзкіе непріатели храмовъ Божіихъ православнаго нашего закона осквернили, попирая ногами святыню, на которую зрѣти недостойны, ругаясь образамъ святымъ и посмѣваясь истинной нашей вѣрѣ. Вамъ извѣстно, что кичливый и прозорливый ихъ король войску своему расписалъ уже въ Москвѣ квартиры; генерала своего Шпарра пожаловалъ уже генераль-губернаторомъ московскимъ и любезное наше отечество опредѣлилъ раз-

дѣлить на малыя княжества и, введи въ оное еретическую вѣру, совсѣмъ истребить. Оставимъ ли такія ругательства и презрѣніе наше безъ отмищенія? Да не будетъ!» На царскую рѣчь отвѣчалъ князь М. М. Голицынъ, полковникъ гвардіи, отличившійся при взятіи Нотебурга и въ битвѣ при деревнѣ Лѣсной: «Великодушный Царь-Государь! Ты видѣлъ труды и вѣрность нашу, видѣлъ храбрость добрыхъ твоихъ солдатъ на Левенгауптской баталіи ¹⁾, когда они цѣлый день стояли въ огнѣ, шеренгъ не помѣшали и пядени мѣста не уступили; четыре раза отъ стрѣльбы ружья разгарались; четыре раза сумы и карманы патронами наполняли. Нынѣ войско у Тебя то же, и мы тѣ же рабы Твои. Уповаемъ на Бога такой же имѣть подвигъ и нынѣ, какой и тогда». 26-го іюня былъ прочитанъ воинскій приказъ Петра слѣдующаго содержанія: «Воины! се пришелъ часъ, который всего отечества судьбу положилъ на рукахъ вашихъ, и вы не должны помыслить, что сражаетесь за Петра, но за государство Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за нашу православную вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятели, яко непобѣдимаго, которую ложну быти, вы сами побѣдами своими надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи предъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ; на Того Единого, яко Всесильнаго во бранѣхъ уповайте; а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія во блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего». Такимъ образомъ царь, дѣлая пригото-

¹⁾ Т. е. въ битвѣ при д. Лѣсной.

вленія къ битвѣ, которая стала уже неизбѣжной, счелъ необходимымъ внушить воинамъ сознательное отноше-
ніе къ предстоящему имъ дѣлу. Одушевленіе было
такъ велико, что полки, оставленные для охраненія

Шляпа Петра Великаго.

лагеря, сочли себя обиженными. «Мы, надежа—Госу-
дарь, говорили они, ничѣмъ предъ Тобою не провини-
лись: мы несли равные съ другими полками труды и
тягости и ожидали съ нетерпѣливостью дня сего: за

что же мы отлучаемся отъ нихъ?» Такимъ образомъ,
духъ войска, съ которымъ готовился царь дѣйствовать
противъ враговъ, былъ исключительно прекраснымъ.
Войска, проникнутыя такимъ высокимъ патріотическимъ
одушевленіемъ, конечно, были вполнѣ способны сра-
жаться съ болѣе ихъ опытными, лучше вооруженнымъ
и обученнымъ войскомъ.

Шведы предупредили насъ. Передъ разсвѣтомъ ¹⁾

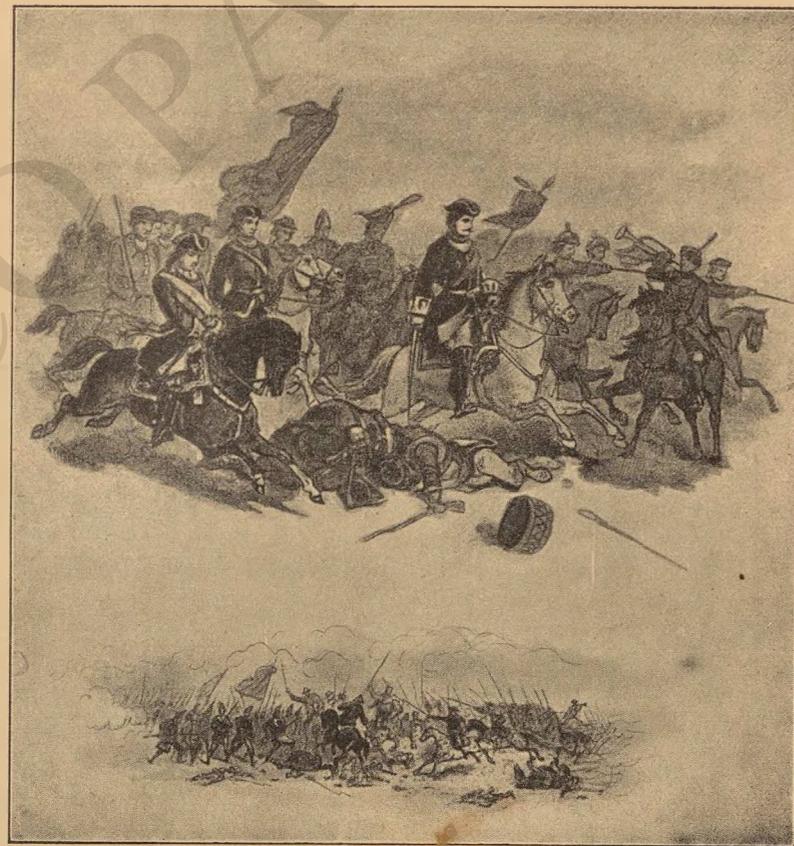

Лошадь Петра Великаго.

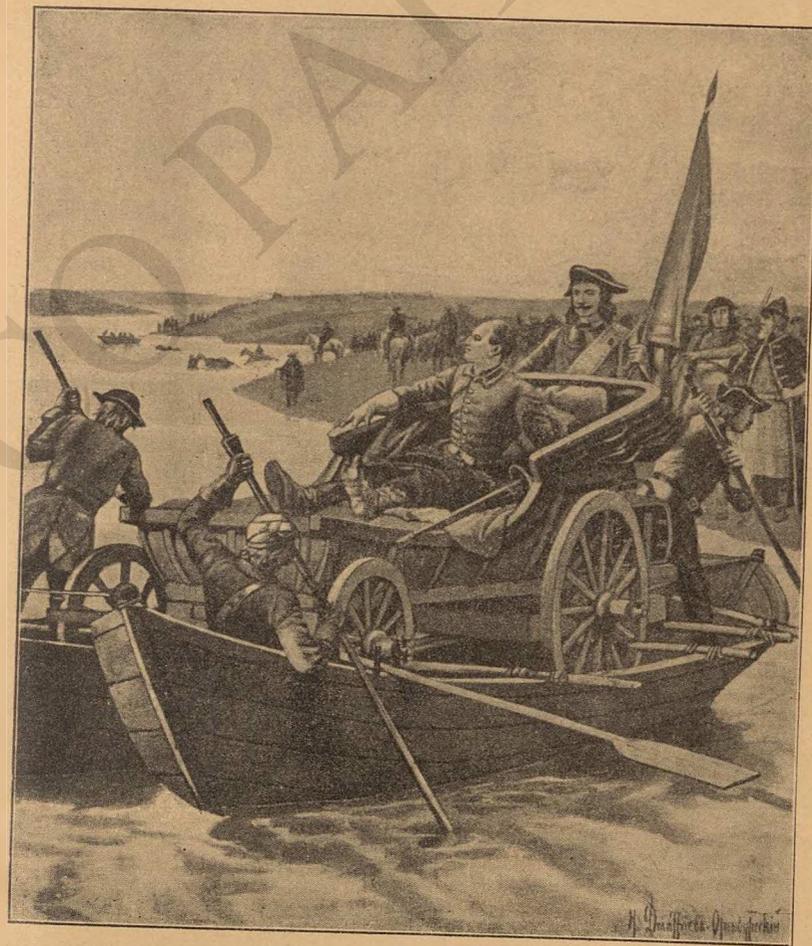
достопамятнаго въ нашей исторіи дня, 27 іюня 1709 года,
пройдя въ промежуткѣ между двумя названными выше
лѣсами, шведская пѣхота, а за нею конница—двину-
лись къ нашей линіи шести редутовъ. Какъ только
наши замѣтили непріятели, съ редутовъ открыли огонь.
Но огонь этотъ не остановилъ шведовъ. Правая колон-

¹⁾ Было всего около двухъ часовъ ночи.

на шведской пѣхоты бросилась на крайніе (передовые) редуты и, дѣйствуя штыками, овладѣла двумя редутами, одинъ изъ которыхъ еще не былъ вполнѣ оконченъ. Но этимъ и кончился первый успѣхъ непріятелей. Они встрѣтили съ нашей стороны упорное сопротивленіе. Въ это время большая часть шведской конницы, прорвавшись сквозь линію редутовъ, схватилась съ нашею конницею, руководимой Меншиковымъ и Бауеромъ. Сперва часть русской конницы вынуждена была отступить передъ страшнымъ натискомъ шведскихъ кирасировъ. Но и здѣсь послѣ перваго успѣха непріятель встрѣтилъ непреодолимое сопротивленіе. Когда же наши бросились въ атаку, шведская кавалерія не выдержала и кинулась искать спасенія за своею пѣхотою. Лѣвая колонна шведской пѣхоты, увлеченная первоначальнымъ успѣхомъ, двинулась впередъ мимо нашего укрѣпленнаго лагеря, но, попавъ подъ убійственный картечный огонь и уже разстроенная атакою редутовъ, была отброшена въ безпорядкѣ въ будищевскій лѣсъ, гдѣ король и его генералы занялись приведеніемъ ея въ порядокъ. Между тѣмъ правая колонна шведской пѣхоты, все еще продолжавшая атаку редутовъ, оказалась, съ отступленіемъ остальной части арміи, совершенно отрѣзанной отъ нея. Царь, во-время замѣтившій это, двинулъ противъ нея часть пѣшаго и коннаго войска съ Меншиковымъ во главѣ. Несмотря на помощь, полученную отъ своихъ, правая шведская колонна потерпѣла рѣшительное пораженіе и бѣжала, преслѣдуемая нашею пѣхотой подъ командой Ренцеля. Послѣдній заставилъ шведовъ положить оружіе и принудилъ къ тому же большую часть войскъ, оставлен-

Полтавскій бой.
Съ картины Н. Н. Каразина.

ПЕРЕПРАВА КАРЛА XII у ПЕРЕВОЛОЧНЫ.

ныхъ Карломъ для штурма Полтавы. Остальные разбѣжались; съ ними бѣжалъ и Мазепа. Часть регулярныхъ войскъ съ артиллеріей отступила внизъ по Ворсклѣ, благодаря чему путь къ осажденному городу оказался открытымъ.

Въ то же время вернувшійся на главное поле битвы Меншиковъ нашелъ здѣсь уже иное положеніе дѣлъ. Въ девятомъ часу утра Петръ, замѣтивъ замедленіе чего-то ожидавшаго противника, рѣшился самъ атаковать шведовъ. Въ темнозеленомъ мундирѣ, съ широкими красными обшлагами, въ треугольной шляпѣ, въ ботфортахъ и шарфѣ, съ длинною шпагой въ рукѣ, онъ разбѣжжалъ по фронту выстроенной въ боевой порядокъ арміи, воодушевлялъ солдатъ и дѣлалъ послѣднія распоряженія. Обратившись къ Шереметеву, царь сказалъ ему: «поручаю вамъ, господинъ фельдмаршалъ, армію мою и надѣюсь, что въ начальствованіи оною поступите вы по точности предписанія, вамъ даннаго, а въ случаѣ непредвидѣнномъ—какъ искусный полководецъ. Моя же должность—надзирать за всѣмъ вашимъ начальствованіемъ и быть готову на сикурсъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовать будетъ опасность и нужда». Шереметевъ просилъ государя беречь себя. На это Петръ отвѣтилъ: «Оставьте это моему попеченію». Въ 9 часовъ утра наша армія двинулась впередъ, шведы пошли на встрѣчу. Желая воодушевить свои войска, Карлъ XII находился передъ батальонами своего праваго фланга, полулежа на носилкахъ. Несмотря на мѣткій огонь, прикрывавшій наступленіе русскихъ, шведы упорно стремились впередъ, хотя огонь нашъ и производилъ въ ихъ рядахъ большое опустошеніе и разстройство.

Пѣхотная шведская бригада, составленная изъ наилучшихъ полковъ и воодушевляемая близкимъ присутствіемъ своего короля, съ страшною «фурією», какъ выражались у насъ въ то время, т. е. яростно кинулась на батальоны московскаго, бутырскаго, новгородскаго и шлиссельбургскаго полковъ, одѣтые въ сѣрые кафтаны и принятые шведами за новобранцевъ. Правда, новгородцы не выдержали шведской «фуріи» и подались назадъ. Но царь, внимательно слѣдившій за ходомъ битвы, вывелъ изъ задней линіи второй батальонъ преображенцевъ и бросился съ нимъ на встрѣчу шведамъ. Сейчасъ же началась атака по всей линіи. Царь, какъ и Карлъ XII, подвергалъ себя страшной опасности, такъ какъ кругомъ него летали пули. Одна изъ нихъ попала въ сѣдло его лошади, вторая прострѣлила его шляпу, а третья угодила въ самую грудь царя, спасеннаго большимъ мѣднымъ крестомъ, висѣвшимъ у него на шеѣ...

„Было дѣло подѣ Полтавой;
Сотни лѣтъ еще пройдутъ.
Эти царскія три пули
Въ сердцахъ русскомъ не умрутъ“.

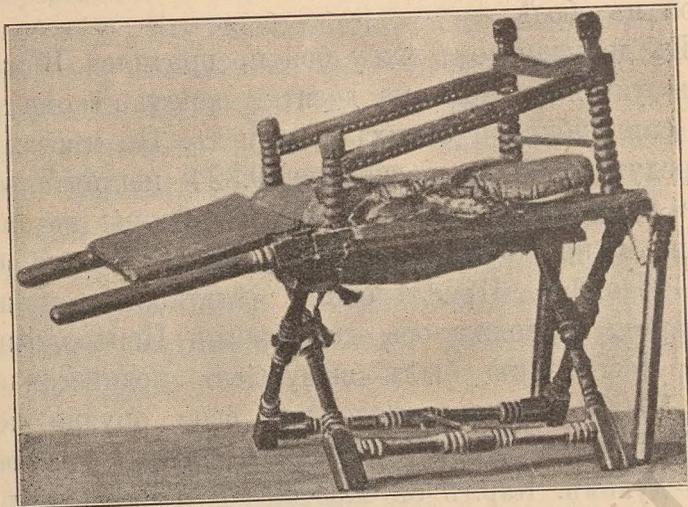
Ядро ударило въ носилки, на которыхъ полулежалъ Карлъ; король упалъ на землю. Шведы, уже разстроенные жестокимъ боемъ, пришли въ ужасъ, думая, что король убитъ. Но король велѣлъ поднять себя на скрещенныхъ пикахъ, надѣясь возстановить этимъ порядокъ. Тутъ онъ увидѣлъ всеобщее замѣшательство своихъ и закричалъ въ отчаяніи: «Шведы! шведы!». Но шведы уже бѣжали. Прискакавшій Рееншильдъ

успѣлъ проговорить: «Ваше Величество! наша пѣхота потеряна! товарищи, спасайте короля!» Прокричавъ эти слова, онъ снова ринулся въ разстроенные ряды своего войска, гдѣ и былъ взятъ въ плѣнъ. Со взятіемъ главнокомандующаго въ плѣнъ исчезъ уже всякій порядокъ: все побѣжало. Впавшаго въ безпамятство короля посадили на лошадь, но лошадь была убита. Съ трудомъ увезли короля съ поля битвы въ каретѣ, случайно найденной въ обозѣ.

Въ двѣнадцатомъ часу бой прекратился. Бѣжавшіе шведы устилали поле на десятки верстъ своими трупами и сами убивали своихъ раненыхъ. На мѣстахъ боя и у редутовъ было сосчитано 9.324 непріятельскихъ трупа, кромѣ тѣхъ, которые были найдены потомъ въ лѣсахъ и на другихъ поляхъ. Нашихъ пало болѣе 4.600 человекъ. Преслѣдованіе остатковъ непріятельской арміи продолжалось до деревни Переволочны ¹⁾. Здѣсь Левенгауптъ былъ вынужденъ подписать договоръ: 16.000 шведовъ положили свое оружіе передъ 9.000 русскихъ. Храброе шведское войско совершенно упало духомъ. Карлъ съ Мазепою и нѣсколькими сотнями шведовъ и казаковъ успѣлъ еще ночью спастись за Днѣпръ. Жестоко страдавъ отъ раны, еще болѣе терзаемый душевною скорбью, несчастный король направилъ свой путь черезъ безплодные, пустынные степи къ турецкимъ границамъ. Недалеко отъ Очакова онъ былъ настигнутъ русскими. Но и на этотъ разъ ему удалось спастись съ Мазепою и немногими спутниками. Между тѣмъ, по окончаніи битвы, царь съ обна-

¹⁾ Переволочна — недалеко отъ впаденія р. Ворсклы въ Днѣпръ.

женной головою, въ сопровожденіи Меншикова, объѣзжалъ ряды своихъ войскъ и благодарилъ ихъ за храбрость и усердіе. Потомъ храбрые шведскіе генералы были приглашены къ царскому столу. Имъ было возвращено оружіе, а шпагу главнокомандующаго Рееншильда царь обмѣнялъ на свою собственную. «Вчера братъ мой Карлъ—сказалъ онъ шведамъ—просилъ васъ

Качалка Карла XII.

въ сей день на обѣдъ въ шатры мои; мы теперь выполняемъ его королевское слово». Затѣмъ онъ пилъ за шведовъ, какъ за учителей своихъ въ военномъ искусствѣ.

На слѣдующій день послѣ битвы были опущены останки павшихъ героевъ въ широкую общую могилу. Самъ царь водрузилъ надъ нею крестъ съ такою надписью: „Воины благочестивые, за благочестіе кровію

вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, іюня 27 дня“. Тѣла шведовъ были съ честью погребены ихъ плѣнными товарищами.

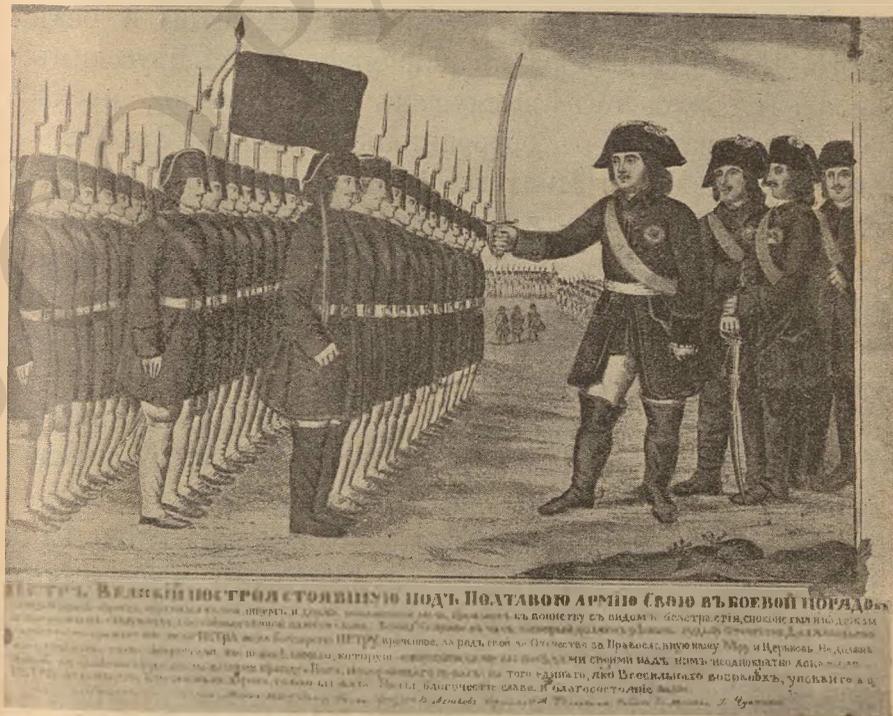
Безсмертный Полтавскій бой имѣетъ исключительное историческое значеніе. Онъ сразу же низвелъ Швецію въ разрядъ второстепенныхъ державъ, а Россію возвысилъ на небывалую еще высоту. Съ нею началась наша новая исторія.

Карлъ бѣжалъ въ Турцію. Царь рѣшилъ воспользоваться своею побѣдой и его отсутствіемъ, чтобы уничтожить его дѣло въ Польшѣ и окончательно утвердиться въ Ливоніи. Для осуществленія этихъ цѣлей Петръ отправилъ фельдмаршала Шереметева со всею пѣхотою и частью конницы подъ Ригу, а князя Меншикова, награжденнаго за Полтаву фельдмаршалскимъ званіемъ,—въ Польшу съ большею частью конницы, для соединенія тамъ съ генераломъ Гольцемъ въ цѣляхъ низверженія Станислава Лещинскаго. Вскорѣ пріѣхалъ въ Польшу и самъ царь. Извѣстія о Полтавской побѣдѣ, о движеніи въ Польшу съ одной стороны русскаго, съ другой—саксонскаго войска съ Августомъ II, сдѣлали свое дѣло. Польскіе вельможи поспѣшили помириться съ Августомъ II. Шведскій генералъ Красовъ удалился со своимъ войскомъ въ Померанію, куда переселился и Станиславъ Лещинскій съ семействомъ. Въ октябрѣ 1709 года состоялось въ г. Торнѣ свиданіе Петра Великаго съ Августомъ II, при чемъ между ними снова былъ заключенъ союзный договоръ. Царь обѣщаль Августу содѣйствовать возведенію его на утраченный польскій престоль; король обязался помогать царю про-

тивъ всѣхъ его неприятелей. Петръ вовсе не имѣлъ въ виду конечнаго разоренія Швеціи, но хотѣлъ только обезвредить ее. Насколько было велико впечатлѣніе, произведенное Полтавскою побѣдою на современниковъ, можно заключить изъ слѣдующихъ фактовъ. Голландцы и англичане усердно отговаривали королей Даніи и Пруссіи отъ союза съ Петромъ, опасаясь чрезмѣрнаго усиленія Россіи, могущаго быть вреднымъ для всей Европы. Съ другой стороны, представитель французскаго короля Людовика XIV, находившагося въ войнѣ съ нѣсколькими государствами Западной Европы и въ томъ числѣ съ Англіей и Голландіей, предлагалъ Петру Великому союзъ. Нашъ уполномоченный посолъ въ Копенгагенѣ, князь Василій Лукичъ Долгорукій, писалъ по этому поводу на родину: „я не думаю, чтобы нужно было входить въ обязательства съ Франціей, потому что помощь ея теперь не очень нужна; однако, надо показать нѣкоторую склонность, отыскавши способъ, чтобы осталось все въ тайнѣ. Польза отъ того можетъ быть та, что Франція, увидѣвъ къ себѣ склонность со стороны Россіи, станетъ продолжать войну¹⁾: потомъ, союзники такъ сильно идутъ наперекоръ интересамъ царскаго величества, и если они дѣйствительно станутъ противъ насъ дѣйствовать, то Франція будетъ намъ нужна“. Царь поступилъ согласно съ совѣтомъ Долгорукаго. — Данія нѣкоторое время не заключала союза съ Петромъ, отчасти подъ вліяніемъ враждебныхъ намъ и Франціи англичанъ и голландцевъ, но больше всего по той причинѣ, что царь отказался оказывать ей за это денежное вспомо-

¹⁾ Здѣсь разумѣется война за Испанское наслѣдство.

женіе. Англійскій и голландскій посланники „двигали землю и небо“, чтобы отклонить датскаго короля Фридриха IV отъ союза съ Россіей. Но кончилось тѣмъ, что датскій король возобновилъ съ Петромъ прежній союзъ противъ Швеціи, не требуя за это никакихъ вспомо-

Народная картина изъ коллекціи г. Ровинскаго.

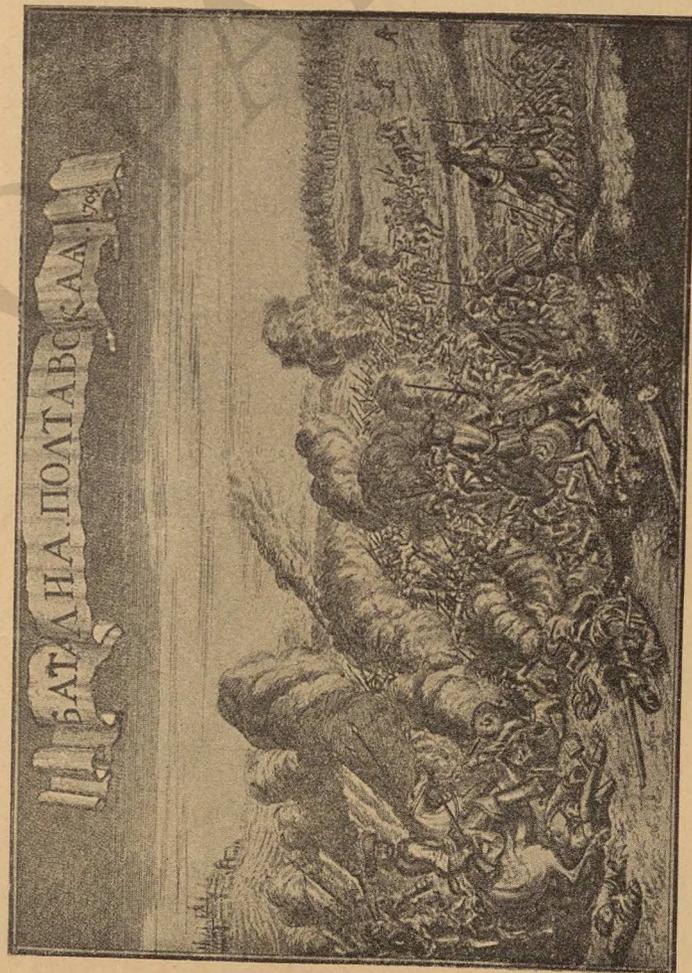
женій. 11 октября 1709 года состоялось и заключеніе этого союза послѣ того, какъ ихъ величества, царь всероссійскій и король датскій и норвежскій, „зѣло разсудили вредительныя послѣдства, которыя бы ярость и злобонасильственныя поступки короля шведскаго по

времени произвести могли къ великому предосужденію единой и другой областямъ“. Долгорукій искренно радовался, что это дѣло устроилось такъ дешево. „Не даль я ничего: ни человѣка, ни шелега ¹⁾!“ писалъ онъ на родину. И въ самомъ дѣлѣ, Петръ обязывался на основаніи союзнаго договора съ Даніей напасть на Финляндію, что онъ несомнѣнно сдѣлалъ бы и безъ этого. Петръ повидался въ Маріенвердерѣ съ прусскимъ королемъ. Здѣсь онъ выслушалъ поздравленія, послѣ чего былъ заключенъ оборонительный союзъ. Такъ велико было вліяніе Полтавской побѣды. Давно-ли смѣялись надъ Петромъ и русскими? А теперь или заискивали у насъ, или начинали серьезно насъ бояться. Россія сразу превратилась въ великую державу и вошла въ тѣсное общеніе съ просвѣщенными государствами Западной Европы.

Петръ возвратился въ Петербургъ 23 Ноября 1709 года и нѣсколько дней спустя заложилъ на Выборгской сторонѣ, недалеко отъ берега Невы, небольшую деревянную церковь съ кладбищемъ во имя Св. Сампсонія Страннопріимца, память котораго празднуется 27 іюня, т. е. въ тотъ день, когда была одержана Полтавская побѣда. Знаменательная побѣда упрочила существованіе Петербурга, о чемъ царь писалъ Апраксину съ самаго поля битвы въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Нынѣ уже совершенно камень въ основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощію Божіею“.

1710-й годъ, „преисполненный успѣхами годъ“ (plenus successibus annus), какъ значилось на медали,

¹⁾ Шелегъ или шелягъ (шиллингъ)—мѣдная монета.

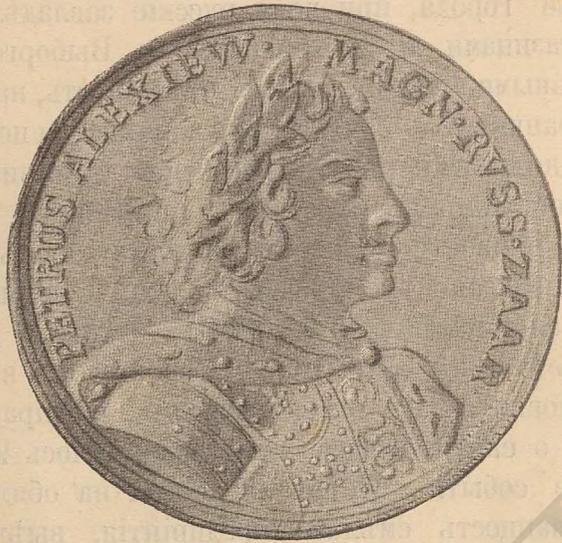

СНИМОКЪ СЪ КАРТИНЫ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

выбитой въ память совершенныхъ въ этомъ году завоеваній, ознаменовался покореніемъ Выборга, Риги, Дюнамюнде, Пернова, Аренсбурга съ островомъ Эзелемъ, Кексгольма и Ревеля. Важнѣйшими изъ нихъ были завоеванія Выборга, Риги и Ревеля.

Адмиралъ Апраксинъ двинулся въ мартѣ мѣсяцѣ по льду съ войсками отъ Кроншлота и подступилъ къ Выборгу. Сейчасъ же было совершено нападеніе на предмѣстье города, при чемъ русскіе завладѣли запасными магазинами и зимовавшими въ Выборгскомъ заливѣ военными судами. Обложивъ крѣпость, наши стали копать траншеи, но замерзшая и каменистая почва сильно затрудняли ихъ работы. Особенно чувствительнымъ былъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, каковыхъ не могли привести съ собою въ достаточномъ количествѣ, не полагаясь на прочность льда. Отправляясь въ походъ, наши надѣялись на раннее вскрытіе водъ. Но зима какъ нарочно затянулась. Недостатокъ въ припасахъ становился уже ощутительнымъ, и Апраксинъ подумывалъ о снятіи осады, какъ совершилось 9 мая неожиданное событіе. Петръ, несмотря на обиліе льда, на рискованность смѣлаго предпріятія, выѣхалъ изъ Кроншлота съ судами, нагруженными съѣстными припасами и осадной артиллеріей, которая также и по той же причинѣ не была своевременно взята съ собою. Царскій корабль подвергался опасности быть разбитымъ льдинами. Но это не могло остановить Петра, которому не давала покоя мысль о возможныхъ бѣдствіяхъ арміи. Преодолѣвъ большія препятствія, разбивая въ затруднительныхъ мѣстахъ ледъ большими кораблями, потерявъ три судна, царь явился передъ Выборгомъ, при-

ведя съ собою слишкомъ 200 транспортныхъ судовъ. Армія ободрилась. Изъ русскаго лагеря полетѣли въ Выборгъ бомбы и ядра. Крѣпость держалась въ теченіе цѣлаго мѣсяца, но наконецъ сдалась (13 іюня) на условіяхъ свободнаго выступленія. Но царь объявилъ почти весь четырехтысячный гарнизонъ крѣпости военноплѣнными „за многія съ непріятельской стороны неправды“.

Медаль въ память Полтавской побѣды.

Между тѣмъ Рига упорно выносила осаду въ продолженіе восьми мѣсяцевъ. Во главѣ города стоялъ мужественный генераль-губернаторъ Штрембергъ. Положеніе осажденныхъ, страдавшихъ отъ русскихъ бомбъ, — а всего ихъ было выпущено изъ русскаго лагеря 8000 — стало почти невыносимымъ отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, развитія эпидемической болѣзни и страшнаго

подъема цѣнъ на всѣ необходимые предметы. Эпидемическая болѣзнь въ полномъ смыслѣ слова свирѣпствовала: число здоровыхъ оказалось недостаточнымъ для ухода за больными. Если Штрембергъ, переживая эти ужасы, не желалъ сдаваться, то и наши, среди которыхъ свирѣпствовала та же зараза, поражали своимъ упорствомъ: они не переставали бомбардировать городъ,

Оборотная сторона медали (стр. 106).

отразили нападеніе шведскихъ канонерскихъ лодокъ ¹⁾ и дѣлали попытки взять городъ приступомъ. Когда положеніе города стало окончательно невыносимымъ, Штрембергъ сдалъ его Шереметеву (4 іюля). Половина гар-

¹⁾ Лодки, изъ которыхъ каждая вооружена однимъ или нѣсколькими орудіями.

низона была отпущена на свободу, половина объявлена военнопленными по той же причинѣ, которая была высказана паремь послѣ взятія Выборга.

Когда Шереметевъ осадилъ Ригу, нарвскій комендантъ, полковникъ Василій Зотовъ, получилъ предписание идти съ тремя драгунскими полками въ Эстляндію и стать близъ Ревеля, чтобы прекратить сообщеніе города съ его уѣздомъ. Въ то же время ему было объявлено, что онъ находится подъ командой генерала Бауера. По распоряженію послѣдняго, онъ остановился въ мѣстечкѣ Феллинѣ. Послѣ этого онъ былъ переведенъ въ мѣстечко Оберъ-Шаленъ, откуда уже ему было приказано приблизиться къ Ревелю. Уѣздные обитатели—дворяне, мызники и крестьяне,—уже слышавшіе о судьбѣ другихъ эстляндскихъ городовъ, двинулись къ Ревелю, свозя туда свои пожитки и хлѣбъ, послѣ чего водворились въ городъ и сами. Такой наплывъ посторонняго населенія вызвалъ въ городъ страшную тѣсоту. Между тѣмъ, Зотовъ, подойдя къ городу, остановился у озера, вода котораго шла каналомъ въ городъ, удовлетворяя такимъ образомъ потребности его населенія. Зотовъ прежде всего «заметалъ» каналъ и, благодаря этому, лишилъ жителей Ревеля прѣсной воды. Населеніе стало рыть колодцы на дворахъ, но они давали настолько недоброкачественную воду, что приходилось пользоваться и для питья, и для мытья дождевою водою. Но мѣра, предпринятая Зотовымъ, стѣснила городское населеніе и въ другомъ отношеніи. На запруженномъ каналѣ стояли мельницы, снабжавшія городъ мукою. Зотовъ привелъ ихъ своею мѣрою въ состояніе бездѣйствія. «И тако, говоритъ реля-

ція ¹⁾, занесенная въ Журналь Петра Великаго, какъ отъ сихъ причинъ, а паче отъ наброду крестьянъ отъ Риги изъ заповѣтренныхъ ²⁾ деревень, и отъ великой въ городѣ тѣсоты начался въ городѣ превеликій моръ». Въ августѣ мѣсяцѣ стали подходить къ Ревелю и другія части войскъ. Наконецъ прибылъ и генералъ Бауеръ, покончившій съ городомъ Перновымъ. На

Медаль въ память Полтавской побѣды.

помощь осажденнымъ прибыло нѣсколько непріятельскихъ кораблей, но на ихъ выстрѣлы отвѣчали съ нашей батареи тѣмъ же и не допустили ихъ до цѣли назначенія. Ранѣе прибывшая моремъ подмога не была впущена въ городъ самими жителями его, «за моровымъ повѣтріемъ, а паче дабы осаду не продолжили».

¹⁾ Военное донесеніе.

²⁾ Изъ зараженныхъ болѣзною.

«Ибо жители—продолжаетъ реляція—разсудили, когда Рига и Перновъ уже сдались, то имъ однимъ подь такой морь удержаться было нельзя; а изъ Швеціи такого сикурса, чтобы сильнѣе войскъ росейскихъ былъ, быть было невозможно, и только-бъ разореніе отъ бомбъ принять; и хотя ихъ въ городъ не пустили, однакожь оныя едва не всѣ померли». Ревельцы сдались генералу Бауеру на капитуляцію, что произошло 29 сентября 1710 года. Согласно условію капитуляціи, гарнизонъ шведскій былъ отпущенъ изъ Ревеля на свободу. Съ покореніемъ Ревеля и Риги окончилось господство шведовъ въ Эстляндіи и Лифляндіи.

Цѣль Петра Великаго, утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, была достигнута. Царь съ увлеченіемъ счастливаго человѣка отдался торжественнымъ празднествамъ, сопровождавшимъ бракосочетаніе его племянницы Анны Иоанновны съ герцогомъ курляндскимъ.

Послѣ цѣлаго ряда успѣховъ, начало которымъ положила безсмертная Полтавская побѣда, Петру Великому пришлось вынести тяжелое испытаніе.

Въ Константинополѣ существовала партія, стремившаяся къ разрыву мирныхъ отношеній съ Россіей. Не разъ уже представителю нашему въ Турціи приходилось улаживать возникавшія недоразумѣнія. Карлъ XII, поселившійся въ предѣлахъ Турецкой имперіи, употреблялъ съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы склонить султана къ войнѣ съ русскими. Царь требовалъ, чтобы султанъ удалилъ Карла XII изъ своихъ владѣній, такъ какъ шведскій король дѣйствуетъ во вредъ Россіи, смущая турецкое правительство, волнуя татаръ и ка-

заковъ. Не получая отъ Турціи рѣшительнаго отвѣта, Петръ поставилъ ей въ октябрѣ 1710 года рѣшительный вопросъ, присоединивъ къ послѣднему и угрозу. Вопросъ былъ все тотъ же—объ удаленіи шведскаго короля, а угроза заключалась въ объявленіи намѣренія царя, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, дѣйствовать противъ Турціи совмѣстно съ Августомъ II и Рѣчью Посполитой. Отвѣтомъ было заключеніе въ Семибашенный замокъ нашего посла, т. е. разрывъ мир-

Медаль въ память Полтавской побѣды.

ныхъ отношеній съ Россіей. Извѣстіе объ этомъ смутило Петра тѣмъ болѣе, что прилетѣло на берега Невы во время торжествъ по поводу прибалтійскихъ успѣховъ. Какъ бы то ни было, снова необходимо было браться за оружіе и отправиться въ далекій походъ. По повелѣнію государя, войска наши потянулись къ молдавскимъ границамъ. Не довѣряя запорожцамъ, царь отправилъ отрядъ для наблюденія за ними. Августъ II далъ обѣщаніе выслать отрядъ войска для союзныхъ съ русскими дѣйствій противъ турокъ. Хотя

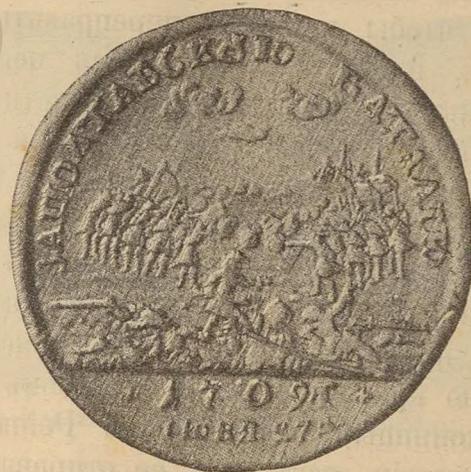
Турція и угрожала полякамъ, но на послѣднихъ Петръ почти не рассчитывалъ. Ему мерещилось иное: онъ думалъ найти себѣ подмогу въ самихъ турецкихъ владѣніяхъ, въ христіанскомъ населеніи, подвластномъ Турціи. Прежде всего онъ рассчитывалъ на господарей Молдавіи и Валахіи, предложившихъ царю принять ихъ въ свое подданство и обѣщавшихъ заготовить для арміи достаточное количество провіанта. Но надежды

Медаль въ память Полтавской побѣды.

царя были обмануты. Молдавскій господарь присоединился къ намъ. Валахскій—испугался турокъ и не послѣдовалъ его примѣру. Передъ походомъ царь получалъ изъ разныхъ мѣстъ письма отъ христіанъ, подвластныхъ Турціи. Во всѣхъ этихъ письмахъ была одна и та же просьба о скорѣйшемъ прибытіи русскихъ войскъ. Подъ вліяніемъ ихъ царь торопилъ Меншикова походомъ: «Для Бога не умелите въ назначен-

ное мѣсто, ¹⁾ ибо и нынѣ отъ всѣхъ христіанъ наки письма получили, которые самимъ Богомъ просятъ, дабы поспѣшить прежде турокъ, въ чемъ превеликую пользу являютъ; а ежели умѣшкаемъ, то въ десятеро тяжелѣе, или едва возможно будетъ свой интересъ исполнить, и тако все потеряемъ умедленіемъ». Но «превеликой пользы» не послѣдовало. Прибывъ въ Яссы, Шереметевъ узналъ о переходѣ турокъ черезъ

Оборотная сторона медали.

Дунай. Тутъ же выяснилось затруднительное положеніе арміи, вызываемое недостаткомъ въ провіантѣ. 17 іюня наша армія, перейдя Днѣстръ у молдавскаго городка Сороки, двинулась черезъ песчаную и безводную степь къ рѣкѣ Пруту. Царь шель впереди нея и наравнѣ съ простыми солдатами испытывалъ всѣ тя-

¹⁾ Рѣчь идетъ о Днѣстрѣ.

гости пути. Въ ночь на Ивановъ день русскіе были уже на берегахъ Прута. По приказу царя были навелены черезъ рѣку 2 моста, одинъ—для пѣхоты, другой—для кавалеріи и обоза, черезъ которые армія была переправлена на правый берегъ рѣки. Армія продолжала свое движеніе по правому берегу Прута, не подозрѣвая, что великій визирь и крымскій ханъ движутся вдоль противоположнаго берега, находясь къ намъ ближе, чѣмъ мы ожидали. Генераль Янусъ, отправленный впередъ, чтобы помѣшать переправиться туркамъ черезъ Прутъ, наткнулся на главныя непріятельскія силы. Получивъ приказъ о необходимости отступить, онъ успѣлъ благополучно привести свой отрядъ къ арміи, несмотря на наступленіе враговъ. Но за нимъ пришли и враги. Наши встрѣтили непріятели сильнымъ огнемъ, но, несмотря на это, турки тревожили насъ своими нападеніями до самаго вечера. На военномъ совѣтѣ, происходившемъ ночью, положеніе наше было признано критическимъ. И въ самомъ дѣлѣ: большая часть конницы, съ генераломъ Ренне во главѣ, была въ отсутствіи, такъ какъ ее отправили собирать съѣстные припасы, послѣдніе были у насъ на исходѣ, наконецъ—непріятельское войско было больше нашего почти въ пять разъ. Согласно рѣшенію стали отступать, идя вверхъ по р. Пруту и мужественно отбиваясь отъ преслѣдовавшей насъ непріятельской конницы. 9 іюля пришли къ мѣсту, носившему названіе «Новое Станелице». Вдоль рѣки расположили обозъ, а за нимъ въ линію растянулось и войско. Къ вечеру непріятельская пѣхота и конница заняли гору, расположенную отъ нашей линіи на разстояніи одной версты; другая часть

непріятелей заняла противоположный берегъ. Жестокія нападенія турецкихъ войскъ, продолжавшіяся до самой ночи, были отбиты. Послѣ отступленія конницы турецкая пѣхота продолжала всю ночь стрѣлять въ нашъ лагерь изъ пушекъ. Наше положеніе было ужаснымъ. Что касается великаго визиря, то и онъ чувствовалъ себя несовсѣмъ хорошо. Янычары, испуганные отчаяннымъ сопротивленіемъ русскихъ, рѣшительно отказались нападать на нихъ и требовали, чтобы онъ скорѣе

Медаль въ память Полтавской побѣды.

заклучилъ миръ, ссылаясь на желаніе самого султана. Кромѣ того подоспѣло извѣстіе, что генераль Ренне занялъ Брайловъ. Захваченные на слѣдующій день турки объявили нашимъ, что великій визирь хочетъ заключить миръ. Это заявленіе подало мысль о мирныхъ переговорахъ, каковыя и привелъ къ благополучному концу баронъ Шафировъ. Царь обязывался возвратить туркамъ Азовскую крѣпость, срыть построенные имъ города—Таганрогъ, Каменный Затонъ и Новобогородицкій и пропустить шведскаго короля въ его

владѣнія. Последнее условіе указываетъ на то, что турки очень желали избавиться отъ своего безпокойнаго гостя. Нашей арміи предоставлялось свободное отступление на родину. Остальные пункты договора не имѣли существеннаго значенія. «Если бы—говорить одинъ изъ служившихъ въ нашемъ войскѣ иностранцевъ—поутру 12 числа кто-нибудь сказалъ, что миръ

Медаль въ память 100-лѣтія Полтавской побѣды.

будетъ заключенъ на такихъ условіяхъ, то всѣ сочли бы его сумасшедшимъ».

Въ Журналѣ Петра Великаго находится очень интересный разсказъ о томъ, какъ отнесся къ заключенію мира Карлъ XII. «По заключеніи и размѣненіи ¹⁾ того

¹⁾ Т. е. послѣ размѣна экземпляровъ договора, подписанныхъ договаривавшимися сторонами.

трактата вскорѣ прибылъ (или паче рещи прискакалъ) къ Визирю изъ Бендера о двуконь ¹⁾ Король Шведскій, котораго Визирь, выѣхавъ за обозъ будто для какого инаго дѣла, встрѣтилъ, который, пріѣхавъ съ нимъ въ его наметы ²⁾, началъ ему выговаривать, для чего онъ безъ него съ Государемъ Россійскимъ миръ учинилъ, понеже-де Султанъ Турскій для его и сію войну

Оборотная сторона медали, съ изображеніемъ памятника побѣды, воздвигнутаго Императоромъ Александромъ I.

началъ; и Визирь ему отвѣтствовалъ, что онъ о томъ неизвѣстенъ, но имѣлъ отъ Султана своего указъ, дабы войну сію вестъ для интересу Султанскаго, который онъ получа и исходатайствуя ему, Королю, отъ Государя Россійскаго свободный проѣздъ въ землю его тотъ

¹⁾ Т. е. на двухъ лошадахъ.

²⁾ Въ его палатки.

миръ и заключилъ; и Король говорилъ, что онъ бы могъ все войско Россійское въ руки получить, и чтобы ему далъ и теперь войско, то онъ ихъ атакуеть и разобьетъ; но Визирь сказалъ, что ты де ихъ уже отвѣдалъ, а и мы ихъ видѣли, и буде хочешь, то атакуй ихъ своими людьми, а онъ мира съ нимъ постановленнаго не нарушить. И тако Король осердясь отъ него пошелъ и тотъ часъ изъ обозу уѣхалъ къ Хану Крымскому, и при отъѣздѣ отъ Визиря словами не гораздо учтивыми провожень, и того же дня арміи разошлись, и Россійская армія пошла назадъ подлѣ рѣки Прута; а у Визиря въ обозѣ оставлены до исполненія того трактата вышепомянутый Подканцлеръ Баронъ Шафировъ, да Генераль-Маіоръ Шереметевъ, сынъ Фельд-маршала Графа Шереметева». Карль XII, оставаясь въ Турціи еще нѣсколько лѣтъ, неоднократно обострялъ отношенія между ней и Россіей, доводя ихъ почти до войны. Шафировъ, Шереметевъ-сынъ и Толстой, нашъ посоль въ Константинополь, были отпущены во-свояси только въ 1714 году. Въ концѣ того же года турки избавились наконецъ отъ своего незваннаго и немилаго гостя.

Въ то время, какъ русскія войска, бывшія въ Польшѣ, выступали изъ нея, чтобы идти противъ турокъ, Карль XII приказалъ своему генералу Крассову, находившемуся въ Помераніи, снова двинуться со своимъ войскомъ въ Польшу. Тогда король датскій и Августъ II двинули свои войска, съ которыми была соединена, согласно уговору, и часть русскихъ войскъ, въ Померанію. Въ скоромъ времени они завладѣли почти

всею Шведскою Помераніей, кромѣ Стральзунда, Штеттина, Висмара и острова Рюгена. Союзники дѣйствовали очень слабо. Царь не разъ видался съ ними, посылалъ имъ различныя указанія, но дѣло все-таки не ладилось. Не имѣя въ Помераніи прямыхъ интересовъ, Петръ и не думалъ сперва, что ему придется принять личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Но его раздражали и вялость союзниковъ, и ссоры ихъ, и справедливныя жалобы русскихъ войскъ, работавшихъ для ихъ пользы. «О зѣло обидномъ состояннїи нашего корпуса, при Стральзундѣ обрѣтающагося,—писалъ онъ Августу II—хотя уже многожды слышалъ отъ посла нашего, при Вапнемъ Величествѣ пребывающаго (о чемъ многожды и г. Фицтуму ¹⁾ говорено, чтобы вамъ донесъ); однакожь я не такъ былъ тому имовѣренъ, но, когда нынѣ офицера получилъ, которой отъ всѣхъ офицеровъ и драгунъ присланъ съ неописаннымъ жалемъ ²⁾, что оныя, кромѣ хлѣба одного, ничего не имѣютъ, что насъ зѣло оскорбило, ибо сего не можемъ вытерпѣть, чтобъ наши люди такъ погибали; и того ради просимъ Ваше Величество, ежели изволите еще ихъ имѣть, то чтобъ онымъ мясо и соль противъ саксонцевъ ³⁾ давано было, или ихъ, ежели сего дать имъ не изволишь, отпустить въ службу Короля Датскаго или къ Штеттину ⁴⁾, ибо несытые солдаты служить не могутъ».

¹⁾ Саксонскому министру.

²⁾ Жаль-боль, печаль, откуда *жалъба*—жалоба.

³⁾ Такъ же, какъ и саксонцамъ.

⁴⁾ Для взятія Штеттина былъ отправленъ царемъ генераль Бауеръ.

Недоволенъ былъ царь и датскимъ королемъ за недостаточную поддержку русскихъ, отправленныхъ для враждебныхъ дѣйствій противъ Штеттина. «Сами изволите разсудить,—писалъ онъ королю Фридриху IV— что мнѣ ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ собственнаго интересу нѣтъ; но что здѣсь дѣлаю, то для Вашего Величества дѣлаю». Жаловался царь на бездѣйствіе и «слукавство» союзниковъ и въ письмахъ къ Меншикову. Если царь испытывалъ глубокое огорченіе при извѣстіяхъ, выставлявшихъ его союзниковъ въ дурномъ свѣтѣ, то каждая ихъ удача приводила его въ восторгъ. Датчане одержали побѣду надъ шведскимъ отрядомъ при Висмарѣ. Петръ обрадовался извѣстію объ этой побѣдѣ и даже отпраздновалъ ее въ первый день 1712 года. Вотъ что онъ писалъ по поводу этой побѣды сенату: «я за счастье себѣ ставлю, что сего года первое таковое письмо случилось писать. Боже! дай милость Свою вперед!» Раньше онъ писалъ Меншикову, стремившемуся отправиться въ заграничный походъ: «а что охота ваша служить, и тому еще время будетъ, понеже нашъ чудакъ¹⁾ пока живъ, чаю покоя едва ли будетъ». Теперь, отправляя къ союзникамъ новыя подкрѣпленія, онъ послалъ туда и Меншикова. Но къ концу того же года царь окончательно убѣдился, что дѣло не минуетъ его рукъ. 2 декабря 1712 года онъ писалъ своей супругѣ, Екатеринѣ Алексѣевнѣ: «время пришло вамъ молиться, а намъ трудиться . . . мы сего моменту подымаемся отсель на сикурсъ датчанамъ. И тако на сей недѣлѣ чаемъ быть бою, гдѣ все окажется, куда конь-

¹⁾ Карлъ XII.

юнктуры¹⁾ поворотятся». Но датскій король и саксонскій фельдмаршалъ Флеммингъ, не дождавшись «сикурса», вступили въ битву со шведами и потерпѣли поражение при Гадебушѣ. Свидѣвшись 17 января 1713 года съ датскимъ королемъ, царь въ концѣ того же мѣсяца одержалъ надъ шведами побѣду при Фридрихштадтѣ. Нѣкоторыя подробности этого дѣла заслуживаютъ особеннаго вниманія. Петръ Великій, рѣшивъ отплатить шведскому фельдмаршалу Стенбоку за поражение датчанъ при Гадебушѣ, загналъ его въ г. Фридрихштадтъ, окруженный болотами. Подойти къ этому городу можно было только по двумъ высокимъ насыпямъ, но Стенбокъ перекопалъ оба пути и былъ въ полной увѣренности, что царю не добраться до него. Союзники, предложившіе именно русскому войску выгнать Стенбока изъ Фридрихштадта, также считали эту задачу невыполнимой. Но царь принялъ брошенный ему вызовъ и, буквально утопая въ болотной грязи на перекопахъ, самъ повелъ впередъ своихъ гренадеровъ. Была оттепель и распутица. Насыпи, съ которыхъ стоялъ снѣгъ, оставались обледенѣлыми. Приходилось употреблять большія усилія, чтобы взобраться на нихъ. Но этого мало. На верху насыпей были устроены батареи, которыя приходилось брать, сражаясь со шведами, людямъ, уже истомленнымъ тяжелою дорогою. Несмотря на это, царь взялъ два перекопа съ батареями послѣ горячаго, но непродолжительнаго боя. Когда же шведы увидѣли, что Петръ подходит къ послѣднему перекопу, они сами покинули его. Стенбокъ удалился

¹⁾ Стеченія обстоятельствъ.

и заперся въ гольштинскомъ городѣ Тэннигенѣ, который сдѣлся только въ маѣ мѣсяцѣ ¹⁾). Въ Журналѣ Петра Великаго перечислена военная добыча, доставшаяся послѣ сдачи Стенбока и раздѣленная «между тремя высокими союзники сѣверными». На долю Россіи, не считая знаменъ, штандартовъ, музыкальныхъ инструментовъ и различныхъ военныхъ принадлежностей, досталось 5 мѣдныхъ пушекъ, 2605 «фузей» или ружей и 1222 штыка. «За сію зѣло пріятную вѣдомость—читаемъ въ Журналѣ—того жъ 11 числа іюня было во флотѣ, стоящемъ у Кроншлота, благодареніе Богу, и стрѣляли со всѣхъ кораблей изъ пушекъ». Вскорѣ послѣ Тэннигенской побѣды союзники отняли у шведовъ островъ Рюгенъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ исключительно русскими силами былъ взятъ городъ Штеттинъ, сдавшійся Меншикову. Штеттинъ, согласно распоряженію Петра, былъ переданъ прусскому королю, котораго царь стремился склонить къ союзу. Дѣйствительно, въ скоромъ времени между Петромъ Великимъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ I былъ заключенъ трактатъ, на основаніи котораго царь обязывался при заключеніи мира со Швеціей удерживать городъ Штеттинъ съ его округомъ за Пруссіей, а король прусскій долженъ былъ содѣйствовать удержанію за Россіей завоеванныхъ нами у шведовъ Ингрии и Карелии, съ городами Нарвою и Выборгомъ, а также Эстляндіи съ городомъ Ревелемъ. Послѣ этого царь предписалъ Меншикову вернуться со своими войсками въ Россію черезъ Польшу. «Того ради—читаемъ въ Журналѣ—послалъ къ нему указъ ноября въ 5 день,

¹⁾ Государь былъ уже съ 22 марта въ Петербургѣ.

чтобъ во всемъ войскѣ накрѣпко заказалъ, дабы шли съ добрымъ порядкомъ, не чиня отнюдь никакихъ обидъ и отягощеній обывателямъ Польскимъ, а довольствовались бы токмо однимъ провіантомъ, опредѣленнымъ отъ Его Королевскаго Величества и Рѣчи Посполитой». Согласно желанію Августа II отъ корпуса генерала князя Репнина было отдѣлено 6000 человекъ, которые и остались въ Помераніи подъ командою генераль-маіора Яковлева для совмѣстнаго дѣйствія съ союзниками.

Поколебавъ господство шведовъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, Петръ рѣшилъ, по возвращеніи въ Петербургъ, покончить съ Финляндіей. Еще въ 1712 г. царь писалъ изъ Карлсбада Апраксину о необходимости покоренія Финляндіи, о необходимости, какъ онъ выражается, «сидти (въ Финляндію) не для разоренія, но чтобъ овладѣть, хотя она намъ не нужна вовсе, удерживать по двухъ ради причинъ главнѣйшихъ: первое, было бы что, при мирѣ, уступить, о которомъ шведы уже явно говорить начинаютъ; другое, что сія провинція есть матка Швеціи, какъ самъ вѣдаешь: не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль, и ежели Богъ допуститъ лѣтомъ до Абова, то шведская шея мягче гнуться станетъ». Датскій король, хотя и обѣщался содѣйствовать царю вторженіемъ изъ Норвегіи, но обѣщанія своего не исполнилъ.

Задавшись такою цѣлью, царь въ теченіе 1713 г. занялъ Борго, Гельсингфорсъ и Або. Годъ завершился блистательной побѣдой русскихъ надъ шведами, недалеко отъ Тавастгуса, за рѣкою Пелкене, между двумя озерами. Во главѣ нашего войска стояли Апраксинъ и Голицынъ. Такимъ образомъ, вся южная часть Фин-

ляндіи была очищена отъ шведовъ; оставалось еще уничтожить ихъ морскія силы и утвердить господство нашего флота на водахъ Балтійскаго моря. Царь дѣятельно готовился къ этому: развѣзжая между Петербургомъ, Кроншлотомъ, Ревелемъ, Перновымъ и Ригию, укрѣплялъ гавани, вооружалъ корабли, обучалъ матросовъ; вызвалъ усиленную дѣятельность на петербургской и другихъ верфяхъ; поручалъ своимъ посланникамъ въ Голландіи, Англіи и Франціи покупать и заказывать корабли, нанимать въ русскую службу морскихъ офицеровъ и шкиперовъ; пріискивалъ опытныхъ лоцмановъ въ Финляндіи; бралъ архангельскихъ рыбаковъ въ матросы.

Въ слѣдующемъ 1714 году были разбиты на голову княземъ Голицынымъ послѣднія сухопутныя силы шведовъ въ Финляндіи, въ количествѣ отъ 8-ми до 10 тысячъ человѣкъ, состоявшихъ подъ командой Армфельда. Въ этой битвѣ, происходившей близъ г. Вазы, пало болѣе 5.000 шведовъ. Вскорѣ Выборгскій губернаторъ, полковникъ Шуваловъ, занялъ крѣпость Нейшлотъ.

Самымъ же замѣчательнымъ дѣломъ въ 1714 году была побѣда русскихъ надъ шведскимъ флотомъ при мысѣ Гангудѣ ¹⁾, наша первая морская побѣда. Произшла она при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Самъ государь направился съ парусными судами къ Ревелю, адмирала же Апраксина съ галерами, на которыхъ было до 20.000 войска, послалъ въ Або, чтобы занять

¹⁾ М. Гангудъ или Ганго-Уддъ находится между Гельсингфорсомъ и Або.

Аландскіе острова. На пути своемъ онъ встрѣтилъ сильный шведскій флотъ и, не будучи въ состояніи одолѣть его, укрылся въ Твереминдской гавани. Получивъ извѣстіе объ этомъ отъ Апраксина, призывавшаго его на помощь, еще 27 іюня, царь не могъ, за безвѣтріемъ, отправиться въ путь ранѣе 18 Іюля. 20-го онъ прибылъ къ Твереминде. Ознакомившись съ мѣстностью, составивъ представленіе о размѣрахъ непріятельскаго флота и убѣдившись въ томъ, что непріятель готовится напасть на Твереминде, царь приказалъ Апраксину покинуть свою стоянку и силою пробиваться сквозь непріятельскій флотъ. Погода благопріятствовала намъ: было тихо, что стѣсняло свободу дѣйствій шведскихъ парусныхъ судовъ. Исполняя царскій приказъ, 20 галеръ пошли мимо самаго непріятельскаго флота. «Непріятель—читаемъ въ Журналѣ Петра Великаго—тотчасъ знакъ далъ къ походу и сталъ буксировать ¹⁾ какъ возможно, а особливо адмиральскій корабль шлюбками и ботами буксировали скоро, и на нашихъ зѣло много стрѣляли, однакожь не вредили ихъ ядра». Когда 20 галеръ проплыли благополучно, за ними послали и остальные 15 съ такимъ же результатомъ. 27 іюля 1714 года, въ достославный день нашей первой морской побѣды, Апраксинъ, отважно пробившись сквозь непріятельскій флотъ («и такъ безвредно, что только одна галера стала на мель, которую непріятель взял»), напалъ на ту часть шведскаго флота, которая стояла къ

¹⁾ Буксировать значитъ въ данномъ случаѣ тащить судно при посредствѣ ботовъ съ греблями, привязавъ его къ нимъ веревками.

западу отъ м. Гангуда, подъ начальствомъ контръ-адмирала Эреншильда. Атакою руководилъ самъ царь съ обычнымъ мужествомъ и жаромъ. Бой начался въ 3-мъ часу и окончился въ 5-мъ пополудни. «И хотя непріятель—записано въ Журналѣ—несравненную артиллерію имѣлъ предъ нашими, однакоже по зѣло жестокомъ супротивленіи перво ¹⁾ галеры одна по одной, а потомъ и фрегатъ взяты, и такъ крѣпко непріятели оборонялись, что ни единое судно безъ абордингованія ²⁾ отъ нашихъ не отдалось. . . . Нельзя описать мужество нашихъ, какъ начальныхъ, такъ и рядовыхъ; понеже абордингованіе такъ жестоко чинено, что отъ непріятельскихъ пушекъ нѣсколько солдатъ не ядрами и картечами, но духомъ пороховымъ разорваны». Видя полное пораженіе своихъ, Эреншильдъ кинулся въ шлюбку, чтобы спастись бѣгствомъ, но былъ захваченъ въ плѣнъ. Вся эскадра шведовъ перешла въ наши руки. Царь необычайно радовался первой морской побѣдѣ, справедливо называлъ ее «николи у насъ бывшею викторією» и принялъ чинъ вице-адмирала.

Первымъ результатомъ Гангудской побѣды ³⁾ было занятіе нами Аландскихъ и Кваркенскихъ острововъ. Отсюда генераль-маіоръ Головинъ переплылъ Кваркенскій проливъ, высадился на берегъ Скандинавіи, сжегъ городъ Умео и опустошилъ его окрестности. Мы начи-

¹⁾ Сперва.

²⁾ *Абордажъ*—сѣйленіе двухъ морскихъ судовъ для рукопашнаго боя.

³⁾ Въ память нея Петръ Великій построилъ въ Петербургѣ церковь во имя Св. Пантелеймона, въ день памяти котораго мы разбили шведовъ.

нали, такимъ образомъ, хозяйничать на томъ морѣ, владычествомъ надъ которымъ хвалился когда-то знаменитый Густавъ-Адольфъ, совсѣмъ отрѣзавшій насъ отъ его береговъ.

Между тѣмъ Карль XII, убѣдившись въ бесплодности своего пребыванія въ предѣлахъ Турціи, рѣшился возвратиться домой. Верхомъ, съ двумя проводниками, подъ чужимъ именемъ, проѣхалъ онъ владѣнія императора Священной Римской имперіи и, подвигаясь впередъ черезъ Баварію, Вестфалію и Мекленбургъ, неожиданно явился въ Стральзундѣ, осажденномъ нашими союзниками ¹⁾. Несмотря на присутствіе самого короля, Стральзундъ сдался союзникамъ въ 1715 году ²⁾. Въ своихъ неуспѣхахъ былъ виноватъ самъ шведскій король. Своими требованіями, своимъ рѣшительнымъ нежеланіемъ идти на какія-либо уступки, онъ вооружилъ противъ себя и Англію съ Голландіей, и Ганноверъ, курфюретъ котораго сдѣлался англійскимъ королемъ. Англичане и голландцы не могли простить ему захвата на морѣ нейтральныхъ (принадлежащихъ невоюющимъ сторонамъ) купеческихъ кораблей. Вотъ почему и они вмѣстѣ съ Ганноверомъ примѣнули къ союзу. Противъ союза изъ семи державъ Карль могъ выставить не болѣе 30.000 человекъ. Въ немъ окончательно разочаровались и стали усматривать единственную помѣху миру. Прежнія представленія о ничтожествѣ царя Петра и вообще Россіи смѣнились новыми понятіями.

¹⁾ Въ Ноябрь 1714 года.

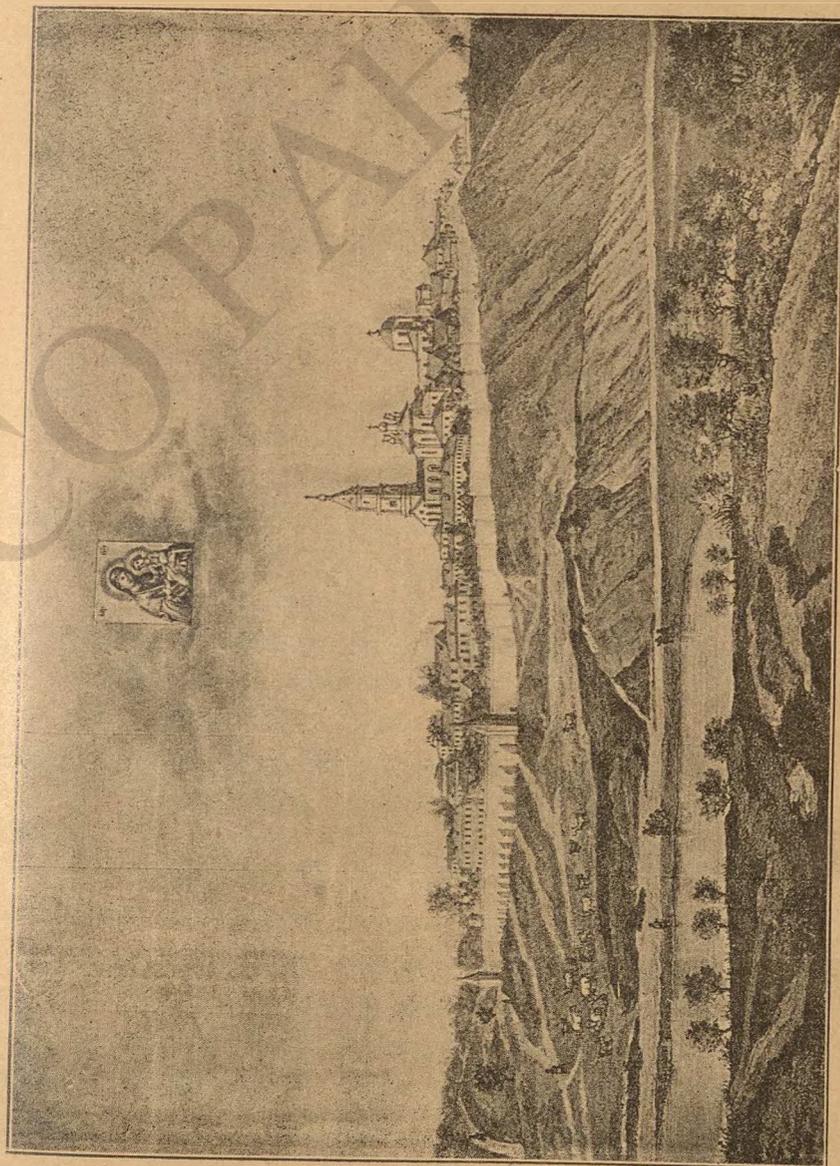
²⁾ 24 Декабря.

Царь видѣлъ, что единственное средство заставить «шведскую шею гнуться мягче» заключается въ высадкахъ на берегахъ самой Швеціи. Въ 1716 году царю, казалось, удалось окончательно склонить датскаго короля къ совмѣстному исполненію задуманнаго дѣла. Двадцатшеститысячное русское войско прибыло на Зеландію, чтобы сѣсть на суда вмѣстѣ съ датскими войсками. Самъ царь пріѣхалъ въ Копенгагенъ, столицу Даніи. Но все ограничилось тѣмъ, что царь, командуя международной эскадрой, состоявшей изъ русскихъ, датскихъ, англійскихъ и голландскихъ судовъ, провелъ 250 купеческихъ кораблей, собравшихся въ Зундѣ и опасавшихся нападенія со стороны шведской эскадры. Послѣдняя успѣшила укрыться подъ защиту батарей Карлскроны. Между тѣмъ, датскій король, соглашавшійся ранѣе на совмѣстную высадку на берега Швеціи, видимо сталъ уклоняться отъ участія въ этомъ предпріятіи. Въ одномъ изъ писемъ къ своей супругѣ царь мѣтко охарактеризовалъ дальнѣйшее свое пребываніе въ Копенгагенѣ словами «болтаемся тунѣ» ¹⁾ и жаловался ей на несогласіе союзниковъ: коренная, по его словамъ, и готова стащить карету, да пристяжные не думаютъ. На «генеральномъ консиліумѣ» было рѣшено отложить десантъ въ Шонію ²⁾ до будущаго лѣта. Царь приказалъ своему войску отправиться на зимовку въ Мекленбургъ, а флоту—ѣхать въ Ревель.

Карлъ XII, видимо, сталъ склоняться къ миру.

¹⁾ *Туне*—даромъ, безъ пользы, напрасно.

²⁾ Въ Сканію, т. е. южную часть Швеціи.

ТИХВИНСКІЙ Ж. МОНАСТЫРЬ, ОСНОВАННЫЙ ВЪ С. БОРИСОВѢ КУРСКОЙ ГУВ. ВЪ ПАМЯТЬ ПОЛТАВСКОЙ ПОВѢДЫ.

Въ маѣ 1718 года на одномъ изъ Аландскихъ острововъ съѣхались уполномоченные Россіи и Швеціи для выработки условій, на которыхъ возможно было бы прекратить тяжелую и слишкомъ затянувшуюся войну. Переговоры эти не привели еще ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, какъ прилетѣла неожиданная вѣсть о смерти Карла XII, убитаго въ траншеѣ, при осадѣ норвежской крѣпости Фридрихсгаля ¹⁾).

Въ Швеціи воцарилась сестра Карла XII, Ульрика-Элеонора. Политика шведскаго правительства измѣнилась. Ему мерещилась возможность посорить Россію съ союзниками, оставить ее въ одиночествѣ и продолжать уже побѣдоносную борьбу съ нею. Тогда царь окончательно пришелъ къ мысли о необходимости вторженія въ Швецію. Мысль царя осуществлялась три раза, для принужденія шведовъ къ миру. Въ 1719 году Апраксинъ, высадившись въ Швеціи, произвелъ большія опустошенія, грозившія самому Стокгольму. Въ манифестѣ Петра Великаго, распространявшемся среди шведскаго народа, объяснялись истинныя причины наносимыхъ ему бѣдствій. Но первое наше вторженіе въ Швецію не достигло своей цѣли, такъ какъ шведы сильно рассчитывали на Англію, относившуюся теперь къ намъ съ нескрываемою непріязнью. Несмотря, однако, на неоднократныя появленія англійскаго флота на водахъ Балтійскаго моря ²⁾, царь продолжалъ свое дѣло энергически, не отказываясь въ то же время и отъ мирныхъ переговоровъ. Въ 1720 году русскія галеры

¹⁾ 30 ноября 1718 года.

²⁾ Въ 1720 году англійскія суда вошли даже въ Финскій заливъ.

снова появились у шведских береговъ подъ начальствомъ Голицына. И на этотъ разъ ихъ посѣщеніе сопровождалось ужасными опустошеніями. Мало того. Возвращаясь изъ экспедиціи, Голицынъ взялъ абордажемъ у острова Гренгама ¹⁾ 4 шведскихъ корабля съ 104 пушками. Гренгамская побѣда убѣдила англичанъ, что они не могутъ своими большими кораблями дѣйствовать противъ нашихъ галерныхъ судовъ и препятствовать имъ совершать смѣлые набѣги на шведскіе берега. Швеція, уже примирившаяся съ остальными союзниками, начинала понимать, что ей не справиться и съ одной Россіей, и предложила ей миръ. На этотъ разъ переговоры происходили въ городѣ Ништадтѣ. Уполномоченными съ нашей стороны, какъ и на Аландскихъ островахъ, были Брюсъ и Остерманъ. Когда же шведы снова заупрямились, Петръ, не прерывая переговоровъ, возобновилъ войну. Теперь было опустошено все шведское поморье къ югу отъ Умео, на протяженіи 300 верстъ. Швеція наконецъ уступила.

30 августа 1721 года былъ подписанъ знаменитый Ништадтскій миръ, по которому Швеція уступала намъ Лифляндію съ островами Эзелемъ и Даго, Эстляндію, Ингерманландію, часть Финляндіи съ Выборгомъ и Карелію съ Кексгольмомъ. Кромѣ небольшой уступленной части, Финляндія, завоеванная нами, возвращалась шведамъ.

Царь былъ несказанно обрадованъ окончанію многолѣтней и тяжелой войны. Извѣстіе о мирѣ застало его на пути въ Выборгъ. Немедленно же онъ вернулся

¹⁾ Гренгамъ—въ Аландскомъ архипелагѣ.

въ Петербургъ, гдѣ прежде всего благодарилъ Бога въ скромной, сохранившейся до нашего времени Троицкой церкви. Царь принялъ дѣйствительно заработанный имъ чинъ адмирала. Миръ былъ такъ дорогъ великому государю, что онъ праздновалъ его нѣсколько разъ. Особенною торжественностью отличалось празднество мира, происходившее въ той же Троицкой церкви 22 октября. Государь присутствовалъ здѣсь со всѣми своими вельможами. Послѣ молебствія Теофанъ Прокоповичъ произнесъ рѣчь о подвигахъ царя. Въ своей рѣчи канцлеръ графъ Головкинъ высказалъ слѣдующую мысль: „Мы, ваши вѣрные подданные, изъ тьмы невѣдѣнія на театръ славы всего свѣта, и тако рещи изъ небытія въ бытіе произведены, и въ общество политическихъ народовъ присовокуплены“. Увлеченіе современностью было такъ велико, что вся многовѣковая жизнь русскаго народа, подготовившая и самое время Петра, объявлялась небытіемъ. Въ заключеніе Головкинъ просилъ царя принять титулъ Великаго, Отца Отечества и Императора. Сенаторы три раза прокричали „вивать!“ Всѣ присутствовавшіе въ церкви, а затѣмъ и народъ, бывшій на площади, повторили этотъ возгласъ. Зазвонили колокола, зазвучали трубы и литавры, затрещали барабаны и загремѣла пальба.¹⁾

¹⁾ Петръ Великій принялъ титулъ императора, но не Римскаго, какъ это было принято въ Западной Европѣ, а Всероссійскаго. Онъ первый отрѣшился отъ прозвища, утратившаго когда-то имѣвшійся въ немъ смыслъ. Онъ не отдѣлилъ народной славы отъ своей и сдѣлался первымъ національнымъ императоромъ. Почти 100 лѣтъ спустя появилась первая національная имперія и на Западѣ.

Отвѣчая на привѣтствія окружающихъ, Петръ Великій сказалъ, что онъ „желаетъ весьма народу Рос- сійскому узнать истинное дѣйствіе Божіе къ пользѣ нашей въ прошедшей войнѣ и въ заключеніи настоя- щаго мира; должно всѣми силами благодарить Бога, но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи Греческой; надлежитъ стараться о пользѣ общей, являемой Богомъ намъ оче- видно внутри и внѣ, отъ чего народъ получить облег- ченіе“.

Завѣтъ Великаго Труженика—работать на общее, всенародное благо—долженъ быть всегда памятенъ каждому изъ насъ.

К. А. Ивановъ.

Полтавскій бой.

Горитъ востокъ зарею новой;
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ рассыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огонь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ;
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью,
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,

И Бога браней благодатью
 Нашъ каждый шагъ запечатлѣнь.
 Тогда-то, свыше вдохновенный,
 Раздался звучный гласъ Петра:
 „За дѣло, съ Богомъ!“... Изъ шатра,
 Толпой любимцевъ окруженный,
 Выходитъ Петръ. Его глаза
 Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
 Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
 Онъ весь, какъ Божія гроза.
 Идетъ. Ему коня подводятъ.
 Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
 Почуя роковой огонь,
 Дрожить, глазами косо водить,—
 И мчится въ прахъ боевомъ,
 Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
 Ужь близокъ полдень. Жаръ пылаеть.
 Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
 Кой-гдѣ гаркуютъ казаки;
 Равняясь, строятся полки;
 Молчитъ музыка боевая;
 На холмахъ пупки, присмирѣвъ,
 Прервали свой голодный ревъ.
 И се, равнину оглашая,
 Далече грянуло ура:
 Полки увидѣли Петра.
 И онъ промчался предъ полками
 Могучъ и радостенъ, какъ бой,
 Онъ поле пожиралъ очами.
 За нимъ вослѣдъ неслись толпой
 Си птенцы гнѣзда Петрова —
 Въ премѣнахъ счастья земного,
 Въ трудахъ державства и войны
 Его товарищи, сыны:
 И Шереметевъ благородный,
 И Брюсъ, и Боуръ, и Репнинъ,

И, счастья баловень безродный,
 Полудержавный властелинъ. ¹⁾
 И передъ синими рядами
 Своихъ воинственныхъ дружинъ,
 Несомый вѣрными слугами,
 Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
 Страдая раной, Карлъ явился.
 Вожди героя шли за нимъ.
 Онъ въ думу тихо погрузился.
 Смущенный взоръ изобразилъ
 Необычайное волненье:
 Казалось, Карла приводилъ
 Желанный бой въ недоумѣнье...
 Вдругъ слабымъ маніемъ руки
 На русскихъ двинулъ онъ полки.
 И съ ними царскія дружины
 Сошлись въ дыму среди равнины,—
 И грянулъ бой, полтавскій бой!...
 Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
 Стѣной живою отраженнымъ,
 Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
 Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
 Отряды конницы летучей,
 Браздами, саблями звуча,
 Сшибаясь, рубятся съ плеча.
 Бросая груды тѣлъ на груды,
 Шары чугунные повсюду
 Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
 Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
 Шведъ, русскій—колетъ, рубить, рѣжетъ;
 Бой барабанный, клики, скрежетъ,
 Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,—
 И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ.
 Среди тревоги и волненья

¹⁾ Мешниковъ.

На битву взоромъ вдохновенья
 Вожди спокойные глядятъ,
 Движенья ратныя слѣдятъ,
 Предвидятъ гибель и побѣду
 И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.

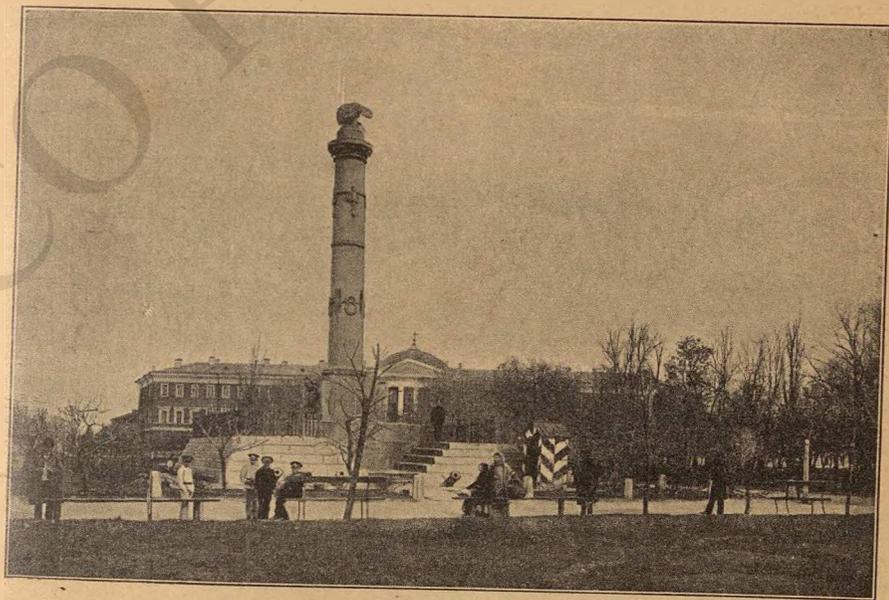
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
 Ура!... мы ломимъ; гнутся шведы;
 О славный часъ!... о славный видъ!...
 Еще напоръ,—и врагъ бѣжитъ;
 И слѣдомъ конница пустилась,
 Убийствомъ тупятся мечи,
 И надшими вся степь покрылась,
 Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордь, и ясенъ,
 И славы полонъ взоръ его.
 И царскій пиръ его прекрасенъ.
 При кликахъ войска своего
 Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
 Своихъ вождей, вождей чужихъ,
 И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
 И за учителей своихъ
 Заздравный кубокъ поднимаетъ.

(Изъ „Полтавы“ А. С. Пушкина).

П о л т а в а.

Вотъ они — поля Полтавы!...
 Здѣсь, воспитанный Петромъ,
 Обновилъ орель двуглавый
 Сокрушительный свой громъ.

Памятникъ Полтавской повѣды у Полтавскаго кадетскаго корпуса.

Здѣсь былъ смѣлый жребій кинуть,
 Здѣсь рѣшенъ вѣковъ вопросъ,
 И въ составъ Европы вдвинуть
 Новый Сѣверный колоссъ.

* *

Здѣсь разсадникъ Русской славы,
 Степь одѣлась въ вертоградъ, —
 И, добравшись до Полтавы,
 Утомленный путникъ радъ.

* *

Былью славной для народа
 Городъ Русскимъ вѣмъ родной!...
 И преданья и природа
 Облекли его красой.

* *

Опоясанный садами
 Какъ онъ свѣжъ и молодежь!
 Какъ увѣнчанъ онъ цвѣтами
 И вѣнкомъ пахучимъ травъ.

* *

Воздухъ сладостно струистой,
 Благовоньемъ напоенъ.
 Здѣсь съ акаціей душистой
 Стройный тополь, темный клень

* *

Разрослись красою чудной, —
 И блестятъ изъ-за садовъ,
 Какъ изъ рамы изумрудной
 Стѣны бѣлыя домовъ.

* *

Бросивъ посохъ свой дорожной,
Хорошо бы здѣсь въ тѣни
Утишить тоской тревожной
Волновавшіеся дни.

* * *

Отдохнуть хоть на закатѣ
Отъ житейскихъ непогодъ
И развестъ при скромной хатѣ
Темный садъ и огородъ.

(Стих. Кн. Вяземскаго 1849 г.).

Полтавскій бой. (27 іюня 1709—1889 г.).

Сто восемьдесятъ лѣтъ вкушаютъ въ сей могилѣ
Добытый кровію, заслуженный покой
Убитые въ поляхъ Полтавы, въ ратной силѣ,
Похороненные здѣсь Царскою рукой,
Благочестивѣйшимъ царемъ Петромъ Великимъ,
Сыны отечества въ сіяніи вѣнцовъ;
И надъ могилой крестъ, вѣщающій со кликомъ
Величіе Петромъ произнесенныхъ словъ.
Петра теплѣйшія Полтавскія молитвы
Понятны русскимъ всѣмъ!.. Понятна рѣчь Петра
Была его войскамъ передъ началомъ битвы...
Понятно дружное ихъ, смѣлое „ура“!..

* * *

Вотъ что онъ имъ нарекъ: „О воины, помните:
„Не за меня свою вы здѣсь прольете кровь
„И храбро жизнью своею не пощадите!..
„Всѣхъ васъ одушевить къ Отечеству „любовь“.
„Всѣ молятся, чтобъ васъ „надежда“ окрыляла

И „вѣра“, что вездѣ сопутствуетъ вамъ Богъ;
Чтобъ „Церковь Божія“ недвижимо стояла,
„Чтобъ „Православіа“ не колебался рогъ!..
„О мнѣ же вѣдайте: не дорожу я жизнью!..
„Благополучно бы Россія лишь жила,
„И слава добрая въ возлюбленной отчизнѣ
„Со благочестіемъ на радость всѣмъ цвѣла!..

(Стих. Л. Бутовскаго).

Надъ Шведской могилой подъ Полтавой.

Спите спокойно подъ мрачнымъ курганомъ,
Станутъ здѣсь прахъ вашъ вѣка сторожить;
Съ бурей, съ грознымъ степнымъ ураганомъ
Нынѣ ужъ вамъ не ожить.

Только одна, какъ вашъ сонъ, безъ границы
Синяя степь разлеглася окрестъ;
Стражъ одинокій безмолвной гробницы
Пріосѣняетъ васъ — крестъ.

Спите; довольно враждебная сила
Васъ возмущала кровавымъ мечомъ;
Нынѣ одна васъ сроднила могила,
Мечъ замѣнила крестомъ.

Нынѣ кругомъ васъ ничто не смущаетъ;
Шепчетъ лишь вѣтеръ съ высокой травой;
Изрѣдка только на крестъ прилетаетъ
Коршунъ иль голубъ степной!..

Но надъ могилой они не застонутъ,
Не опечалятся вашей судьбой, —
Снова вспорхнутъ они, снова потонутъ
Въ безднѣ своей голубой.

Все, как и прежде, вокруг васъ расцвѣтаетъ,
 Все продолжаетъ обычный свой ходъ:
 Также и солнце надъ вами пылаетъ,
 Также и мѣсяцъ плыветъ.

Только, взойдя на нѣмую могилу,
 Вспомнивъ минувшій вашъ вѣкъ,
 Вашу враждой сокрушенную силу,
 Тихо вздохнетъ человѣкъ.

Тяжко подумать ему, что, какъ прежде,
 Будетъ невинная кровь его течь!
 Спите; вамъ лучше при вашей надеждѣ:
 Васъ не пробудитъ ужъ мечъ.

(Стих. Арбузова).

П о л т а в а .

Восторга ли мечта?—иль вѣрный слухъ и видъ?
 Я дальше громовъ внимаю рокотанье!
 Я вижу: зарево военное горитъ!...
 Для сердца русскаго какое воспоминанье?

Какой отранно-рьяный гулъ
 До персей Россовъ досягнулъ?

Отколѣ онъ летитъ?... отколѣ вѣетъ слава?
 Отколѣ знакомый имъ святыхъ торжествовъ привѣтъ?
 Ликуйте, храбрые!... Врагъ, трепещи!... Полтава—
 Силь русскихъ колыбель!... Побѣда—мать побѣд!..

Здѣсь Богъ и Петръ судьями были!...
 И жребій Росса утвердили!...

Здѣсь судъ былъ, чадамъ чьимъ, Норманновъ или Славянъ,
 Владѣть на сѣверѣ землями и морями?

Здѣсь Рюрика призывъ великій освященъ!...
 Здѣсь ты, глава князей, съ новгородскими сынами

Благій Невы Архистратигъ,
 Желаній праведныхъ достигъ!...

Здѣсь свѣтлое чело Россія показала
 И, очертивъ мечомъ своихъ владѣній кругъ,
 Торжественно въ соборъ Европы царствій стала—
 Гроза и судія, защитница и другъ!...

Здѣсь жертвенный отчизнѣ камень
 И ратной славы первый пламень!

Отсель начало всѣхъ трудовъ, успѣховъ, силъ;
 Отсель зиждительный Божественнаго геній,
 Свободенъ, самъ въ себѣ увѣренный, вступилъ
 На дивную стезю своихъ преобразованій!

И посредѣ лѣсовъ и блатъ
 Встаетъ великій Петроградъ!...

О день рѣшительный!... о день благословенный!...
 О битва дивная!... Въ тебѣ совершены
 Отца отечества надежды вождѣльны,
 Основы нашихъ благъ въ тебѣ положены!

Сто лѣтъ прошло; сто лѣтъ срѣтаемъ,—
 И днесъ плоды твои вкушаемъ.

Полтава!... ты славна средь градовъ на земли;
 Ты болѣ—ты свята для душъ, отчизнѣ вѣрныхъ.

(Стих. Мерзлякова).

П о л т а в а .

Въ сіяньи розовыхъ лучей
 Въ шатеръ вечерній свой склоняясь,
 Блится солнце; разливаясь
 Встаютъ туманы средь полей,
 И брегъ сѣдѣтъ Ворсклы скромной,
 И на востокъ стоюю томной
 Луна восходитъ въ облакахъ.
 Какъ памятникъ безсмертнй славы,
 Какъ призракъ нѣкій,—дерзкимъ въ страхъ
 Открылся грозный видъ Полтавы.

* * *

Долины ровныя окрестъ;
 Границъ ихъ взоръ нашъ не встрѣчаетъ;
 Благоговѣнье потрясаетъ,
 Незримый страхъ священныхъ мѣстъ,
 Сердца входящихъ въ доль побѣды!...
 И, кажется, надъ нами дѣды
 Текутъ въ заряхъ по облакамъ.
 Вдали блистаетъ предъ очами
 Отчизны вознесенный храмъ
 Надъ павшими въ бою сынами.

* * *

Здѣсь камень твердый положенъ
 Рукой зиждительной Петровой
 Россіи благу, славъ новой
 Во продолженіе временъ!...
 Здѣсь вы, велики Іоанны,
 Узрѣли свѣтло-увѣнчанны
 Свои желанья и труды!...

Отсель великими шагами
 Означилъ Россѣ свои слѣды
 Повсюду моремъ и землями...

* * *

Ахъ, сколько важныхъ, сладкихъ думъ,
 О поле доблестей святое,
 Вливаешь въ сердце ты младое,
 Вливаешь въ чуждый козней умъ,
 Горяцій пламенной любовью
 Къ отчизнѣ—родомъ, мѣстомъ, кровью
 Столь близкой, столь драгой для насъ!...
 „Что было, что теперь, судите“,
 Гремить Петра великій гласъ:
 „Почившихъ здѣсь благословите“!..

* * *

Но что жъ вѣщаютъ въ судъ вѣковъ
 Сіи высокіе курганы,
 Подъ коими, алчбой возванны,
 Здѣсь кости нашихъ спятъ враговъ?...
 Отвѣтствуй ты, завоеватель,
 Ты, Македонца подражатель,
 Мечтавшій міромъ обладать.
 Забывъ свое, чужимъ прельщенный,
 Ты погубилъ себя и рать,
 Слѣпой фортуной окрыленный...

* * *

О часъ торжественный, святой!...
 Стеклися при стѣнахъ Полтавы
 Великій Петръ и Карль, сынъ славы;
 Насталъ часъ битвы роковой!...
 Что брань, что сила дерзновенна!...
 Побѣда правды несомнѣнна,—
 И Карль съ Мазепою бѣжитъ

И ищетъ крова—гдѣ, насытый?...
 О мщеніе неба, казни стыдъ—
 У Агарянъ царь знаменитый!...

* * *

И тамъ покоя не обрѣлъ
 Мечтавшій Норда быть властитель!...
 Полтава, ты Царей учитель!...
 Вотъ, честолюбцы, вашъ удѣлъ!...
 Вотъ доказательство святое,
 Что званіе Владыкъ благое:
 Доброта, мудрость, правота,
 Любовь къ сынамъ отъ неба даннымъ...
 И Петръ сталъ честь и красота
 Среди вѣковъ царямъ избраннымъ.

* * *

И что же?... въ наши времена
 Петрова обновилась слава:
 Москва!... и ты для насъ Полтава:
 Въ тебѣ, въ тебѣ возвращена,
 Свобода царствіямъ и тронамъ,
 Покорность вѣрѣ и законамъ;
 Въ твоихъ пожарахъ—стихнулъ адъ.
 Такъ Александръ Благословенный
 Съ Петромъ Великимъ стануть въ рядъ,
 Какъ стражи Бога надъ вселенной!...

(Ст. Н. Писарева).

Король Шведскій и Мазепа

(народная пѣсня).

Кто не слыхивалъ у насъ таковыя славы?...
 Подымался король Шведскій даже до Полтавы.
 Призываетъ онъ Мазепу къ себѣ на подпору:

Какъ бы вырыть подъ паремъ на погибель нору.
 Веселятся и ликуютъ, чаютъ-побѣдили;
 И не спрашивались съ удачей, все распорядили.
 Король Шведскій говорить: „Какъ я буду паномъ,
 То устрою я Мазепу короннымъ гетманомъ“.
 А Мазепа возносился выше своей мѣры:
 Былъ предатель государевъ, былъ предатель вѣры.
 Но что вышло изъ ихъ чванства? Не попали и въ отчизну;
 Потерявши цѣло войско, утекли въ Нѣмчизну.
 Вивать Бѣлый Царь и воинъ, разумомъ богатый!
 Вивать храбры генералы!... Вивать и солдаты!...

Народная пѣсня.

Наканунъ было Петрова дня, царскаго ангела,
 Какъ не золотая трубочка вострубила,
 Не серебряна сиповочка возыграла:
 Какъ возговорить нашъ батюшка, православный царь,
 Всей ли же Россіи Петръ Алексѣвичъ:
 „Охъ вы, гой еси, князя со боярами!...
 Пьете, ѣдите все готовое,
 Цвѣтное платьице носите припасенное,
 Ничего то вы не знаете, не вѣдаете:
 Еще пишеть король шведскій ко мнѣ грамотку—
 Онъ будетъ, король шведскій, ко мнѣ кушати...
 Ухъ мы столики разставимъ—преображенскій полкъ,
 Скатерти разстелимъ—полкъ семеновскій,
 Мы вилки да тарелки—полкъ измайловскій,
 Мы поильце медяное—полкъ драгунушекъ,
 Мы кушанья сахарныя—полкъ гусарушекъ,
 Потчевать заставимъ—полкъ пѣхотушекъ“.

Полтавское дѣло

(народная пѣсня).

Въ тысяча семьсотъ первомъ годѣ,
 Въ мѣсяцѣ было во іюль,
 Стояли солдаты на границѣ;
 А ни вѣсточки, и грамотки съ Руси нѣту,
 Въ три годочка перепала скоро вѣстка,
 Что отцовъ и матерей вживѣ нѣту,
 Молодые жены замужъ вышли,
 Малы дѣточки ходятъ—сиротають.
 „Еще ли намъ, ребятушки, не томно?...
 Какъ подъ славнымъ городомъ, подъ Полтавою,
 Тутъ стоялъ, постоялъ король Шведскій.
 Къ королю кавалеры приходили,
 На рѣчахъ кавалеры доносили:
 „Ахъ, ты, батюшка, король земли Шведской:
 Колько подъ горами ни стояти,
 Намъ Полтавы города не взяти:
 Въ Полтавѣ есть Московская пѣхота,
 Самъ Царь-Государь посиѣшаетъ,
 Онъ со конницей, съ драгунами,
 Съ регулярной силой, со пѣхотой!
 Онъ походъ держитъ въ землю Шведску.
 Походъ держитъ подъ праву руку,
 Подъ ту ли подъ Красну Мызу.
 Не дошелъ Красной Мызы, становился,
 Всѣхъ солдатъ своихъ исподстроилъ,
 Пушки-мортирушки изоставилъ.
 „Ахъ, ты, гой еси, мои генералы,
 Храбрые мои кавалеры!...

На службѣ, кавалеры, не бывали,
 Пушечнаго грому не слыжали!“
 Мы еще донесемъ тебѣ челобитье:
 Что изъ славнаго города Обска
 Подымался царевъ большой бояринъ
 Князь Борисъ Петровичъ Шереметевъ
 Походъ держать во Шведскую землю.
 Не дошелъ Красной Мызы, становился,
 Напередъ козаковъ разсылаеть.
 Напередъ козаки разѣзжаютъ,
 Наѣзжаютъ на шведскіе караулы,—
 Шведскіе караулы съ поля сбили,
 Много Шведовъ въ полѣ прирубилъ,
 Увезли въ полонъ большаго маіора.
 Шереметевъ взялъ маіорушку въ допросы:
 „Ты, скажи-ка, маіоръ, Божью правду,
 По крестному Божью цѣлованью:
 Гдѣ стоитъ генераль вашъ?
 Гдѣ стоитъ самъ король вашъ?
 Много ли у васъ силы у благодера?
 Много ли силы съ самымъ королемъ?“
 „У генерала, у насъ, силъ тридцать тысячъ,
 У благодера силъ сорокъ тысячъ,
 А съ самымъ королемъ смѣты нѣту“.—
 „Врешь, маіоръ, врешь, плутуешь!
 Я этова не боюся,
 Въ Обскѣ назадъ не вернуся“.
 Приказалъ въ барабаны скоро бити,
 Скорѣй того въ походъ выступати
 Ко этой рѣчкѣ ко Момжѣ,
 Чтобъ король не догадался—
 За Момжу рѣку не перебрался.
 А король догадался—

За Можу рѣку перебрался.
 Шереметевъ за нимъ погнался;
 Состигалъ короля среди поля,
 Подъ славнымъ городомъ, подъ Полтавою.
 Подымалась Полтавская баталья.
 Запалить шведская сила
 Изъ большаго снаряда, изъ пушки;
 Запалить московская сила
 Изъ мелкаго ружья, изъ мушкета;
 Не крупентъ чеснокъ рассыпался:
 Смѣшалась шведская сила,
 Распахана шведская пашня,
 Распахана солдатскою бѣлою грудью;
 Орана шведская пашня
 Солдатскими ногами;
 Боронена шведская пашня
 Солдатскими руками;
 Постлана новая пашня
 Солдатскими головами;
 Поливана новая пашня
 Горячею солдатскою кровью“ ¹⁾.

Три пули.

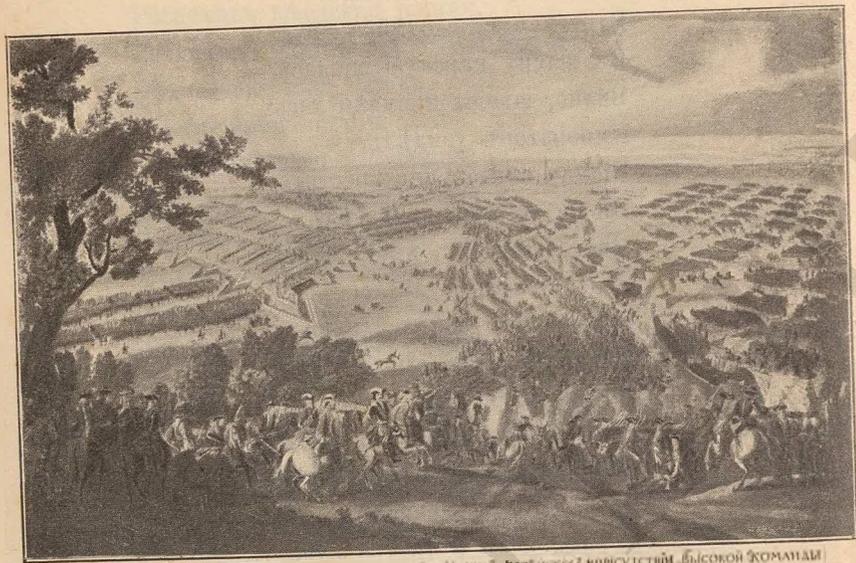
Было дѣло подъ Полтавой,
 Дѣло славное, друзья!
 Мы дрались тогда со шведомъ
 Подъ знаменами Петра.

¹⁾ Сборн. Кирѣевского.

Нашъ могучій Императоръ—
 Память вѣчная ему!—
 Самъ, родимый, предъ полками,
 Словно соколы, онъ леталъ,
 Самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ,
 Самъ и пушку заряжалъ.
 Бой кипѣлъ. Герой Полтавы,
 Нашъ державный великанъ,
 Ужъ не разъ грозою грянулъ
 На могучій вражій станъ.
 Пули облакомъ носились.
 Кровь горячая лилась;
 Вдругъ одна злодѣйка—пуля
 Въ шляпу царскую впиалась.
 Видно, шведы промахнулись:
 Императоръ усидѣлъ,
 Шляпу снялъ, перекрестился,
 Въ битву снова полетѣлъ.
 Много шведовъ, много напихъ
 Подъ Полтавою легло,
 Вдругъ еще впиалась пуля
 Въ его царское сѣдло.
 Не смутился Императоръ:
 Взоръ, какъ молнія, сверкалъ,
 Конь не дрогнулъ отъ удара,
 Но быстрѣе поскакалъ.
 И какъ разъ и третья пуля
 Повстрѣчалась съ Петромъ,—
 Прямо въ грудь она летѣла
 И ударила, какъ громъ.
 Диво дивное свершилось
 Въ этотъ мигъ—Царь усидѣлъ:
 На груди его высокой

Чудотворной крестъ висѣлъ.
 Съ визгомъ пуля отскочила
 Отъ широкаго креста,
 И спасенный побѣдитель
 Славилъ Господа Христа.
 Было дѣло подѣ Полтавой;
 Сотни лѣтъ еще пройдутъ,
 Эти царскія три пули
 Въ сердцѣ русскомъ не умрутъ.

(Стих. Градцева, 1845 г.).

Изображеніе Бреславской битвы между войсками Россійскими и шведскими въ присутствіи Высочайшей Команды
 и Александровскаго Войска Императорскаго Величества Всероссийскаго Петра Втораго, надъ вѣнскими Его
 Императорскаго Величества Жаромъ XII учившимся неподалеку отъ Полтавы Юнія въ 27 день 1709

ОТРЫВКИ

ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ

И. И. ГОЛИКОВА.

„Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи,
 собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя
 по годамъ“.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ И. И. ГОЛИКОВА.

„Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ“.

Петръ I, освободясь отъ Турковъ, на другой день торжества, что было Августа 19 дня, объявилъ Шведамъ войну и Резиденту Шведскому Книперъ-Крону, для донесенія о томъ Королю своему, дано знать, и съ тѣмъ, чтобъ онъ во время мѣсяца изъ Москвы, потомъ же и изъ Государства выѣхалъ; а къ Россійскому Резиденту при Королевскомъ Шведскомъ Дворѣ Князю Хилкову посланъ указъ, чтобъ онъ, учиня декларацію со всѣми обстоятельствами и причинами той войны, выѣхалъ въ Россію. И тогда же повелѣлъ Монархъ всѣмъ Министрамъ своимъ, при иностранныхъ Дворахъ пребывающимъ, а особливо въ Гагѣ, какъ Генеральнымъ Штатамъ, такъ и прочихъ нейтральныхъ областей Министрамъ, резидующимъ тамъ, объявить о причинахъ, понудившихъ его къ началію войны, но съ тѣмъ однако-жь, что онъ Государь готовъ утвердить миръ, ежели Король Шведскій: 1) учинить ему полное удовольствіе за сдѣланное особъ его и Посольству и особенное Послу его Возницыну въ Ригѣ безчестіе и обиду. 2) За присвоенные несправедливо Швеціею принадлежавшіе издревле Россіи города и земли уступить ему одну Нарву

сь окружную землю, гдѣ бѣ онѣ могъ учредить торговый портъ, и за которую обѣщаль особое учинить удовлетвореніе Швеціи. 3) Союзникамъ его въ праведныхъ ихъ претензіяхъ учинить удовольствіе.

Коль скоро до Короля Шведскаго дошло объявленіе отъ Двора Россійскаго войны, то помянутый Министръ Россійскій Князь Хилковъ былъ первый, который испыталъ на себѣ весь гнѣвъ его: онѣ тотчасъ арестованъ, всѣ служители отъ него отлучены, все имѣніе его отнято и серебряная его посуда отдана на монетный дворъ въ передѣлъ денегъ. А таковая же участь послѣдовала какъ съ Секретаремъ Посольства, такъ и со всѣми его служителями. Потомъ же и всѣ Россійскіе купцы, съ ихъ служителями, прикащиками и работниками, которыхъ по несчастію было тогда въ Швеціи до нѣсколька сотъ человекъ, не только заарестованы и всѣ имѣнія ихъ на Короля забраны, не оставя имъ даже и на пропитаніе, но и къ тяжкимъ работамъ ихъ употребили. И сіи несчастные отъ чрезмѣрнаго изнуренія и печали почти всѣ въ темницахъ окончили жизнь свою. Чѣмъ заслужили сіи безоружные и мирные люди толикую жестокость!

Но всего сего какъ бы еще не довольно было къ озлобленію Россійскаго Монарха; надобно было сему прославляемому тогда проемъ Сѣвера, въ своихъ къ иностраннымъ Дворамъ о войнѣ сей объявленіяхъ, употребить о высокой особѣ Его Царскаго Величества выраженія самыя обидныя, между каковыми называлъ онѣ его вѣроломнымъ непріателемъ, и прочее.

Послѣ сего излишне уже будетъ изъяснять, какъ принялъ надменный сей Король упомянутыя Россійскаго

Монарха къ утушенію начинающагося военнаго пламени предложенія. Онѣ не только оныя, но и посредствующихъ Державъ соглашенія отвергнулъ съ презрѣніемъ (т. II. изд. 2-е М. 1837. стр. 13—15).

Петръ Великій получилъ о семъ несчастномъ пораженіи ¹⁾ вѣдомость въ то самое время, когда онѣ изъ Новгорода поспѣшаль съ новымъ корпусомъ войска, въ 12,000 состоящимъ, съ аммуниціею, воинскими снарядами и провіантомъ подъ Нарву. Но никакими бѣдствіями непобѣдимый духъ его не лишился тѣмъ своея отважности и бодрости; онѣ, заключа изъ сего, что хорошій порядокъ войска его непріателя и самыя его побѣды послужатъ къ исправленію войскъ его, и имѣя на лицѣ начертанную надежду, сказалъ: „что Шведы побѣдами своими научатъ наконецъ и насъ побѣдить ихъ самихъ“. А печалило его одно только то, что не былъ онѣ тогда самъ при арміи подъ Нарвою.

Въ Журналѣ сего Великаго Монарха, его собственною рукою правленномъ, о сей побѣдѣ написано тако: „И такъ надъ нашимъ войскомъ Шведы викторію получили, что есть безспорно; но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную получили? Ибо одинъ только старый Лефортовскій полкъ былъ, да два полка гвардіи были только у Азова, а полевыхъ боевъ, паче же съ регулярными войсками, никогда не видали; прочіе же полки, кромѣ нѣкоторыхъ Полковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые самыя, были рекруты. Къ тому жѣ за

¹⁾ Рѣчь идетъ о пораженіи подъ Нарвою въ 1700 г.

позднимъ временемъ и за великими грязьми и провіанта доставить не могли; и единымъ словомъ сказать, казалось все то дѣло яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида: то какое удивленіе, такому старому, обученному и практикованному войску надъ такими неискусными сыскать викторію“? А ниже того Монархъ изъясняется, что сіе несчастіе почестъ должно еще счастиемъ, потому что тогда неволя отогнала лѣность и побудила къ трудолюбію и искусству день и ночь, и прочее (т. II. изд. 2-е, стр. 25—26).

Когда Карль XII занялся Польскими дѣлами, Петръ Великій, предвидя, что онъ надолго останется въ Польшѣ, употребилъ сіе время съ одной стороны на обозрѣніе всего, имъ устрояемаго и заводимаго къ пользѣ отечества, а съ другой на истребленіе силъ Шведскихъ, остававшихся въ Лифляндіи, и на отобраніе ихъ городовъ, въ намѣреніи со временемъ устроить на Балтійскомъ морѣ портъ для торговли подданныхъ своихъ и для Адмиралтейства. Между же тѣмъ Монархъ повелѣлъ съ Воронежа корабельную верфь перенести на усмотрѣнное имъ удобнѣйшее для того мѣсто, при впадѣніи рѣки Воронежа въ Донъ, и заложить на ономъ городѣ Тавровъ. А при упоминовеніи о семъ не должно пропустить и усердія Воронежскаго Епископа Митрофана, споспѣшествовавшаго по силѣ своей устроиваемому тамъ флоту. Сей Преосвященный, въ прошломъ году скопившіеся у него отъ расходовъ 4000 рублей, отдалъ на жалованье морскихъ ратныхъ людей, въ Воронежѣ находящихся; а въ сіе время взнесъ на то же употреб-

леніе еще три тысячи рублей. Его Величество, тронуть будучи таковымъ благороднымъ расположеніемъ души сего достойнаго Пастыря, изъяснилъ признательность свою пожалованными ему какъ за первое, такъ и за сіе послѣднее подаенія двумя жалованными грамотами, заключая оныя сими словами: „Мы Великій Государь за усердножелательное твое къ Намъ и ко всему Христіанскому народу радѣніе, въ дачѣ изъ домовою твоею казны на жалованье ратнымъ людямъ денегъ, жалуемъ милостиво и премилостиво похваляемъ, за которое твое усердножелательное радѣніе и впродъ Наша Царскаго Величества милость къ тебѣ, богомольцу нашему, будетъ неотъемлема“, и прочее. (т. II. изд. 2-е стр. 39—40).

Въ 1702 году Великій Государь, получа вѣдомость, что флотъ Шведскій пріуготовляется паки нечаянно напасть на Архангельскъ, самъ туда поѣхалъ, съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и съ 5-ю баталіонами гвардіи своей; и по пріѣздѣ укрѣпилъ устье рѣки Двины батареями и шанцами, да на взморьѣ при себѣ заложилъ новую крѣпость, наименовавъ оную Новою Двинкою; и тогда же положила взять крѣпость Потенбургъ (Шлиссельбургъ), послалъ указъ къ Князю Репнину, съ дивизіею его и двумя баталіонами гвардіи слѣдовать къ Ладогѣ, повелѣвъ туда же отправить и артиллерію. А въ Троицынъ день спустилъ на воду два фрегата, сдѣланные по указу его Англійскими мастерами, и заложилъ нѣсколько новыхъ; между же тѣмъ Великій Государь не только осмотрѣлъ всѣ иностранныя торговыя суда, и все достойное хотя малаго примѣчанія въ го-

родѣ и внѣ онаго, но и самыя простыя барки, прибывшія къ городу изъ Холмогоръ съ разными мужичьями издѣльями. Онѣ входилъ въ оныя. разговаривалъ съ мужиками о всѣхъ подробностяхъ ихъ жизни и о привезенныхъ ими всякихъ мелочахъ, и въ одномъ изъ нихъ, нагруженномъ горшками, при переходѣ по доскѣ, упалъ съ оною, повернувшись нечаянно, на горшки, но по счастью безъ вреда, а только перебилось тѣмъ много горшковъ. Мужикъ, коему оныя принадлежали, почесавъ голову, съ простодушіемъ сказалъ: „Теперь-то, батюшка, не много я повезу домой денегъ“.—А сколько ты думалъ выручить за свой товаръ?—спросилъ Государь. И услыша, что алтынъ бы сорокъ онѣ выручилъ; тогда Монархъ, пожаловавъ ему червонецъ, сказалъ: Мнѣ пріятно, что ты не можешь на меня теперь жаловаться (т. II. изд. 2-е, стр. 55—56).

Изъ Олонца Монархъ на одномъ новопостроенномъ тамъ фрегатѣ, наименованномъ Штандартѣ, и съ шестью ластовыми судами, прибывъ въ Санктпетербургъ, былъ обрадованъ приходомъ Голландскаго торговаго корабля съ товарами, напитками и солью. Его Величество принялъ шкипера и матросовъ съ великою милостію; отведена имъ была квартира въ лучшемъ тогда домѣ Г. Меншикова; угощены были за его столомъ. Монархъ самъ съ ними благоволилъ кушать, и за приходъ одарилъ шкипера пятью стами червонцевъ и каждого матроса по 300 ефимковъ; и сказано притомъ шкиперу, что ежели другой корабль придетъ, то и оный принять будетъ, также и шкиперъ онаго награжденъ будетъ

тремя стами червонныхъ. Впрочемъ привезенные товары по желанію Монаршему въ самой скорости были раскуплены.

Толико-то желалъ Великій Государь привлечь скорѣйше иностранную торговлю въ новый сей градъ.

Безпримѣрный Монархъ и въ послѣдствіи съ таковою же милостію и снисхожденіемъ поступалъ съ корабельщиками: онѣ всегда посѣщалъ ихъ на корабляхъ, и они угощали его рюмкою водки, виномъ, сыромъ и сухарями. Онѣ дружески во время таковыхъ посѣщеній разговаривалъ съ ними о ихъ пути, а особливо чрезъ Восточное море; охотно слушалъ ихъ опыты и примѣчанія, и часто вступалъ съ ними о томъ въ пространное разсужденіе. Они свободно являлись при Дворѣ, угощаемы были за его столомъ и отпускаемы довольно хмѣльными. А все сіе столько понравилось имъ, что они съ величайшимъ удовольствіемъ пріѣзжали въ Петербургъ. Смѣлость и свободное обращеніе съ Великимъ Монархомъ всѣхъ государственныхъ служителей, имѣющихъ съ ними дѣла, дѣлало къ нимъ почтительными и споспѣшествовало скорѣйшему исполненію просьбъ ихъ. Если же что-нибудь случалось противное кому изъ сихъ мореплавателей, то онѣ тотчасъ угрожалъ, что пожалуется о томъ Государю. Также изъ частыхъ опытовъ уже было извѣстно, что Монархъ позволялъ имъ вольный къ себѣ доступъ и по жалобамъ ихъ тотчасъ требовалъ къ себѣ виноватыхъ. Словомъ, корабельщики, а особливо Голландскіе, которые тогда составляли большую часть, обходились съ Его Величествомъ весьма откровенно, а иногда и слишкомъ. Но Монархъ, который зналъ ихъ внутреннее расположеніе, не только не ока-

зываетъ на таковыя ихъ поступки ни малѣйшаго негодованія, но еще и похвалялъ оныя и весьма тѣмъ веселился.

По нѣсколькихъ лѣтѣхъ Великій Государь, прогуливаясь въ лѣтнемъ своемъ саду, увидѣлъ новопрїѣзжаго Голландскаго корабельщика, который до сего многократно ѣзжалъ въ городъ Архангельскъ, спросилъ его: не лучше-ль ему нравится Петербургъ, нежели Архангельскъ, и не охотнѣе ли онъ сюда и впредь будетъ ѣздить? Нѣтъ, отвѣтствовалъ грубый Голландецъ. Монархъ изумился и съ нѣкоторою досадою спросилъ тому причины. Такъ, Ваше Величество, сказалъ корабельщикъ; въ Архангельскѣ получали мы, по прїѣздѣ нашемъ, хорошія олады, а здѣсь нѣтъ. „Постой, отвѣтствовалъ Государь смѣючись, и тому есть средство: приходи завтра со всѣми своими земляками, прочими корабельщиками, въ мой дворецъ; тамъ я покажу, что здѣсь не хуже бываютъ олады, какъ и въ Архангельскѣ“. Какъ скоро Монархъ возвратился во дворецъ, то приказавъ къ себѣ позвать перваго своего кухенмейстера *Фелтена*, повелѣлъ ему изготовить къ слѣдующему вечеру цѣлый столъ Голландскихъ хорошихъ оладій и все къ тому принадлежащее. На другой день были всѣ Голландскіе корабельщики приглашены на вечеръ въ лѣтній дворецъ, и въ присутствіи Его Величества оладьями и прочими кушаньями угощены, и уже при наступающемъ днѣ отпущены довольно уподчиванными и веселыми (т. II изд. 2-е, стр. 80—82).

Великій Государь, щадя кровь и самыхъ непріятелей, послалъ къ Коменданту Нарвскому Горну Дерпт-

скаго Коменданта, Шкитте, который бы увѣрилъ его, что Дерптъ взятъ, и какая ему и всему гарнизону оказана милость. А отъ имени Фельдмаршала Огильвія къ нему-жь Горну послано увѣщательное о сдачѣ крѣпости письмо, съ увѣреніемъ честнаго аккорда; но Горнъ съ помянутымъ Шкитте не захотѣлъ и видѣться, однакожь узналъ чрезъ другихъ офицеровъ о причинѣ его присылки. А на письмо Фельдмаршалово обѣщаль прислать отвѣтъ на другой день, но съ такимъ договоромъ, чтобъ между тѣмъ унята была стрѣльба; но Монархъ ему же Г. Огильвію тотчасъ велѣлъ на оное отвѣтствовать, что увѣщаніе его Горна къ сдачѣ не столько нужно имъ, какъ ему самому и всѣмъ гражданамъ, ибо Россіяне о взятіи города ни мало не сомнѣваются; что они вѣдаютъ всѣ слѣдствія, какія произвели въ городѣ бомбы и артиллерія; что увѣщаніе такое есть единственнымъ дѣйствіемъ милости Монаршей, не желающей напраснаго пролитія крови ихъ; что доказательствомъ обѣщаннаго милости послужить ему оказанная въ таковомъ же случаѣ гарнизонамъ Шлиссельбургскому, Канецкому и Дерптскому; что буде онъ останется въ упорствѣ, то-бъ не ожидалъ уже къ себѣ никакой послѣ милости, и вѣдалъ бы, что всему несчастію города останется виновникомъ онъ одинъ; и наконецъ, что онъ воленъ на сіе отвѣтствовать, когда хочетъ; однакожь если не сей же часъ, то штурмованіе къ городу не перестанетъ, дабы онъ Горнъ не помыслилъ, чтобъ Россіяне не разумѣли того, что унятіемъ оружія дастся имъ время исправить разоренное въ городѣ. И тако, во ожиданіи на сіе письмо отвѣта, непрестанно производилось изъ пушекъ и бомбъ дѣйствіе, и тотъ же часъ апроши до-

ведены чрезъ контръ-эскарпъ ¹⁾ до самаго городского рва, противъ пролома и обрушеннаго бастиона. ²⁾

Отвѣтъ Комендантовъ послѣдоваль на другой день, и сверхъ всякаго чаянія такой, что не токмо отказаль въ сдачѣ, но помѣстилъ еще въ немъ на народъ Россійскій и укоризненныя слова, и заключилъ таковой обидный отказъ сими словами, что «онъ, несмотря на всѣ видимыя опасности, намѣренъ городъ, ввѣренный ему отъ Короля, его Государя, защищать до послѣдней капли крови; да и не сомнѣвается, что Богъ ему даруетъ такую къ тому помощь, какую и въ 1700 году очевидно дароваль, которое Россіяне, какъ онъ думаетъ, еще не совсѣмъ позабыли».

Огорченный симъ Монархъ повелѣлъ сей обидный отвѣтъ его прочесть предъ всѣмъ войскомъ, дабы оно вѣдало, что Его Величество не охотою, но принуждается ко взятю крѣпости штурмомъ. Великій Государь имѣлъ удовольствіе узнать тогда чувствіе всей арміи своей, ибо какъ скоро солдаты услышали укоризны и поношенія на Россіянь, то воскипѣли ихъ сердца, и требовали, чтобъ вели ихъ на приступъ.

И тако воинскимъ совѣтомъ опредѣлено взять крѣпость штурмомъ; въ слѣдствіе чего 8 Августа приступныя лѣстницы скрытно принесены въ апроши, и всѣ гренадеры посланы къ онымъ съ повелѣніемъ, когда начнется приступъ, метать имъ на бастионы гранаты; и

¹⁾ *Контръ-эскарпомъ* называется виѣшняя крутизна крѣпостного рва.

²⁾ *Бастиономъ* наз. башня, пристроенная къ стѣнѣ крѣпости для защиты подошвы стѣны.

противъ Викторіи у самаго контръ-эскарпа сдѣлана новая батарея для помощи штурмующимъ. 9 числа и вся армія выступила изъ обоза къ апрошамъ; а между тѣмъ Государь повелѣлъ послать въ ровъ съ лѣстницами тѣхъ солдатъ, которые были въ бѣгахъ и заслужили казнь, и велѣно имъ ставить лѣстницы къ обрушенному бастиону Гонору по данному знаку, который какъ скоро учиненъ, то солдаты, подъ командами Генераль-Поручика Шенбека и Генераль-Маіоровъ Чамберса и Шарфа, со всѣхъ сторонъ, такъ сказать, полетѣли съ лѣстницами, и съ такою неустрашимостію полѣзли на стѣны, что презирая тысячи смертей, пускаемыхъ осажденными, которые, кромѣ огненныхъ пораженій, подорвали бывшій у пролома подкопъ, скатывали со стѣны на взбирающихся на оныя солдатъ въ великомъ множествѣ приступныя бочки и всякаго рода тягости. Но Россіяне тѣмъ паче разъярились, чѣмъ большее находили сопротивленіе, особливо же видя предъ очами своими и самого своего Монарха, раздѣляющаго съ ними всю опасность. А толь сильное побужденіе преодолѣло всѣ невозможности, такъ что солдаты со всѣхъ сторонъ въ три четверти часа взошли на стѣны и, сбивъ съ оныхъ отчаянно противившихся Шведовъ, прогнали ихъ даже до стараго каменнаго города.

Въ сей крайности упорный ихъ начальникъ Горнь, ушедшій съ ними же въ тотъ старый городъ и заперши ворота, въ знакъ сдачи велѣлъ по стѣнѣ бить въ барабаны, и съ такою уже нетерпѣливостію, что и самъ въ барабанъ билъ кулаками. Но разсвирѣпѣвшіе солдаты наши, не внимая того, многихъ барабанщиковъ побили, и вмигъ, взобравшись на стѣну, вломи-

лись въ ворота и овладѣли городомъ; а другіе устремились за непріателемъ до самыхъ Ивангородскихъ воротъ, и всѣми укрѣпленіями, вокругъ его подѣланными, овладѣли. Все сіе произведено менѣе нежели въ два часа.

Между тѣмъ разъяренные солдаты наши были, такъ сказать, глухи ко гласу начальниковъ своихъ, по указу Государеву возбраняющихъ имъ убивать и грабить побѣжденныхъ, и преслушаніемъ Великій Государь въ такое приведенъ былъ противу собственныхъ своихъ солдатъ ожесточеніе, что, имѣя обнаженную шпагу, бросился между ихъ самъ, вырывать изъ рукъ ихъ несчастныя жертвы, кричалъ, чтобъ унялися отъ грабежа и кровопролитія, и нѣкихъ, не внимавшихъ его гласу, закололъ своими руками. А потомъ обскакалъ верхомъ всѣ улицы городскія, повторяя со гнѣвомъ спасительныя побѣжденнымъ повелѣнія свои, и въ охраненіе ихъ имѣній разставилъ повсюду, а паче ко всѣмъ церквамъ и лучшимъ домамъ, караулы. И потомъ прибылъ въ Ратушу, которая наполнена была трепещущими отъ страха гражданами, и вошедъ въ оную, имѣя обнаженную еще шпагу, покрытъ пылью, потомъ и кровію, увидя между гражданами Коменданта Горна, въ жару своемъ жестокою даль ему пощечину и грознымъ гласомъ сказалъ ему: «Не ты ли виновникъ толь много и бесполезно пролитой крови? Не имѣя никакой надежды къ помощи и никакого средства къ спасенію города, не могъ ли ты давно уже выставить бѣлаго флага?» Въ то самое время, положивъ свою шпагу на столъ: «Смотри, продолжалъ гнѣвный Государь; шпага сія не Шведскою, но Россійскою обагрена кровію: я

умертвилъ ею собственныхъ моихъ воиновъ, чтобъ удержать ихъ отъ страшнаго грабительства и убійства въ городѣ, къ чему они приведены были твоимъ безразсуднымъ упрямствомъ, и спасти бѣдныхъ жителей отъ конечнаго истребленія». (т. II изд. 2-е стр. 96—100).

По устроеніи въ Санктпетербургѣ Адмиралтейства, и по учрежденіи кораблестроенія, чрезъ нѣкое время столько умножилось въ ономъ щепъ, что дѣлали онѣ затрудненіе въ самыхъ работахъ; и Коллегія опредѣлила было для свозу ихъ вызвать подрядчиковъ; но Монархъ, присутствуя въ Коллегіи и узнавши о семъ опредѣленіи, съ неудовольствіемъ сказалъ: у васъ все подряды да подряды! и повелѣлъ тогда-жъ публиковать, что желающіе могутъ изъ Адмиралтейства брать щепы безденежно. А какъ окружавшія городъ болота и не всѣ еще вымощенныя улицы доставленіе дровъ изъ лѣсовъ дѣлали труднымъ: то и наѣхало въ Адмиралтейство множество повозокъ за сими щепами. Въ сіе время Великій Государь ѣхалъ въ Адмиралтейство на своей одноколкѣ; и когда сталъ взѣзжать на подъемный мостъ онаго, то деньщикъ Его Величества, стоявшій за одноколкою его, увидя телѣгу съ возомъ щепъ, взѣхавшую на тотъ-же мостъ, кричалъ ѣдущему съ возомъ, чтобъ онъ поворотился. Молчи! сказалъ ему Государь, и того-то ты не можешь разсудить, что поворотиться возу уже не возможно, а легче намъ съ одноколкою поворотиться. И такъ Великій Государь, сойдя съ оной вмѣстѣ съ деньщикомъ, своими руками поворотилъ оную, и пропустя возъ, паки сѣвъ въ одноколку

свою, поѣхалъ. Съ возомъ щепь оныхъ ѣхалъ Корабельнаго Секретаря Новикова слуга, по имени Ларіонъ. Чрезъ нѣсколько же дней случилось такъ, что Монархъ повстрѣчался на томъ-же мосту паки съ тѣмъ-же Ларіономъ, ѣдущимъ съ возомъ-же щепъ; и какъ Его Величество взѣхалъ на мостъ первый, а возъ оный только еще подѣжжалъ къ мосту, то Государь и кричалъ ему, чтобъ онъ остановился и не ѣхалъ; однакожь Ларіонъ не останавливаясь продолжалъ ѣхать. Тогда Монархъ, сойдя паки съ одноколки и узнавъ того-же самага слугу, спросилъ его; вѣдь ты-же былъ тотъ, для котораго я поворотился съ одноколкою моею назадъ, дабы тебя пропустить? Я, отвѣтствовалъ Ларіонъ. Но тогда взѣхалъ на мостъ прежде ты съ возомъ своимъ, сказалъ паки Государь, и поворотиться уже тебѣ было неудобно; а теперь видѣлъ ты, что прежде взѣхалъ на мостъ я; а ты только что подѣжжалъ къ оному, и поворотиться было мнѣ уже неудобно; да я-же и кричалъ тебѣ, чтобъ ты остановился и пропустилъ меня; однакожь ты, несмотря на сіе, не останавливаясь все ѣдешь. Виновать, отвѣтствовалъ слуга. Такъ надобно, чтобъ оное ты помнилъ и не озорничалъ впредь, сказалъ наконецъ Государь, и тутъ-же далъ ему нѣсколько ударовъ палкою своею, приговаривая: не озорничай, не озорничай и пропускай прежде тѣхъ, кто прежде тебя на мостъ взѣдетъ.

Слуга сей, дожившій до глубокой старости, случай тотъ съ собою всякому рассказывалъ съ пролитіемъ слезъ, какъ-бы гордяся тою честію, что самъ Государь изъ своихъ ручекъ изволилъ его наказать своею палкою.

Многіе наказанные Государемъ, подобно сему Ларіону, съ таковыми-же чувствіями удовольствія воспоминали сіи наказанія; но сіе и неудивительно, потому что оныя были справедливы; даже и самые тѣ, которые наказываны были отъ него не по винѣ, а по дѣйствию гнѣва его, съ таковыми же чувствіями остались къ памяти того; а сіе потому, что заглаждалъ Монархъ сіи наказанія признаніемъ своимъ, прошеніемъ у нихъ прощенья, и зачетомъ того впредь, какъ выражалъ Государь, если сдѣлаютъ они какое преступленіе. (т. XV изд. 2-е стр. 202—204).

Монархъ, при выѣздѣ своемъ изъ Нарвы въ Москву, между прочими учрежденіями, далъ повелѣніе Генераль-Маіору отъ артиллеріи Якову Брюсу, прибавить въ Нарву и Петербургъ военныхъ снарядовъ по 7000 трехпудовыхъ и по 700 девятипудовыхъ бомбъ, и по 400 выстрѣловъ пороху, и умножить артиллеристовъ шестью стами человекъ.

Въ Вышнемъ Волочкѣ остановась, ѣздилъ осматривать рѣки Тверцу и Мсту и опредѣлилъ соединить ихъ каналомъ, а посредствомъ ихъ и рѣки Волги соединить и самыя моря Балтійское съ Каспійскимъ, и слѣдовательно отворить тѣмъ путь Персидской и Индійской торговлѣ къ Санктпетербургскому порту и обратно. Да и повелѣлъ при себѣ же начать работу; а для скорѣйшаго окончанія важной сей работы сдѣлалъ тогда же всѣ нужныя учрежденія.

Въ Москву прибывъ Государь Декабря 14, имѣлъ въ оную торжественный въѣздъ, для котораго устроены

семь триумфальныхъ воротъ, въ числѣ коихъ одни великолѣпнѣйшія были сооружены иждивеніемъ Г. Меншикова, награжденнаго тогда же чиномъ Генераль-Поручика; въ шествіи ведены были: Шведскій Генераль-Маіоръ Горнъ и 159 офицеровъ; несено 40 знаменъ и 14 морскихъ флаговъ, и везено 80 пушекъ.

При однихъ триумфальныхъ воротахъ первенствующій Митрополитъ Стефанъ Рязанскій говорилъ Монарху поздравительную рѣчь, при другихъ Заиконоспасской Академіи Ректоръ съ учителями и учениками привѣтствовали рѣчьми же; а при прочихъ, всѣхъ сословіи знатнѣйшіе люди приносили Его же Величеству всеподданнѣйшія поздравленія. Въ продолженіе всего шествія производилась пушечная пальба и колокольный звонъ. Зрѣлище на унывшія лица ведомыхъ Шведовъ, на оружіе ихъ, почитаемое прежде непобѣдимымъ, влекомое въ презрѣніи; на полководцевъ и новыхъ своихъ воиновъ, въ радостномъ видѣ воспѣвающихъ надъ ними свои побѣды, было несказанно пріятнымъ множеству народному; тогда исчезло у нихъ мнѣніе о волшебствѣ Шведовъ, и не страшень уже былъ и самъ дьяволъ, дѣйствовавшій, по ихъ мнѣнію, прежде при Нарвѣ; они уже наполнялись къ нему и къ нимъ презрѣніемъ, и начали узнавать пользу преображеннаго своего воинства въ видѣ, суетвѣрію ихъ казавшійся непріятнымъ; и надежда на Великаго своего Монарха, возраста, предвѣщала имъ несомнительную надъ ними побѣду.

Премудрый Государь, предзря великое таковыхъ торжество дѣйствіе надъ сердцами подданныхъ своихъ, не оставитъ и впредь по каждой побѣдѣ представлять

предъ очи ихъ подобныя сему зрѣлища. Около сего же времени изданы географическія карты, изъ коихъ одна имѣетъ границами, моря: Балтійское, Ледовитое, Каспійское и Черное, и рѣку Лену; другая содержитъ Сѣверную Россію отъ Лапландскихъ береговъ до Галича, и къ Востоку до рѣки Печоры; третья Южную Россію между Днѣпромъ и Волгою, отъ города Костромы до Азова; четвертая Ингерманландію съ городами Петербургомъ и Шлиссельбургомъ, и Южный край Новой Земли, а къ Востоку до рѣки Оби. Толико-то Монархъ обнималъ все попеченіемъ своимъ! (т. II изд. 2-е стр. 111—112).

Занимающійся толь важными дѣлами Монархъ не опускалъ и самомалѣйшихъ, а особливо къ хозяйству относящихся. Сему доказательствомъ послужатъ намъ письма *Его Величества*, въ сіе-же самое время писанныя къ Г. *Стрѣшневу*. Въ первомъ изъ оныхъ, увѣдомивъ его объ успѣхахъ воинскихъ, заключаетъ тако: «Цвѣты шесть кустовъ, піоны, привезли въ цѣлости, чему зѣло удивляемся, какъ не разтрясло, а цвѣты не малые. Зѣло жалѣемъ, что калуферу, мяты и прочихъ душистыхъ не прислано; а когда піоны довели, и эти гораздо легче, прикажи ихъ прислать. Дьякъ *Левонковъ* вчера скончался, человекъ былъ гораздо доброй». Въ окончаніи повелѣваетъ прислать Шведскаго барабанщика *Яганова*. Другое мы помѣщаемъ подлинникомъ. «Какъ вы сіе письмо получите, извольте, не пропустя времени, всякихъ цвѣтовъ изъ Измайлова не помалу, а больше тѣхъ, кои пахнутъ, прислать съ садовниками. Также извольте увѣдомить, что у васъ въ наборъ и въ

отпускъ солдатъ, и о прочемъ состояніи». (Дополн. ко II т. изд. 2-е стр. 485—486).

Фельдмаршалъ *Шереметевъ*, услышавъ, что Шведы собираются, въ намѣреніи выгнать и Россійское войско изъ Польши, и не понявъ силы присланнаго ему отъ Монарха повелѣнія, чтобъ до указа не ходить далѣе, требовалъ отъ *Его Величества* указа, что ему дѣлать. Великій Государь, таковымъ недоразумѣніемъ его бывъ недоволенъ, писалъ къ нему, что онъ удивляется его нерѣшимости. «Я писалъ вамъ прежде (пишетъ Монархъ), чтобъ вы какъ возможно надъ непріателемъ промысль чинили; противъ чего вы писали, что онаго за провіантомъ учинить не возможно; и для того я писалъ къ вамъ, чтобъ вамъ до указа не ходить. А что если какой удобный случай будетъ, а наипаче къ отпору или оборонѣ своихъ становищъ, сей указъ весьма не дѣйственъ, и сіе подобно, когда слуга, видя тонушаго господина, не хочетъ его избавить, дондеже справится, написано-ль то въ его договорѣ, чтобъ его изъ воды вынуть». Фельдмаршалъ, получа таковой выговоръ, не взирая на предупомянутое несмысленное положеніе сеймовъ, старался заслужить свой проступокъ; онъ разослалъ многія партіи, съ повелѣніемъ поражать повсюду Шведовъ; въ сихъ партіяхъ особливо отличился Генераль *Ренъ*. «Ренова партія (пишетъ Фельдмаршалъ къ Государю) съ Шведскою имѣла дѣло и, одержавъ побѣду, счастливо возвратилась; взяли Прапорщика и нѣсколько драгунъ въ полонъ, не потерявъ изъ своихъ ничего», и проч. (Дополн. ко II т. изд. 2-е стр. 526).

27 числа ¹⁾ (1708 года) Государь увидѣлъ Левенгаупта, стоящаго у деревни Долгихъ Мховъ за рѣчкою; но какъ отъ оной пушками его прогнали, то онъ, оставя то мѣсто, ретировался лѣсами и весьма трудными дефилеями къ Пропойску. Монархъ, чрезъ помянутую рѣчку переправя ночью войско свое и о полудни нагнавъ его, стоящаго у деревни Лѣсной во фрунтѣ, окруженномъ болотами, Его Величество, оставя у сего неприступнаго мѣста Полковника съ тремя тысячами солдатъ, пошелъ атаковать его обходомъ, и отрядя гвардіи полки для атаки лѣваго непріятельскаго крыла, самъ приближась къ непріятелю, спѣшилъ одинъ драгунскій и два пѣхотныхъ полка, бывшіе на лошадяхъ-же; и только что началъ строить къ нападенію, какъ сверхъ чаянія Левенгауптъ, видя, что долженъ онъ непременно сразиться, употребя все искусство великаго Полководца, вышелъ изъ лѣсу со всею своею пѣхотою, атаковалъ во флангъ нашихъ два полка, Ингерманландскій и Невскій, но не могъ однако-жъ ихъ сбить съ мѣста. А въ то-же время предупомянутые наши полки подоспѣли нечаянно; и толь сильно ударили въ него, одинъ во фрунтъ, а другой съ флангу, что непріятель, не могши онаго выдержать, отступилъ, и наши гнали его сквозь лѣсъ. Въ первомъ семь жару отбили у него 4 знамя, 2 пушки и взяли въ полонъ Полковника Шталя, Генераль-Адъютанта Кноринга и нѣсколькихъ офицеровъ. Когда-же непріятеля сквозь лѣсъ прогнали къ ихъ конницѣ, то между тѣмъ и наша конница, подоспѣвъ, соединилась съ пѣхотою; и такъ вступили въ валовой бой,

¹⁾ Сентября мѣсяца

и по пятичасномъ упорномъ и отчаянномъ сраженіи сбили наконецъ непріятели и прогнали ихъ къ ихъ обозу. Обѣ стороны, отъ крайней усталости не могли болѣе дѣйствовать, принуждены были наши на мѣстѣ сраженія, а непріятель въ обозѣ своемъ пасть на землю, и въ виду другъ друга довольное отдыхать время; но съ нашей однако-жъ стороны продолжаема была стрѣльба изъ трехъ пушекъ, а отъ нихъ уже никакой не было. Его Величество, предъ началомъ сего страшнаго сраженія, имѣлъ неосторожность поставить позади фрунта своего Казаковъ и Калмыковъ съ пиками, давъ имъ грозное повелѣніе всѣхъ тѣхъ, кои изъ нашихъ побѣгутъ, или назадъ подадутся, колоть безъ пощады, не исключая и его самого, ежели-бъ - и онъ то учинилъ. Сей указъ надъ нѣсколькими побѣгшими въ точности былъ и исполненъ, что видя, солдаты рѣшились непременно побѣдить, или на мѣстѣ умереть.

Во время помянутаго отдыха, въ 5 часу по полудни прибыли въ помощь къ нашимъ Генераль-Поручикъ Боуръ съ 3000 драгуновъ, а къ непріятелю въ толикомъ-же числѣ авангардія его, отряженная къ Пропойску, для дѣланія мостовъ чрезъ рѣку Сожу. Тогда пакки атаквали непріятели, и по нѣсколькихъ валовыхъ выстрѣлахъ, бросились на нихъ со штыками и палашами; и произведя страшное убійство, остатки обратили въ бѣгство и овладѣли всею артиллеріею и почти всѣмъ обозомъ. Но къ счастью ушедшихъ бѣдныхъ тѣхъ остатковъ, наступившая ночь съ пресильною вьюгою, снѣгомъ и дождемъ, укрыла ихъ отъ преслѣдованія и конечнаго истребленія; и наши солдаты, кого и гдѣ та вьюга захватила, тутъ и принуждены были ночевать.

Самъ Монархъ, изнемогшій отъ безмѣрныхъ трудовъ и покрытый снѣгомъ и льдомъ, препроводилъ, подобно имъ, всю ту ночь въ отдаленіи отъ стана арміи своей.

Сей едва примѣръ имѣющій страшный бой начался въ 1, а окончился въ 7 часовъ по полудни, исключая изъ того два часа отдыху; и Великій Государь, во все время сраженія того присутствуя вездѣ, а паче, гдѣ наибольшая была опасность, управлялъ всѣмъ дѣйствіемъ онаго и поощрялъ воиновъ примѣромъ своимъ. Непріятели на боевомъ мѣстѣ осталось убитыхъ съ 8000; а за ушедшими поутру послалъ Государь Генераль-Поручика Флюка; а потомъ и князя Меншикова съ кавалеріею; и сему послѣднему велѣно, не возвращаясь уже, поспѣшать къ главной арміи. Флюкъ изъ остатковъ пораженнаго непріятели, въ погонѣ за ними, побилъ болѣе 500 человекъ и нѣсколько сотъ взялъ въ полонъ, и остальной отнял у нихъ обозъ, коего еще было до 2000 телѣгъ, или фурмановъ. Наконецъ оставшіеся непріятели набѣжали: одни на Бригадира нашего Фастмана, имѣвшаго постъ свой у переправы чрезъ рѣку Сожу, и претерпѣли не малое поражение, а другіе на Генераль-Маіора Инфланта близъ уже самаго Королевскаго войска, отъ котораго убито ихъ болѣе 200 и въ полонъ взято 3 офицера и 200 рядовыхъ. Коликое-же число побито всѣхъ Шведовъ, того изчислить было не возможно, ибо въ побѣгѣ ихъ въ разныхъ мѣстахъ и лѣсахъ разосланными повсюду Казаками и Калмыками безъ счету поколото и порублено множество, даже и мужики по лѣсамъ въ томъ бѣгу ихъ многихъ перебили; а извѣстно только то, что Левенгауптъ къ Королю своему не привелъ ни войска и

не привезъ ни обозу, ни денегъ, и яко вѣстникъ толикой гибели, прибѣгъ почти одинъ, пораза Короля и всю его армію печалію и страхомъ.

Побѣда сія тѣмъ славнѣе, что одержана надъ самымъ лучшимъ Шведскимъ войскомъ, и гораздо меньшимъ числомъ Россіянъ, ибо непріятелей было по журналу 16.000, а по письму Монаршему къ Графу Апраксину отъ 6 октября 20.000, изъ коихъ взято въ плѣнъ 2 Полковника, 3 Генераль-Адъютанта, 47 штабъ и оберъ-офицеровъ, а съ рядовыми раненыхъ 876, да раненыхъ 2856; остальные-же, какъ то показано, почти всѣ побиты; да взято пушекъ 17, знаменъ 78 и весь обозъ съ денежною казною и воинскими снарядами, коего было 8000 фурмановъ и телѣгъ. Нашего-же войска было сначала 11.625 человекъ, но изъ онаго числа откомандировано было съ Фастманомъ и фонъ-Кампелемъ 1700; и такъ, въ дѣйствиіи было нашихъ всего только 9,925 человекъ, да при окончаніи побѣды пришло драгунскихъ полковъ съ Генераль-Лейтенантомъ Боуромъ 4,076 человекъ; то и съ сими составить число, кромѣ откомандированныхъ, 14,001 человекъ.

Изъ числа нашего войска во все время сраженія убито 1,111, да ранено 2,856 человекъ. О сей побѣдѣ нетомимый Монархъ съ мѣста баталіи писалъ ко всѣмъ начальнымъ людямъ, поздравляя каждого сею побѣдою, и относя оную покровительству Божию. И въ письмѣ къ Князю Долгорукову Монархъ помѣщаетъ сіи слова: «Сія викторія часъ отчасу умножается; понеже непрестанно разбитыхъ Шведовъ стами нагоняютъ и приводятъ въ нашъ обозъ; и можно видѣть, что сей корпусъ вконецъ раззорился (истребленъ). Сіи всѣ были при-

родные Шведы, и ни одного человекъ не было въ ономъ корпусѣ иноземца». Но никто изъ сихъ господъ, коихъ почтилъ Монархъ увѣдомленіемъ о сей побѣдѣ, толико не былъ обрадованъ, какъ Генераль-Фельдмаршалъ Шереметевъ; онъ, отвѣтствуя Монарху на оное, помѣщаетъ между прочимъ сіи слова: «О управленіи той акціи самую Вашу Монаршею персоною отъ присланнаго увѣдомился, что Ваше Пресвѣтлое Величество изволили во оной баталіи поступать не храня своей Монаршей особы, но защищая отечество, вамъ врученное Богомъ: и за оное паки Вседержителю Господу Богу за цѣлость здравія Вашего Величества благодарилъ; а я особливо благодарю Вашу Пресвѣтлую Милость, что надъ моимъ собственнымъ непріателемъ Генераль-Левенгауптомъ реваншъ ¹⁾ изобрѣтенъ» (т. IV изд. 2-е стр. 15—19).

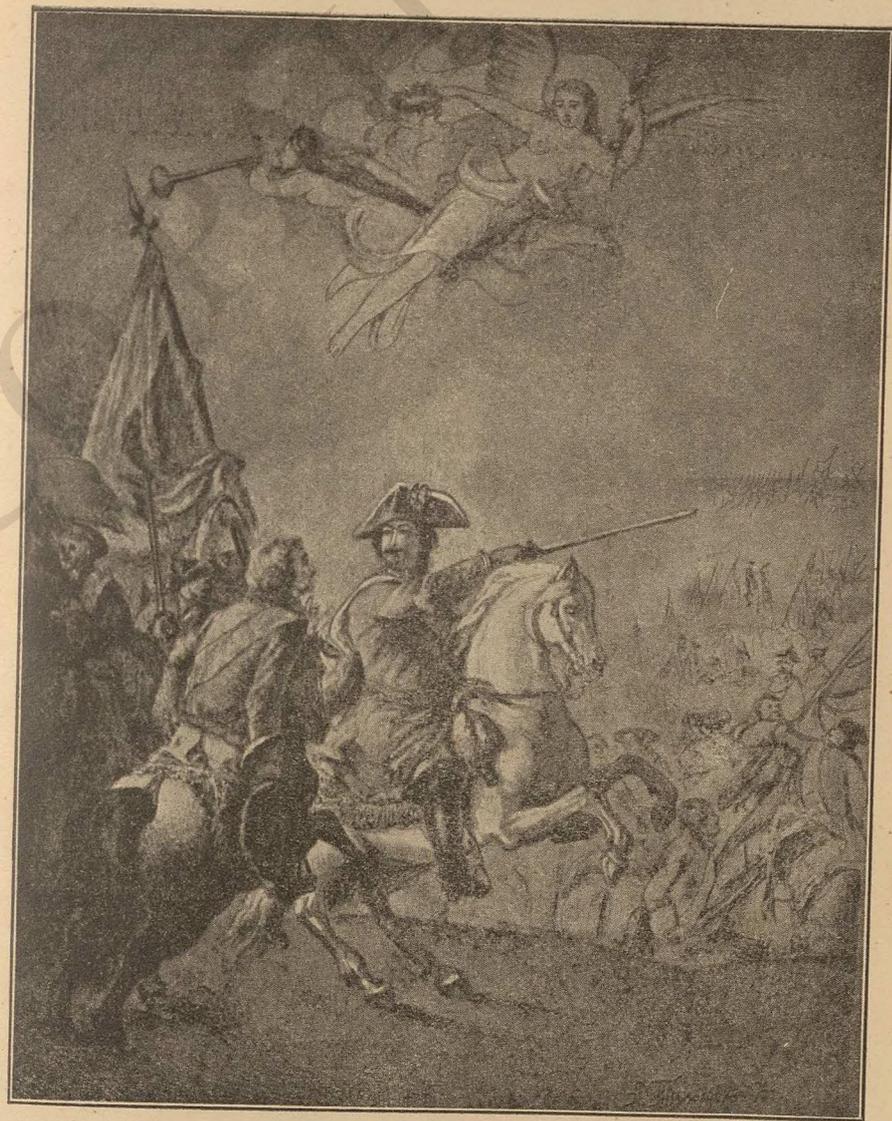
Великій Монархъ, устроая, объѣхалъ всю армію, поощряя солдатъ, офицеровъ и Генераловъ краткими, но сильными словами, довершить надъ кичливымъ, но уже полупобѣжденнымъ непріателемъ побѣду, повелъ армію свою на непріятеля; но Король, не допуская атаковать себя, выступилъ съ своею арміею. Начало сдѣлано пушечными ударами; а въ 9 часу сошлись и вступили въ сраженіе съ великою храбростію. Неустрашимость и презрѣніе смерти обоихъ предводительствующихъ Монарховъ были безпримѣрны; въ доказательство чего на Россійскомъ прострѣлена шляпа, а другая пуля попала въ орчакъ сѣдла его; а подъ Шведскимъ неоднократно

¹⁾ *Реваншъ* (фр. *revanche*)—отплата, отмстка.

опрокидываема была, а потомъ пушечнымъ ядромъ и совсѣмъ разбита качалка его, въ коей онъ, за раню въ ногъ, возимъ былъ. Монархамъ своимъ въ неустрашимости подражали и всѣ ихъ Генералы; и у Фельдмаршала Шереметева прострѣлена была рубашка, выбившаяся изъ-подъ камзола, а подъ Княземъ Меншиковымъ ранены три лошади. Но храбрые Шведы не выдержали огня Россійскаго болѣе получаса и, обратя хребетъ свой, съ такимъ-же страхомъ побѣжали, съ какою неустрашимостію наступали, такъ что ни единой уже она не остановилась; и разъяренные солдаты наши бѣгущихъ провожали тысячею смертей, даже до лѣсу, бывшаго за ихъ обозомъ, при чемъ взяты были въ полонъ: сначала Генераль-Маіоры Штакельбергъ и Гамельтонъ, а потомъ Генераль-Фельдмаршалъ Рейншильдъ и принцъ Виртембергскій, сродникъ Королевскій, со многими Полковниками и офицерами, и съ нѣсколькими тысячами солдатъ; и освобождено нашихъ офицеровъ, солдатъ и разнаго званія бывшихъ у нихъ въ плѣну 2900 человекъ. Плѣнные были гнаны въ лагерь нашъ какъ стадо.

Но какъ великая часть арміи Шведской не останавливаясь бѣжала, то кавалерія наша регулярная и легкая потолѣ за ними гналась, поколѣ мочь была у лошадей. Убийство было страшное, такъ что болѣе нежели на 3 мили вокругъ устланы были поля трупами Шведскими, и навѣрное погибло ихъ въ семь пораженіи до 20 тысячъ, изъ коихъ на одномъ мѣстѣ битвы сочтено 9234.

Толикими-то бѣдствіями сопровождается война! За спасшимися отъ меча Россійскаго бѣглецами, подъ предводительскомъ Генерала ихъ Левенгаупта, посланы были

Петръ Великій въ Полтавской битвѣ (съ картины Шебуева).

Въездъ Петра Великаго въ Москву послѣ Полтавской
побѣды.

въ погоню Генераль-Поручики: Князь Голицинъ и Боуръ, съ 14 полками; но непріатели съ такою поспѣшностію бѣжали, что бѣдныхъ раненыхъ своихъ, кои не могли за ними поспѣвать, безъ милосердія кололи, и болѣе 3000 фурмановъ по дорогѣ разбросали. Сихъ ушедшихъ было однихъ оружіе носящихъ болѣе 16,000 человекъ; а съ статскими и придворными и разнаго званія чинами, также съ служителями, работниками и всякаго рода женщинами, было болѣе 24,000 душъ.

Между тѣмъ въ шанцахъ Шведскихъ взяты первый Королевскій Министръ Графъ Пиперъ, съ Тайными Секретарями Цидельгельмомъ и Дибеномъ, и также весь Королевскій кабинетъ, съ нѣсколькими милліонами наличныхъ денегъ, и весь обозъ съ превеликимъ числомъ воинскихъ оружій, припасовъ и всякихъ вещей.

Что-жъ до самаго Карла XII принадлежитъ, то славный сей Король, во время сраженія отъ разбитія качалки его упавшій и въ безпамятство пришедшій, завременно еще былъ вынесенъ и увезенъ къ Днѣпру, гдѣ онъ и соединился съ войскомъ своимъ подъ Перволочною. Но страхъ, предшествовавшій ему, оставя сію толь еще многочисленную армію на произволь судьбы, принудилъ его, переѣхавъ за Днѣпръ, бѣжать въ Турецкія границы. Онъ не могъ съ собою болѣе перевести, какъ только нѣсколько сотъ своихъ драбантовъ, съ двумя Генераль-Маіорами Лагерскрономъ и Шпаромъ (т. IV изд. 2-е стр. 77—79).

По окончаніи всѣхъ дѣйствій военныхъ Монархъ, увидя со всѣхъ сторонъ пріѣзжающихъ къ себѣ Генераловъ и знатныхъ чиновниковъ гвардіи своей, укло-

нялъ предъ каждымъ изъ нихъ обнаженный еще и кровію непріятельскою обагранный мечъ свой и поздравлялъ ихъ съ побѣдою. Въ Дневникѣ *Брекини* помѣщено привѣтствіе Монаршее, съ каковымъ Онъ принялъ начальниковъ и офицеровъ гвардіи своей, которое я вношу и здѣсь: «Здравствуйте сыны отечества, чада моя возлюбленная; потомъ трудовъ моихъ родихъ васъ; безъ васъ государству какъ тѣлу безъ души жить не можно; вы, имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной, къ отечеству, къ славѣ и ко мнѣ, не шадите живота своего, и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрыя дѣла ваши никогда не будутъ забвенны у потомства».

На сіе привѣтствіе отъ лица сей гвардіи отвѣтствовала Монарху Полковникъ оныя Генераль-Поручикъ Князь *Голлицынъ* такъ: «Мужественною крѣпостию отъ Господа Бога утвержденный благочестивѣйшій Государь! кто тебя достойно восхвалить можетъ? Кто не имать повелѣній твоихъ усерднѣйше исполнять? Въ тебѣ утвердилось сердце наше. Ты острою разума, храбростию и смысломъ ученія, всѣхъ насъ обогащаеши».

Въ самое сіе время представлены были Его Величеству изъ плѣнныхъ Принцъ Виртембергскій и Генераль-Маіоры Штакельбергъ и Гамильтонъ. Монархъ, принявъ ихъ съ ласковымъ видомъ и обнадежа милостию своею, повелѣлъ съ честью и не снимая шпагъ, отвести ихъ въ ретраншементъ свой; потомъ обнялъ прибывшаго къ нему тогда-же Князя Меншикова и, неоднократно цѣлуя его въ голову, перевозносилъ предъ всѣми отличные подвиги и труды его. Тронутый симъ чувствительно Князь сей отвѣтствовалъ: «Аще-бы Мои-

сей, вождь Израилевъ, не предсталъ предъ Богомъ въ моленіи за согрѣшившій народъ свой, погибъ-бы оный; аще-бы и ты въ самое лютейшее время, въ кое непріятель Новгородскаго полку первый баталіонъ збилъ и отрѣзалъ лѣвое крыло отъ главной арміи, на которомъ и я съ кавалеріею находился, не предсталъ и не сомнѣлъ фрунта арміи, не шадя живота своего, то равно-бы и мы всѣ погибли. Самъ Господь Богъ тебя, помазанника своего, на сіе подвигнулъ, съ тобою сражался и увѣнчалъ подвигъ сей толикою побѣдой». И посемъ поздравя Его Величество съ великою побѣдою, доносилъ, что непріятель толико низложенъ, что никогда уже отъ паденія своего не возстанетъ; и что Генераль-Фельдмаршалъ Рейншильдъ взятъ имъ въ плѣнъ, со многими знатными Офицерами. Монархъ, возблагодаря его за сіе послѣднее, повелѣлъ мимо себя провести въ тотъ-же ретраншементъ, не снимая-же съ нихъ шпагъ.

Потомъ Монархъ спросилъ у Князя сего о числѣ убитыхъ въ кавалеріи его, и Князь клятвенно увѣрилъ Его Величество, что ихъ не болѣе убито пяти или шести сотъ.

И тогда же, повелѣвъ арміи своей стать въ строй, выѣхалъ предъ оную съ Княземъ симъ. Коль скоро Великій Государь предъ оною показался, то Фельдмаршалъ Шереметьевъ, бывшій при оной, закричалъ: «на крауль!» Всѣ Генералы, Штабъ и Оберъ-Офицеры уклонили свои шпаги, во всей арміи загремѣла музыка, барабанный и литаврный бой, и преклонялись до земли всѣ знамена. Монархъ, проѣзжая весь фронтъ арміи безъ шляпы, благодарилъ все войско за храбрость и

усердіе ихъ; а Фельдмаршалъ, отъ лица оныя изъявля Его Величеству за защищеніе вѣры и отечества, не щадя собственныя жизни своея, благодарность, доносили о великомъ числѣ убитыхъ непріятелей и о малой потерѣ своихъ.

Посемь Великій Государь, повелѣвъ предъ фрунтомъ арміи поставить походную церковь и многіе другіе шатры для обѣдненныхъ столовъ, посѣтилъ раненыхъ не только Офицеровъ, но и всѣхъ рядовыхъ, благодарилъ ихъ за ревность ихъ къ службѣ и отечеству, изъявлялъ сердечное сожалѣніе свое о ихъ участи, утѣшалъ опаснѣйше раненыхъ, что стараніе лекарей при способствованіи Божія помощи можетъ изцѣлить ихъ; обѣщалъ наградить подвиги ихъ, многихъ раны въ присутствіи его были перевязаны, и таковое состраданіе и милость его къ нимъ были наилучшимъ для нихъ лекарствомъ; они на тотъ часъ забыли свои болѣзни, изъявляли съ радостными слезами благодарность свою къ Его Величеству. Наконецъ Великій Государь, отдавъ приказъ о неусыпномъ стараніи о ихъ излеченіи и содержаніи, въ первомъ часу по полудни пошелъ въ поставленную церковь. Въ присутствіи Его Величества, всѣхъ Генераловъ и Офицеровъ, и можно сказать всея арміи, началось благодарное молебствіе побѣдодавцу Господу. Во время пѣнія «Тебе Бога хвалимъ» произведены изъ артиллеріи и мелкаго ружья всей арміи три залпа, потрясшіе казалось самую землю. Всѣ бывшіе въ церкви паки приносили Монарху поздравленіе и взаимно отъ него были всѣ поздравлены; а Фельдмаршалъ поднесъ Его Величеству рапортъ, сколько взято въ плѣнъ Генераловъ и высшихъ, и нижнихъ чиновниковъ и ря-

довыхъ, и также трофеевъ, и всего прочаго, что могли по краткости времени описать.

Во 2 часу пополудни Великій Государь, въ послѣдованіи всего Генералитета и Штабъ-Офицеровъ, прибылъ въ Царскій шатеръ свой ¹⁾, окруженный поставленными въ строй шестью пѣхотными, тѣми, кои были оставлены въ ретраншементѣ, и шестью-же конными полками, не бывшими-же въ сраженіи, при входѣ въ который стояла на караулѣ гренадерская рота Преображенскаго полка его; полы шатра сего были подобраны. По вшествіи въ оный всѣ его Министры и Двора его господа и знатные служители принесли Его Величеству поздравленіе съ побѣдою.

Монархъ повелѣлъ Князю Меншикову привести въ шатеръ всѣхъ плѣнныхъ Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, и Графа Пипера съ Королевскими Секретарями. Первые изъ ретраншемента, съ ротою Семновскаго полку, а послѣдніе изъ Полтавы, съ ротою Лейбъ-Регимента, въ 3 часу по полудни со всякою честію приведены были къ Шатру Его Величества. Монархъ повелѣлъ по порядку вводить ихъ предъ себя и, стоя у столика безъ шляпы, принималъ ихъ съ весьма ласковымъ видомъ. Они, начавъ съ Графа Пипера, становясь предъ Его Величествомъ на колѣни, подносили ему шпаги свои, которыя по повелѣнію его отъ знатныхъ принималъ Князь Меншиковъ, а отъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ Генералы Репнинъ и Алартъ.

¹⁾ Шатеръ сей былъ присланъ въ даръ Его Величеству отъ Китайскаго Монарха. Онъ былъ изъ богатой Китайской матеріи высокой работы и чрезвычайнаго пространства.

Великій Государь непосредственно за тѣмъ спросилъ у Рейншильда о здравіи Королевскомъ, и сей отвѣтствовалъ, что Король, Государь его, за четверть часа до окончанія баталіи, въ великой болѣзни, поврежденіемъ ноги его причиненной, отбылъ отъ арміи къ Диньпру, поруча оную ему, Фельдмаршалу. Сіе произнесъ онъ со слезами. Чувствительный Монархъ пожаловалъ ему свою шпагу, сказавъ: «Я желаю, чтобъ вы хранили ее у себя въ знакъ почитанія моего къ вашей храбрости и вѣрности къ Государю своему».

Потомъ, что было въ 3 часа по полудни, Великій Государь, обратясь къ Графу Пиперу, къ Рейншильду и ко всѣмъ плѣннымъ Генераламъ и Штабъ-Офицерамъ, сказалъ съ улыбкою: «Вчера братъ мой Карль просилъ васъ въ сей день на обѣдъ въ шатры мои, и хотя онъ не сдержалъ своего Королевскаго слова, но мы сіе выполнимъ, и для того прошу васъ со мною откушать». А дабы ироническое сіе, такъ сказать, привѣтствіе не столько было имъ чувствительно, то повелѣлъ тотъ-же часъ каждому изъ нихъ возвратить ихъ шпаги, которыя они принимая отъ руки его, цѣловали оную.

Монархъ пригласилъ также къ столу своему всѣхъ своихъ Генераловъ и знатныхъ Штабъ-Офицеровъ, а всѣхъ прочихъ и Оберъ-Офицеровъ плѣнныхъ и своихъ повелѣлъ угостить столомъ-же въ другихъ шатрахъ, и потомъ, въ препровожденіи всѣхъ знатныхъ прибывъ въ столовый шатеръ ¹⁾, благоволилъ каждому изъ своихъ

¹⁾ Шатеръ сей, такъ какъ и другіе, сдѣланъ былъ изъ богатыхъ-же Китайскихъ и Персидскихъ матерій, и устланы были Персидскими коврами.

рукъ поднести по рюмкѣ любимой своей водки, называемой *приказною*.

Во время стола при питіи за здравіе Его Величества, всего его Царскаго дома и побѣдоноснаго оружія, продолжалась безпрерывно пушечная пальба (т. XI изд. 2-е стр. 232—236).

Великій Государь занялся отданіемъ послѣдняго долга убитымъ на сраженіи воинамъ своимъ; онъ въ 4 еще часа поутру приказалъ заготовить на самомъ полѣ сраженія двѣ великія могилы, собрать тѣла убитыхъ, и всей арміи около могилъ тѣхъ стать въ строй образомъ каре, и когда все сіе до отправленія еще Князя Меншикова исполнено, тогда Монархъ въ 6 часовъ утра вышелъ на сіе поле, осмотрѣлъ самъ могилы оныя, и въ своемъ присутствіи повелѣлъ въ одну изъ нихъ положить порядочно тѣла офицеровъ, въ другую унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ въ ихъ мундирахъ; потомъ началась всѣми полковыми священниками погребальная панихида. Монархъ самъ соединилъ гласъ свой со гласомъ пѣвчихъ своихъ, но который неоднократно прерываемъ былъ токами слезъ его, извлекавшихъ подобныя-же и изъ очей cadaго видѣвшаго оныя. Отечественная чувствительность Монаршая наконецъ изъявлена была рѣчью его, въ слухъ всѣхъ произнесенною: «Храбрые воины», возгласилъ онъ, «за благочестіе, отечество и родъ свой души своя положившіе! вѣмъ, яко страдальческими вѣнцами вы увѣнчались и у праведнаго подвигоположника Господа дерзновение имате: споспѣшествуйте мнѣ въ праведномъ оружіи моемъ противъ враговъ оте-

чества и благочестія молитвами вашими, да возможемъ въ мирѣ прославлять Бога и ваши подвиги». По сей краткой рѣчи Великій Государь, отдавъ имъ три низкіе поклона, первый началъ своими руками засыпать землю; громы артиллеріи, трикратный бѣглый всей арміи огонь, и печальные тоны полковой музыки заключили погребальный сей обрядъ.

Его Величество однако-же не прежде отошелъ, пока не насыпанъ былъ надъ могилами холмъ, и не водрузилъ на ономъ своими же руками святаго креста, съ надписаніемъ: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, Іюня 27 дня».

Тогда-же Великій Государь издалъ указъ о повсягодномъ и непрерывномъ во вѣки поминовеніи въ день сей памяти ихъ. Въ самый-же сей и послѣдующій день происходило погребеніе и непріятельскихъ тѣлъ, при священномъ-же обрядѣ, отправленномъ чрезъ бывшихъ въ плѣну Реформатскихъ священниковъ. Тѣлъ сихъ въ одну-же могилу, вырытую руками плѣнныхъ погребено 13281. Наконецъ Монархъ повелѣлъ такому-же предать погребенію и тѣ тѣла, которыя найдутся по лѣсамъ и въ отдаленіи, а окружнымъ жителямъ зарыть въ землю убитыхъ лошадей и очистить все поле и лѣса.

Посемъ Великій Государь того-же числа имѣлъ торжественный свой въѣздъ въ городъ Полтаву, въ препровожденіи всѣхъ своихъ Генераловъ, Министровъ и роты гренадерской гвардейскаго полку своего. Монархъ сидѣлъ на той-же лошади, на которой командовалъ во время сраженія, и въ томъ-же Полковничьемъ своемъ мундирѣ.

Полковникъ и Комендантъ, Г. Келлинъ, съ знатнѣйшими градскими чиновниками ожидавшій великаго торжественника у воротъ градскихъ, встрѣтилъ его слѣдующею рѣчью:

«Вниди, храбрѣйшій Александра, милостивѣйшій Веспасіана, премудрѣйшій Соломона, благочестивѣйшій Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ. Маѹсаловыхъ тебѣ лѣтъ житія и Августава обладательства отъ Бога желаемъ».

Великій Государь слушалъ рѣчь сію безъ шляпы, а по окончаніи оной, сошедъ съ коня своего, обнялъ храбраго сего мужа и, неоднократно цѣлуя его въ голову, говорилъ: «почтенная глава, свершившая преславный подвигъ! надежда моя на тебя не обманула меня».

Посемъ, воспедъ паки на коня своего, въѣхалъ въ городъ, и отъ поставленнаго въ строй бывшаго въ осадѣ мужественнаго войска отдана была Его Величеству честь съ ружьемъ, съ барабаннымъ боемъ, играніемъ музыки, пушечною съ крѣпостныхъ валовъ пальбою и съ колокольнымъ во всѣхъ церквахъ звономъ. Весь народъ отъ мала до велика, взирая на избавителя своего, проливалъ радостныя слезы. Великій Государь, проѣхавъ строй, сошелъ паки съ коня своего и шествовалъ въ соборный храмъ, предъ которымъ Протопопъ со всѣмъ духовенствомъ въ лучшемъ облаченіи съ радостными-же слезами срѣтилъ его съ святымъ крестомъ. По вшествіи въ храмъ началось благодарное пѣніе, въ продолженіе котораго, при чтеніи Евангелія, выноса св. креста и при возглашеніи многолѣтія, учинены были изъ всѣхъ крѣпостныхъ пушекъ и мелкаго ружья три залпа.

Посемь отъ духовенства приносимо было Его Величеству поздравленіе съ побѣдою; и Монархъ, взаимно поздравляя ихъ, послѣдовалъ въ сопровожденіи всѣхъ знатнѣйшихъ особъ при радостныхъ кликахъ всего народа на валы крѣпостныя. Комендантъ донесилъ Его Величеству, что пороху у него оставалось только полторы бочки и 8 ящичковъ патроновъ.

Великій Государь любопытственнымъ окомъ осматривалъ валъ; видѣлъ, что оный почти весь изрытъ былъ сапами, ¹⁾ и во многихъ мѣстахъ задѣланъ бревнами изъ разломанныхъ хоромъ; онъ спрашивалъ Г. Келлина объ обстоятельствахъ осады, и сей донесъ съ подробностію всѣ жестокія Шведскіе приступы, вылазки и обороны свои, общую ревность войска и гражданъ и все прочее, какъ-то: сколько съ начала осады въ городѣ было войска, сколько онаго побито, сколько осталось въ живыхъ и сколько есть еще раненыхъ и больныхъ. Наконецъ-же о всемъ семъ поднесъ Его Величеству рапортъ. Великій Государь, осмотря все, благоволилъ посѣтить сихъ раненыхъ и больныхъ. Не можно описать восторга послѣднихъ, при видѣ возлюбленнаго и толико милостиваго къ нимъ Государя, соединившаго свои съ ихъ радостными слезами. Великій Государь, видя добрый порядокъ, въ каковомъ содержались сіи раненые и больные, изъявилъ Коменданту паки чувствительную за сіе благодарность. Сколько-же Монархъ уважилъ храбрую оборону и попеченіе о всемъ сего Коменданта и войска, оное Его Величество доказалъ

¹⁾ Сапа—подземная траншея, которая ведется осаждающими крѣпость.

тогда-же, а именно: изъ Полковниковъ пожаловалъ его въ Генераль-Маіоры, украсилъ золотою цѣпью чрезъ плечо, съ висѣвшею на оной таковою-же большою медалью, и наградилъ десятию тысячами рублей.

Протопопу пожаловалъ сто рублей и какъ ему, такъ и всѣмъ священникамъ на платьѣ шелковыя матеріи, и всѣ граждане вообще уволены на годъ отъ всякихъ поборовъ, служебъ и тягостей. Всѣхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ наградилъ не въ зачетъ годовымъ жалованьемъ; вскорѣ-же посемь мужественныя ихъ груди украсилъ медалями, которыя были офицерскія золотыя, разной величины, изъ которыхъ отличившіеся получили на золотыхъ-же цѣпяхъ, а унтеръ-офицерскія и солдатскія серебряныя. Наконецъ отъ щедря руки его получили жены и дѣти убитыхъ годовыя пенсіи: первыя до смерти своей половинное жалованье мужей своихъ, а послѣдніе до возраста своего третное отцовское.

Посемь Великій Государь благоволилъ у Коменданта, какъ выражается въ одной рукописи, «чѣмъ Богъ послалъ» откушать; за столомъ пилъ здоровье хозяина, войска Полтавскаго и гражданъ при пушечной съ валовъ крѣпостныхъ пальбѣ (т. XI изд. 2-е стр. 233а—237а).

10 числа (Юля 1711 г.) поутру Визирь ¹⁾ далъ всей арміи своей паки повелѣніе насъ атаковать; но янычары ²⁾, минувшимъ огнемъ нашимъ уstraшенные,

¹⁾ Визирь—намѣстникъ или министръ султана; великій визирь—первый министръ, высшій сановникъ Турецкой имперіи.

²⁾ Янычары—отборная турецкая пѣхота.

преслушали, а со всѣхъ только батареѣ своихъ производили по лагерю нашему страшную стрѣльбу, однако-жь безъ большаго вреда.

Въ толико критическомъ положеніи, съ тридцатью осмью тысячами, или еще съ 22 тысячами, какъ то самъ Монархъ послѣ далъ вѣдать, противъ 270,000 непріятелей отважить все благополучіе Имперіи Россійской на генеральную баталію, не имѣя притомъ конницы, было-бъ безразсудно, а стоять, для голода въ провіантъ и въ фуражѣ, было не возможно; но нечего было дѣлать, какъ или побѣдить, или умереть. Въ сей крайности по отправленномъ совѣтѣ того-жь 10 числа разсудили за благо послать письмо съ унтеръ-офицеромъ гвардіи Шепелевымъ къ Визирю отъ Фельдмаршала Шереметева, въ которомъ, напоминая ему Кастріотову отъ имени его Визирскаго присылку и другія предложенія ихъ чрезъ Англію и Голландію о мирѣ, объяснено, что сами Турки, а не Россіане войну начали; что Царское Величество въ грамотахъ своихъ Султану довольно объявилъ о желаніи своемъ содержать прежній миръ; что Россійская армія только для обороны своей въ Турецкія области вступила; и что, если Визирь къ миру склоненъ, то и Фельдмаршалъ отъ того не отречется, и можно нынѣ трактовать о кондиціяхъ мира.

Но какъ весьма было сомнительно, чтобъ Визирь согласился на миръ, имѣя запертую, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ армію нашу, лишнюю способъ къ доставленію провіанта, слѣдственно находившуюся въ крайности, что ему непрестанно и внушали бывшіе тогда при немъ Шведскіе Генералы, того ради, по отправленіи онаго Шепелева, Генералъ-Фельдмаршалъ, вѣдая

мысли Монаршія, собралъ весь Генералитетъ на воинскій совѣтъ и изъяснилъ имъ съ одной стороны угрожаемую опасность, а съ другой должность всѣхъ вѣрно-подданныхъ за Государя, за отечество и за себя, и для своей чести живота не щадить; на который конецъ изготавилъ своеручное предложеніе, подъ коимъ-бы всѣ присутствующіе подписались, слѣдующаго содержанія: «Если непріятель на предложенныхъ ему кондиціяхъ миру не пожелаетъ, а будетъ требовать, чтобъ мы сдалися на discreцію и ружья положили: то идти въ отводъ подлѣ рѣки, то-есть, отступая пробиваться сквозь непріятельскую силу, какъ честнымъ и храбрымъ воинамъ пристойно». Тотчасъ всѣ Генералы съ Фельдмаршаломъ, и Канцлеръ Графъ Головкинъ, единодушно подъ симъ предложеніемъ подписались.

А Монархъ, вслѣдствіе сего и повелѣлъ телѣги во всемъ обозѣ сдвинуть и землю какъ возможно окопать Волохамъ и Казакамъ, дабы, ежели Турки не примутъ мира, возможно было на нихъ идти, оставя въ такой оборонѣ багажъ свой; между тѣмъ отъ Турокъ стрѣльба изъ пушекъ отчасу болѣе съ батареѣ умножалась.

Все сіе взято изъ Журнала Его Величества; но присовокупимъ къ сему важныя обстоятельства, не внесенныя въ Журналь его и подтверждаемыя согласно всѣми, о семъ писавшими. Если великіе люди познаются въ бѣдствіяхъ, то Петръ Великій въ семъ случаѣ превзойдетъ всѣхъ прославленныхъ Исторіею ироевъ. Онъ чувствовалъ во глубинѣ сердца своего ошибку свою, что зашелъ въ толь отдаленную страну безъ провіанта, положась въ томъ на увѣреніе низкой души предателя Бранкована; видѣлъ, что пресѣчены пути къ добытію

провіанта и фуража, коихъ почти уже ничего не оставалось; рѣшился въ сей крайности пробиться сквозь всю ужасную силу непріятельскую, и или побѣдить, или со славою умереть. И такъ призываетъ къ себѣ всѣхъ своихъ Генераловъ и даетъ имъ голосомъ твердымъ и видомъ надежды исполненнымъ повелѣніе заготовиться къ утру атаковать непріятеля; а самъ, оставшись въ шатрѣ своемъ, далъ приказъ часовымъ никого къ себѣ не впускать ту ночь. Генералы, какъ видѣли мы, уже то же самое между собою опредѣлившіе, приготовились къ оному.

Царица Екатерина Алексѣевна, увѣдомясь о намѣреніи Государевомъ, почла оное сколько за отчаянное, столько и за опасное; тотчасъ собрала она военный совѣтъ, въ которомъ представила она, чтобъ учинить Туркамъ предложеніе о мирѣ. Всѣ согласились съ Ея Величествомъ, и надобно было о семъ объявить Монарху и истребовать на то соизволенія его. Но кто могъ осмѣлиться преступить указъ его, запрещающій каждому, кто-бъ ни былъ, входить къ нему тоя ночи? И кто могъ предложить ему, чтобъ потребовать у клятвопреступныхъ и кичливыхъ варваровъ мира? Государыня, зная, колико она власти имѣетъ надъ сердцемъ дражайшаго Государя и супруга, вошла въ палатку его и, падши къ ногамъ, представила ему обо всей опасности предпріятого имъ толь живо, что Монархъ, не меньше отъ причинъ, сколь и отъ слезъ ея бывъ тронутъ, согласился на предложеніе ея и приказалъ написать къ Визирю, что «Царь Государь его никогда не имѣлъ намѣренія воевать противъ Порты Оттоманской, но принужденъ былъ только обороняться; а что вступилъ онъ въ границы Турецкія,

тому причиною Государь Бранкованъ, который его призвалъ туда съ обѣщаніемъ отдать себя и все Княжество свое: того ради Царское Величество, въ отвращеніе дальняго съ обѣихъ сторонъ кровопролитія, имѣетъ склонность вступить въ мирные договоры», и прочее, какъ то мы видѣли выше.

Съ симъ письмомъ помянутый унтеръ-офицеръ посланъ; а Монархиня, дабы сильнѣе воздѣйствовать могло такое предложеніе, собрала всѣ свои вещи и деньги и тайно отъ Государя послала въ подарокъ Визирю и его намѣстнику (Кегаѣ).

Мы также видѣли, что въ ожиданіи отвѣта Визирскаго велѣно укрѣпить лагерь телѣгами и землею, и обезопася его отъ вторженія конницы Татарской, быть арміи готовой къ выходу изъ онаго. И такъ, когда на посланное то письмо отвѣтъ замѣшкался, то паки послалъ Монархъ къ Визирю сказать, чтобъ далъ отвѣтъ скорѣе, хочеть-ли онъ мира, или нѣтъ, ибо болѣе они ждать не могутъ. Но, когда и на сіе вторичное требованіе отвѣтъ замѣшкался, тогда Великій Государь вывелъ свои полки; но лишь только нѣсколько десятковъ сажень отошли, какъ и прислано отъ Визиря сказать, чтобъ не трогались, ибо онъ миръ пріемлетъ; и для того уняли-бъ оружіе и прислали полномочныхъ, съ кѣмъ-бы трактовать о мирѣ. И такъ съ обѣихъ сторонъ умолкло оружіе, и трактовать о мирѣ посланъ къ Визирю Подканцлеръ Баронъ Шафировъ.

Крайность, въ каковой находилась тогда армія наша, не допускала ироя нашего и помыслить, чтобъ Визирь, надменный успѣхами и наговариваемый отъ Понятовскаго, не потребовалъ обратной отдачи какъ къ Портѣ,

такъ и къ Швеціи всѣхъ завоеванныхъ у той и другой городовъ и земель. Своенравному счастью надобно умѣть уступать; а того ради Монархъ и предписалъ въ данномъ Барону Шафирову наказъ отдать Туркамъ все, у нихъ завоеванное по Дону, и по Днѣпру, а по нуждѣ согласиться на отдачу и Шведамъ всего-же, кромѣ одной только Ингрии; въ случаѣ-же крайней упорности Визирской о Ингрии, отдать за оную хотя Псковъ или другую какую провинцію, точію-бы удержать оную. Но Визирь мыслить совсѣмъ иначе: онъ самъ желалъ мира сего, можетъ-быть, не меньше. Устрашеніе Янычаровъ и оказанное уже ими преслушаніе его крайне безпокоило, а сего ради и не оказалъ неумѣренности въ требованіяхъ своихъ. Князь Кантемиръ, бывшій тогда при Россійской арміи, говоритъ, что, когда въ четвертый сраженія день предложено было о мирѣ, Турки охотно на оный согласились, по причинѣ раздающихся по всему ихъ лагерю жалобъ, ибо съ превеликимъ урономъ прогоняемые во всѣ нападенія свои Янычары не могли взирать безъ содроганія на траншеи Россіянъ, предавшихъ смерти толь великое ихъ число.

Сей-то страхъ, а не подарки, какъ нѣкоторые историки утверждаютъ, преклонилъ Визиря на миръ, который 12 числа и заключенъ былъ на слѣдующихъ кондиціяхъ: 1) Завоеванный отъ Порты городъ Азовъ, вывезя изъ онаго артиллерию и аммуницію и все, что ни было въ немъ Россійскаго, возвратитъ въ такомъ состояніи, въ коемъ мы его по завоеваніи отъ Турокъ получили; 2) построенныя на завоеванныхъ въ послѣднюю войну земляхъ Турецкихъ, на берегу Азовскаго моря и по Днѣпру до Самары, крѣпости съ Таганрогскою га-

ванью разорить; 3) Шведскому Королю свободный проѣздъ въ Швецію дозволить и, не продолжая времени, его изъ Турецкихъ земель отпустить; 4) изъ Польши войска Россійскія вывезть, и въ Польскія дѣла какъ съ Россійской, такъ и съ Турецкой сторонъ не вступаться, и земель Польскихъ ни которой сторонѣ не присвоивать. При томъ-же оставлено право Татарамъ защищеніе измѣнниковъ Запорожцевъ и Казаковъ. Трактатъ сей подписалъ Визирь, а другой въ равной тому силѣ подписали Подканцлеръ Баронъ Петръ Давловичъ Шафировъ и Генераль-Маіоръ Михайло Борисовичъ Шереметевъ. Визирь, изъ уваженія къ Фельдмаршалу, неотступно требовалъ, чтобъ сынъ его подписался, и чтобъ онъ-же съ Барономъ Шафировымъ остались въ обозѣ его залогамъ до исполненія постановленнаго въ трактатѣ; и хотя на сіе послѣднее, такъ какъ и на оставленіе въ волю Татарамъ измѣнниковъ своихъ Казаковъ, весьма не хотѣлъ склониться Монархъ, но недостатокъ въ пропитаніи принудилъ его наконецъ и на сіе позволить (т. IV изд. 2-е стр. 253—259).

Извѣстно, что ничего на свѣтѣ безъ Промысла Божественнаго не дѣлается, и что жребій смертныхъ управляется Творцомъ ихъ; вся жизнь Великаго сего Монарха, отъ самаго дѣтства его, сему служить доказательствомъ. Мы ошутительно почти видимъ осѣняющее его Божіе покровительство, и что Онъ во всѣхъ путяхъ былъ его руководителемъ. Но когда при всемъ сему Монархъ могъ обмануться, положась на увѣренія душъ подлыхъ, и ввелъ себя со всѣмъ воинствомъ своимъ въ

толь великое бѣдствіе, то не можемъ-ли же изъ сего усмотрѣть, что сей самъ Божественный Промыслъ попустилъ сему, такъ сказать, злату въ горнилѣ самаго величайшаго бѣдствія быть искушенну, да яснѣе откроетъ свѣту его духа великость и безпредѣльную къ отечеству любовь? И по истинѣ не были еще въ толико блистательномъ видѣ сіи великой души его свойства открыты, какъ въ семъ бѣдственнѣйшемъ состояніи. Но представьте же себѣ паки, читатели, сіе его состояніе: ему предстоялъ тогда подвигъ, превосходящій силы человѣческія, то-есть, съ тридцатью восемью, или еще съ двадцатью двумя тысячами солдатъ своихъ побѣдить войско, въ двухъ стахъ семидесяти тысячахъ состоящее, и вооруженное 444 пушками, которыхъ у него не было и ста. Но всѣ сіи страшныя неравности наградила бы сугубо храбрость привыкшихъ къ побѣдамъ войскъ его; но сіи неустрашимые побѣдители храбрыхъ Шведовъ, презирающіе Турковъ и любовью къ нему пламенѣющіе воины, были безъ хлѣба, котораго они уже многіе дни не видали, были утомлены толь далекимъ и безотдохновеннымъ походомъ и непрестанными сраженіями, да и самымъ тамошнимъ климатомъ; а напротивъ непріятельское войско находилось въ нѣдрахъ своего отечества, не изнуженное и всѣмъ обилующее; и слѣдственно Монарху съ такимъ воинствомъ побѣдить толикими преимуществами снабденное и окураженное войско было бы чудо. И такъ предстояла предъ очами его смерть, нанесшая уже косу свою, дабы однимъ ударомъ сразить его, полководцевъ его и все рожденное имъ воинство; а съ другой стороны воображенію его живѣйше тогда представлялась

дражайшая его Россія, для блага которой онъ жертвовалъ всегда самимъ собою; но воздвигнутое имъ въ ней великолѣпное зданіе благоустройства и просвѣщенія, не совсѣмъ еще довершенное, смертію его можетъ вдругъ быть низпровергнуто, и любезные его подданные паки погрузятся въ прежнюю мрачность.

Что жъ въ семъ отчаянномъ по истинѣ состояніи сія великая душа предприимлетъ? Онъ, возложась на помощь Божію, предприимлетъ съ ослабѣвшимъ и малымъ воинствомъ своимъ разбить страшную непріятельскую силу; и буде не угодно будетъ Господу благословить желаемымъ исполненіемъ сіе предприятие, то съ мечомъ въ рукахъ умереть, а не отдаться на произволь клятвопреступныхъ варваровъ; и, тако утвердися, удалился въ шатеръ и написалъ въ Сенатъ свое слѣдующее письмо: «Извѣщаю вамъ, что я со всѣмъ своимъ войскомъ безъ вины или погрѣшности нашей, но единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ въ семь кратъ сильнѣйшею Турецкою силою такъ окруженъ, что всѣ пути къ полученію провіанта пресѣчены, и что я безъ особливья Божія помощи ничего инаго предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія, или что я впаду въ Турецкой плѣнъ. Если случится сіе послѣднее, то вы не должны меня почитать своимъ Царемъ и Государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелѣнію отъ васъ было требуемо, покамѣстъ я самъ не явлюся между вами въ лицѣ моемъ; но, если я погибну и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники».

Не безпредѣльная ли и не имѣющая примѣра любовь къ отечеству? И не доказываетъ ли и одно письмо сіе, что никогда не было ему равнаго? И наконецъ, не ошутительное ли существующаго и все строящаго Промысла Божія доказательство?

Сіе письмо запечатавъ и подписавъ «въ Сенатъ», призвавъ къ себѣ одного изъ вѣрнѣйшихъ офицеровъ, спрашивалъ его: можетъ ли онъ самъ на себя понадѣяться, что пройдетъ сквозь Турецкую армію и доставитъ письмо въ Сенатъ его? Офицеръ, которому всѣ дороги и проходы были извѣстны, увѣрилъ въ томъ Его Величество. Тогда Монархъ, отдавая ему оное, поцѣловавъ его, сказалъ: *ступай съ Богомъ!*

Такимъ образомъ Великій Государь, исполняя главнѣйшее дѣло, которое паче всего его обременяло, повелѣлъ Генераламъ своимъ готовиться къ утру къ сраженію съ непріятелемъ; а между тѣмъ, какъ то мы видѣли, по прошенію великой Супруги своей, повелѣлъ увѣдомить Визиря о склонности своей къ миру, и съ тѣмъ, что если не будетъ оной принять, то рѣшитъ судьбу мечъ его.

Устрашенный Визирь и Янычары минувшими пораженіями своими согласились принять лучше миръ, нежели испытать отчаяніемъ паче усугубиться еще большее мужество Россіянъ. Но сколь однако же ни величайшую имѣлъ Монархъ нужду въ мирѣ, но когда увидѣлъ между мирными статьяи одну, чтобъ выданъ былъ имъ Волошскій Господарь Кантемиръ, тогда никакими бѣдствіями непобѣждаемый духъ великаго сего ироя отвергъ таковое требованіе, сказавъ: «Я лучше оставляю Туркамъ землю, простирающуюся до Курска,

уступивъ оную; надежда мнѣ остается паки ее возвратить: но нарушеніе даннаго слова не возвратно. Я не могу онаго преступить и предать князя, оставившаго свое владѣніе изъ любви ко Мнѣ. Мы ничего не имѣемъ собственнаго, кромѣ чести. Отступить отъ нея, есть перестать быть Государемъ».

Таковъ то былъ ирой нашъ!—Турки, симъ неожиданнымъ отвѣтомъ паче еще устрашившись, сколь они въ счастливыхъ случаяхъ ни упрямы, тотчасъ повинились и отъ требованія того отступили (т. IV, изд. 2-е, стр. 264—267).

Султанъ объявилъ Его Шведскому Величеству, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Оттоманской области. Но упорство сего несчастнаго ироя, говоритъ писатель исторіи его, уничтожило всю надежду къ поправленію горестной его судьбины, и чрезмѣрное желаніе къ произведенію въ дѣйство предпринятыхъ имъ дѣлъ, сдѣлалось причиною къ вѣщшимъ несчастіямъ и совершенному паденію его владѣнія. Обнадеживаніе Великаго Визиря, заключившаго подъ Прутомъ съ Россією миръ, что онъ намѣренъ открыть ему путь въ его Королевство чрезъ Польшу и Москву помощію ста тысячъ Турокъ и Татаръ, никогда у него изъ головы не выходило, и онъ не хотѣлъ оставить Турцію, пока не получитъ толь сильнаго прикрытія; ибо почиталъ сіе самымъ лучшимъ средствомъ къ исполненію всѣхъ своихъ желаній. И по сему старался онъ изыскивать разныя отговорки къ отложенію вдаль своего отъѣзда, говоря, что даемое ему прикрытіе не въ состояніи защититъ его отъ Россіянъ; и хотя его всячески обнадеживали, что ника-

кихъ не можетъ быть въ пути его опасностей и что будутъ ему вездѣ воздавать пристойную честь; но понеже всѣ таковыя предложенія, яко несоотвѣтствующія его намѣренію, ему скучили; то, дабы заставить Турокъ говорить себѣ иное, потребовалъ онъ еще тысячи мѣшковъ денегъ, хотя и получилъ онъ не задолго предъ тѣмъ требуемую имъ знатную сумму.

Таковое неожиданное предложеніе привело Султана въ гнѣвъ; онъ, объявляя его недостойнымъ оказаннаго ему гостепріимства, повелѣлъ принудить его къ отъѣзду силою. Сіе повелѣніе Султанское долженъ былъ объявить ему Бендерскій Сераскерь ¹⁾. Онъ, пришедъ къ нему, старался склонить къ сему Короля ласкою и просилъ его назначить день отъѣзда своего; но какъ Король не хотѣлъ выѣхать, то Сераскерь объявилъ ему, что имѣетъ повелѣніе принудить его къ сему силою, на что Король весьма равнодушно отвѣчалъ: что онъ можетъ исполнять повелѣніе своего Государя, какъ должно вѣрному рабу, а потомъ обратился къ нему спиною. Ближніе его пришли въ великое смущеніе отъ могущихъ произойти изъ сего упорства печальныхъ слѣдствій; но Король, ни мало тѣмъ не безпокоясь, ѣздилъ ежедневно по два раза прогуливаться, игралъ въ шашки, разговаривалъ съ своими Генералами и читалъ книги. Я не надѣюсь наскучить читателю описаніемъ послѣдовавшей за симъ трагедіи; да и описаніе сіе изобразить намъ яснѣе, нежели все другое, характеръ сего соперника Петрова; и мы уже не столько послѣ сего удивляться будемъ тому, что онъ и въ са-

¹⁾ Сераскерь—главнокомандующій.

мыхъ даже крайностяхъ своихъ отвергалъ всѣ предлагаемыя ему отъ Россійскаго Монарха къ миру кондичіи, хотя и были оныя самыя умѣреннѣйшія, и также учиненныя ему отъ Франціи, Англіи и отъ Цесаря мирныя посредствія, и даже просьбы, дабы онъ благоволилъ прислать Министровъ своихъ на съѣздъ въ Бруншвигъ, ради примиренія съ Государями, противъ его воюющими, и что наконецъ смотрѣлъ онъ равнодушно на отбираемые какъ въ Лифляндіи, Финляндіи, такъ и въ Германіи города его и земли.

Мы займемъ описаніе сего непонятнаго по истинѣ упорства его и всего происшествія изъ упомянутой исторіи его. Оно столь странно, что, какъ говорить о семъ аббатѣ Милотѣ, если-бы въ дѣйствительности онаго сомнѣваться было можно, то должно-бы почестъ оное за какое-нибудь приключеніе славнаго Испанскаго Рыцаря Донъ-Кихота, какъ то слѣдуетъ:

За объявленіемъ ему Султанскаго повелѣнія скоро приблизился Ханъ съ Татарами и Сераскерь съ Янычарами и Спагами ¹⁾, въ числѣ 12,000 человекъ; они обступили станъ Королевскій, и сначала думали они принудить его къ сдачѣ лишеніемъ даемыхъ ему ежедневно съѣстныхъ припасовъ и корму лошадямъ, но Король въ глазахъ ихъ велѣлъ перестрѣлять подаренныхъ ему отъ Султана прекрасныхъ Арабскихъ лошадей, а потомъ началъ пріуготовляться къ оборонѣ. Онъ приказалъ дѣлать укрѣпленія и проводить линіи отъ одного дома къ другому, изъ коихъ его домъ былъ болѣе другихъ укрѣпленъ и походилъ на крѣпостцу;

¹⁾ *Спани*—легкая кавалерія въ Турціи.

потомъ разставилъ по мѣстамъ малое свое войско; но какъ было оное весьма малоллюдно, то должны были и статскіе его служители принять оружіе. И такъ статскій его Секретарь Миллеръ предводительствовалъ Секретарями и приказными служителями, а Маршалъ Дибенъ Гофъюнкерами; но Баронъ Фабрицій, видя сіи пріуготовленія, тотчасъ отправился къ Англійскому Министру Еффею; просилъ его, соединясь съ нимъ, быть посредникомъ въ договорѣ; они оба поѣхали къ Сераскеру и Хану, и представили себя посредниками между ими и Королемъ. Ханъ и Сераскеръ приняли то съ радостію, но требовали однако-жъ, чтобъ Король непременно изъ Турціи выѣхалъ.

Фабрицій послѣ сего пріѣхалъ къ Королю, который его спросилъ: какія привезъ онъ новости? Сей, не обвиняясь, объявилъ ему о намѣреніи Турокъ, что хотятъ его силою принудить къ отъѣзду. Не осмѣляясь, сказалъ Король, сего учинить; и онъ ничего не боится и на все готовъ отважиться; да и выговаривалъ еще за его стараніе. Гротузенъ, который болѣе всѣхъ зналъ свойства сего Государя, увѣрялъ Барона, что всѣ его труды напрасны, и что Карлъ предпринялъ произвести въ дѣйство дѣло невѣроятное. Фабрицій паки поѣхалъ къ Туркамъ, которые собрались въ домѣ Сераскера и ожидали съ нетерпѣливостію отвѣта Королевскаго. Баронъ употребилъ все свое искусство, чтобъ объявить отвѣтъ Королевскій какъ можно мягче; онъ сказалъ, что надъ Шведскимъ Королемъ ни одна страсть толикой не имѣетъ власти, какъ честолюбіе, и что тогда только его уговорить можно, когда учинять ему предложеніе имѣть переговоры съ Канцлеромъ его, Милле-

ромъ. Турки и на сіе согласились, и Король то позволилъ; однако-жъ оный кончился ничѣмъ, ибо Король упорно стоялъ въ своемъ намѣреніи. Огорченные Турки имѣли послѣ сего совѣтъ и опредѣлили исполнить Султанское повелѣніе; но Фабрицій, тогда-же къ нимъ прибывшій, твердымъ голосомъ сказалъ имъ, что Король охотнѣе умретъ со всѣми своими людьми, нежели сдаться. Сіе имѣло такое дѣйствіе, что въ совѣтѣ ихъ положено увѣдомить Султана и истребовать отъ него, должно-ли подвергнуть Короля и всѣхъ людей его опасности лишиться жизни; ибо-де сего непременно должно ожидать отъ его обороны. Фабрицій, донеся сіе Королю, умолялъ его съ крайнею ревностію согласиться къ отъѣзду и представлялъ ту опасность, которой онъ себя подвергаетъ; но въ отвѣтъ получилъ только, что онъ ничему не вѣритъ и почитаетъ все мечтою. Султанъ удивился таковому упрямству незваннаго сего гостя и повелѣлъ принудить Короля силою выѣхать, какимъ-бы то образомъ ни было, и угрожалъ Хану и Пашѣ смертію, когда они въ скорости не исполняютъ сего повелѣнія.

Фабрицій далъ о семъ знать Карлу, но, видя и въ семъ случаѣ то-же его упорство, вышелъ изъ терпѣнія, сказалъ: «Быть такъ, Государь! Когда Ваше Величество не изволите слушать того, что вамъ повелѣваетъ законъ, разумъ и собственная ваша честь, то мнѣ здѣсь нечего уже дѣлать, я отъѣзжаю». Король, ни мало на сіе не огорчася, отвѣтилъ: «Теперь не время сердиться и браниться»; и потомъ весьма милостиво пожалъ его руку.

Между-тѣмъ, два старые Янычарскіе офицера, Мирза и Ага, которые любили сего Государя и были ему

благодарны за его щедрость, велѣли о себѣ доложить Королю; они были введены къ нему и съ великою учтивостію спрашивали о его намѣреніи; но Король съ грубостію отвѣчалъ, что будетъ слѣдовать предпріятымъ своимъ намѣреніямъ. Нечего было дѣлать! Приступила Турецкая и Татарская сила, однако-жъ еще послали Агу объявить сему странному Государю, что все къ нападенію на него изготовлено; но Король не велѣлъ и впустить его къ себѣ, а приказалъ только сказать, что и онъ готовъ къ оборонѣ; но Гротузенъ, не сказавъ Королю, тотъ-же часъ поѣхалъ къ Хану и Сераскеру. Ханъ спросилъ, увидя его: скоро-ли Король поѣдетъ?—Ничего болѣе не желаетъ мой Государь, какъ отъѣзда!—Но когда?—спросилъ паки Ханъ.—Такъ скоро, какъ изготовится; что можетъ въ три дня сдѣлаться. Ханъ съ горячностію отвѣчалъ:—сіе теперь-же должно быть исполнено! ибо вы, продолжалъ онъ, многократно уже такъ обѣщали. Сей Шведскій Генераль, при повелительномъ голосѣ, вышедъ изъ терѣннѣя, спросилъ его: за кого онъ почитаетъ Короля Шведскаго? Или думаетъ, что онъ тотъ, который его устрасится и который придетъ цѣловать у него туфель? Пришедшій въ ярость Ханъ повелѣлъ палить изъ пушекъ; а Гротузенъ, проѣзжая къ Королю между Янычаровъ, говорилъ имъ на Турецкомъ языкѣ: «я удивляюсь, видя васъ вооруженныхъ противъ наилучшихъ вашихъ пріятелей, противу самыхъ тѣхъ, которыхъ вы часто называли своими братьями; вы согласились заключить миръ съ Русскими, а своимъ братьямъ не хотите дать на три дня отсрочки». Сія рѣчь и брошенная имъ деньги произвели такое дѣйствіе, что Янычара, полу-

чившіе повелѣніе напасть на Шведскія укрѣпленія, оборотились спинами и закричали: сего дѣлать не должно! И прибѣжавъ къ палаткамъ Хана и Сераскера, говорили, что это повелѣніе было ложное. Сіи предводители, на другой день приказавъ всѣмъ ихъ офицерамъ быть къ себѣ, показали имъ Султанскій указъ, и просили ихъ уговорить Шведскаго Короля, чтобъ выѣхалъ, не доводя себя до крайности. Пятьдесятъ Янычарскихъ офицеровъ отправились въ станъ Королевскій, имѣя каждый въ рукахъ по жезлу, миръ означающему. Но Король, не допустя ихъ до себя, выслалъ къ нимъ Генерала своего Гердта сказать: если они въ скорости не отойдутъ, то велитъ имъ отрѣзать бороды. Кому извѣстенъ обычай Восточныхъ народовъ, тотъ знаетъ, что сія есть наивеличайшая обида; они и все войско, услышавъ сіе, воскипѣли гнѣвомъ и осадили станъ Королевскій. Карль XII вездѣ присутствовалъ съ малымъ числомъ своихъ офицеровъ; онъ ихъ ободрялъ и повелѣвалъ не уступать мѣста; но тѣ, которые находились въ линіяхъ, не могли противиться множеству, отдались плѣнными. Король, увидя сіе, поспѣшилъ къ своему дому, дабы защитить оный отъ непріятелей. Тутъ окружило его толикое множество Янычаръ, что едва могъ сквозь ихъ пробиться; онъ рубилъ и колоть всѣхъ противляющихся ему, и, доѣхавъ до дверей, соскочивъ съ лошади, упалъ на землю; и одинъ раненый имъ Янычаръ выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета; пуля задѣла его по носу, по уху и опалила брови. Однако-же вошелъ онъ въ домъ, но удивился, нашедъ въ ономъ вмѣсто ста человекъ, которыхъ онъ въ немъ оставилъ, только 23. Онъ, ободривъ сіе малое число,

приказалъ отворить двери въ первую горницу, которую увидѣлъ наполненную Янычарами, напалъ на нихъ, рубилъ ихъ и кололъ, и принудилъ ихъ повыскакать изъ окошекъ; но, отворя двери въ большую залу, гдѣ триста Янычаръ грабили его серебряную посуду, напалъ и на сихъ съ яростію. Онъ закололъ изъ нихъ двухъ и одного ранилъ; но сей послѣдній разсѣкъ Королевскую шляпу и конечно-бы разрубилъ голову, если-бы Король не схватилъ лѣвою рукою за саблю, при чемъ легко и себя поранилъ; но словомъ, онъ выгналъ Янычаръ изъ залы и овладѣлъ паки всѣмъ домомъ.

Послѣ сего Турки стали палить изъ пушекъ по его дому и изъ ружей въ окошки онаго; но Король съ бывшими при немъ перестрѣлялъ ихъ изъ окошекъ до 200 человекъ, кромѣ раненыхъ; наконецъ калеными бомбами и пущенными съ горючими матеріями стрѣлами зажгли крышку дома его; весь домъ обнялся пламенемъ, и цѣлыя уже горящія бревны падали на осажденныхъ; но Король все пренебрегалъ; и какъ окружающіе его просили, чтобъ онъ, по-крайней-мѣрѣ, не принесъ себя въ жертву пламени, сказалъ: «пока не стануть горѣть ваши платья, то еще нѣтъ до тѣхъ поръ никакой опасности». Наконецъ опасались, что всѣ они подъ упавшимъ потолкомъ погребены будутъ; однако-жъ никакія представленія конечно были-бы не сильны принудить его выйти, если-бы драбантъ Аксель-Розень не сказалъ ему, что лучше умереть между неприятелями со шпагою, нежели въ огнѣ безъ всякой обороны. Предложеніе о новомъ сраженіи гораздо болѣе имѣло силы, нежели все краснорѣчіе и опасность.

Король послѣдовалъ тотчасъ сему совѣту; онъ сдѣлалъ изъ оставшихся у него людей нѣкоторый родъ баталіона каре и первый вышелъ изъ дому съ обнаженною шпагою. Тутъ во множествѣ бросились на него Янычара и, едва возмогли его обезоружить, окружили и, взявши его за руки, привели въ палатку къ Сераскеру. Начальникъ сей принялъ его съ великимъ почтеніемъ, но онъ его оттолкнулъ отъ себя съ презрѣніемъ. По семъ отведенъ онъ былъ въ Бендеры, и данъ ему въ дому Сераскера лучшій покой. Фабрицій посѣтилъ его на другой день по заключеніи; онъ былъ въ сапогахъ и имѣлъ на себѣ окровавленный и изодранный мундиръ. Король принялъ его съ такимъ веселымъ видомъ, будто-бы имѣлъ онъ въ своей власти всѣхъ Турокъ и Татаръ. Фабрицій поздравилъ его съ избѣжаніемъ предстоящей ему опасности; но Король, усмѣхнувшись, сказалъ: что опасность въ самомъ дѣлѣ не такъ была велика, какъ они сперва о ней думали.

Сіе повѣствованіе иностраннаго писателя разнится съ извѣстіями, у насъ находящимися, почти только въ одномъ послѣднемъ, то-есть, что будто былъ Король послѣ сей печальной для него трагедіи веселъ и покоенъ. Графъ Салъга, Староста Бобруйскій, бывший въ то время при Королѣ, заключаетъ описаніе о сей акціи такъ: всѣ Шведы здѣсь безъ ружья задержаны, и Король самъ, для своей немощи, которая отъ ярости и печали приключилась, на тюфякѣ и безъ шпаги въ телѣгѣ повезенъ, и свита его. Онъ отвезенъ былъ въ Адрианополь, и сперва посаженъ былъ въ замокъ Демотику, а потомъ, по ходатайству Посла Французскаго,

преведенъ былъ по близости Адрианополя въ деревню Демирташъ.

На помянутой Бендерской акціи, при взятіи перваго только окопа Шведскаго, побито Турокъ и Татаръ болѣе 300; а всего, утверждаютъ, погибло ихъ до 600 человекъ. Всѣ бывшіе при Королѣ на тотъ разъ взяты яко плѣнники, но послѣ паки освобождены.

Снисхожденіе, сдѣланное, по просьбѣ Посла Французскаго, Королю Шведскому, преселеніемъ его въ помянутое село, говоритъ писатель Исторіи Петра Великаго, было въ надѣяніи, что чрезъ того-же Посла возможно будетъ склонить Короля сего къ выѣзду изъ Турецкихъ земель, но все то было напрасно. Карль XII пренебрегъ всѣ претерпѣнныя безчестія, раны и побои, которые онъ на помянутой получилъ акціи, и отъ прежняго намѣренія своего отстать отнюдь не хотѣлъ, но продолженіемъ пребыванія своего тамъ надѣялся получить все имъ намѣренное.

Великій Россійскій Монархъ всегда былъ извѣщаемъ о состояніи сего соперника своего и, удивляясь непонятному его упорству, сожалѣлъ, что онъ не знаетъ, какъ себѣ пособить въ несчастіи и съ благоразуміемъ употребить въ свою пользу время и обстоятельства, дабы избавиться отъ бѣдствій. Онъ говаривалъ иногда о семъ Королѣ, что онъ опасается, чтобъ его братъ Карль не получилъ наконецъ отъ Турковъ тѣмъ худшаго отказа, чѣмъ болѣе упорствуетъ жить у нихъ.

Когда-же получилъ Великій Государь о послѣднемъ происшествіи при Варницѣ извѣстіе, что случилось во время стола, когда онъ съ своими знатными обѣдалъ, то прочитавъ сіе письмо, съ ужасомъ пере-

сказалъ сидѣвшимъ за столомъ о случившемся съ нимъ; сколь неистово поступилъ онъ съ Турками, бывшими доселѣ его благодѣтелями, у коихъ однихъ нашелъ онъ покровительство и пользовался онымъ болѣе четырехъ лѣтъ, и, вздохнувъ, произнесъ слѣдующія слова: «Теперь вижу я, что Богъ его оставилъ, когда уже онъ противу послѣднихъ своихъ пріятелей и друзей возстаетъ и такъ неистовствуетъ» (т. V изд. 2-е стр. 142--152).

Великій Государь, ничего такъ не желая, какъ постояннаго мира, весьма сожалѣлъ, что Имперскій съѣздъ въ Бруншвигѣ, за непостижимымъ соперника его упрямствомъ, остается въ бездѣйствіи, и увидѣлъ, что къ полученію желаемаго имъ мира нѣтъ инаго средства, какъ только принудить онаго оружіемъ. Вслѣдствіе чего и распорядилъ всѣ мѣры къ будущей кампаніи въ Финляндіи и въ Богническомъ заливѣ. Онъ повелѣлъ съ большимъ поспѣшеніемъ продолжать работы корабельныя, поощряя къ тому не только своимъ присутствіемъ, но и рукъ своихъ пособіемъ; и мы увидимъ, что къ началу весны выведетъ онъ въ море страшный флотъ, въ числѣ котораго однихъ новыхъ галеръ окажется до шестидесяти. Но, между тѣмъ, Великій Государь, не желая пролитія крови непріятелей, разослалъ манифесты свои по Швеціи, коими объявлялъ всѣмъ подданнымъ Шведскимъ истинную свою склонность къ миру и, увѣщавая ихъ къ оному, присовокупилъ наконецъ, что если такое его миролюбное объявленіе никакого въ Швеціи не возымѣетъ дѣйствія, и потому Государству ихъ на-

несетя новое бѣдствіе, то сіе его объявленіе послужитъ для него предъ Богомъ и предъ всѣмъ свѣтомъ къ оправданію.

Подданные Королевства Шведскаго, видя, что Россіяне не только Лифляндію и другія провинці ихъ, но и приморскіе города Финляндіи завоевали, и приближаются уже къ самымъ берегамъ Стокгольмскимъ; а предложеніе отъ Россійскаго Монарха о мирѣ и въ непринятіи онаго угрозы его привели ихъ въ крайнее смущеніе, и въ Стокгольмѣ едва уже не открылся явный бунтъ, который хотя и утишился, однако Сенатъ, по силѣ учиненнаго ему отъ мѣщанства предложенія, да и ради многихъ другихъ причинъ, принужденъ былъ просить сестру Королевскую Улрику Елеонору, чтобъ она благоволила присутствовать въ Сенатѣ и важностию своею удержала подданныхъ въ спокойствіи и повиновеніи.

Принцесса, которая видѣла всю настоящую опасность Государства, согласилась на требованіе Сената, и съ общаго совѣта заключила вступить съ Россіею въ мирные договоры; и для того потребовали отъ Россійскаго Монарха для назначеннаго ко Двору его офицера паспорта; а 14 числа Декабря Принцесса назначила быть и Государственному съѣзду для трактованія о мирѣ, чего и вся Швеція требовала. Но Король Шведскій, коль скоро былъ о томъ увѣдомленъ, прислалъ Сенату жестокой выговоръ и указъ, дабы онъ отнюдь не дерзалъ вступать ни съ кѣмъ въ мирные договоры, а тѣмъ меньше чинить собранія чиновъ. Онъ помѣстилъ между прочимъ въ семь указѣ своемъ сіи слова: *что для начальствованія надъ нимъ прилетѣ одинъ изъ са-*

поговѣ своихъ; а симъ указомъ не только помянутое предпріятіе, но и самыя мысли о томъ преданы глубоко молчанію. (т. V изд. 2-е стр. 203—204).

Въ первые годы царствованія сего Великаго Государя хотя уже великое число церковныхъ книгъ на Россійскомъ языкѣ и даже цѣлыя творенія знатнѣйшихъ церковныхъ учителей переведены съ Греческаго и Латинскаго на Словено-Россійскій языкъ, лѣтописей же Нестора, Никона и другихъ книгъ, касающихся до древней Россійской Исторіи, какъ то разрядной и прочихъ, сокрывалось множество списковъ въ монастыряхъ и частныхъ и придворной библіотекахъ, которыя были извлечены Его Величествомъ, такъ сказать, изъ-подъ спуда; но книгъ, до наукъ и художествъ касающихся, не было вовсе на Россійскомъ языкѣ печатныхъ. Монархъ тотчасъ усмотрѣлъ недостатокъ сей и старался тѣмъ ревностиѣ отвратить оный, чѣмъ болѣе находилъ, сколь необходимо полезно для его народа знаніе нужнѣйшихъ и намѣренію его соотвѣтствующихъ наукъ и художествъ. Нужда заставила его образовать изъ своихъ хорошихъ сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ артиллеристовъ и инженеровъ во время самой жестокой войны, которую онъ долженъ былъ продолжать моремъ и сухимъ путемъ противу толь сильнаго непріятели, каковъ былъ Карль XII.

Для сего намѣренія приказалъ онъ сначала на Россійскій языкъ такія только книги переводить, печатать и безденежно раздавать, изъ коихъ можно было научиться начальнымъ основаніямъ сихъ необходимыхъ

наукъ и художествъ; а что онъ самъ имѣлъ въ оныхъ достаточное знаніе, то доказывается хорошимъ его выборомъ книгъ, употреблявшихся тогда за классическихкихъ авторовъ.

Во первыхъ приказалъ онъ съ Голландскаго перевести на Россійскій языкъ и напечатать *Бринкера* кораблестроеніе и сочиненіе неизвѣстнаго Голландца, искуснаго кормщика; также *Коегорновъ* новый способъ укрѣпленія, съ Нѣмецкаго *Боргсдорфову* непреодолимую крѣпость, съ Французскаго *Паганово*, *Блонделево* и *Вобаново* искусство укрѣпленія съ хорошими гравированными фигурами въ листъ; потомъ съ Латинскаго *Куриція* Исторію *Александра Великаго* и еще съ нѣмецкаго *Варенія* и *Гиднера* Географіи и *Пуффендорфа* введеніе въ познаніе Европейскихъ Государствъ, кои всѣ потомъ его указомъ и напечатаны гражданскими литератами, его-же стараніемъ въ Голландіи отлитыми, и его-же повелѣніемъ переведены между прочими слѣдующія книги: *Севастіана Лерка* гражданской Архитектуры, *Плюмерова* точильнаго искусства, *Стурмовой* Механики строенія слюзовъ и мельницъ, *Бухнера* о дѣланіи художественныхъ огней. Къ таковымъ-то переводамъ употребилъ Великій Государь между прочимъ и плѣнныхъ Шведовъ.

Присовокупимъ сюда и повѣствуемое господиномъ Штелинымъ. Изъ помянутыхъ книгъ Пуффендорфову Монархъ, одному извѣстному ему ученому монаху отдавая, приказалъ ему переводъ оной окончить какъ возможно скорѣе. Монахъ прилагалъ всевозможное стараніе и изготовилъ переводъ въ нѣсколько мѣсяцевъ; въ надеждѣ получить отъ Государя великую благодарность и богатое награжденіе, явился по полудни въ передней

комнатѣ Его Величества съ своимъ переводомъ и съ Латинскимъ подлинникомъ. Какъ скоро Государь вышелъ и увидѣлъ его между прочими, началъ съ нимъ говорить милостиво, и спросилъ: скоро-ли изготовить онъ переводъ? Онъ уже готовъ, Всемилостивѣйшій Государь! отвѣчалъ монахъ. Императоръ взялъ у него книгу съ пріятнымъ видомъ, переворачивалъ въ оной листы, какъ-будто бы искалъ какого-нибудь мѣста, и остановился нѣсколько времени при одномъ отдѣленіи, которое казалось быть послѣднимъ.

Между-тѣмъ около стоящіе примѣтили, что лицо Монарха стало измѣняться, и началъ показываться на ономъ гнѣвъ. Онъ и дѣйствительно сказалъ скоро монаху сему съ негодованіемъ: «Глупецъ! что я тебѣ приказалъ съ сею книгою сдѣлать?»—Перевестъ—отвѣчалъ монахъ. «Развѣ это переведено?» продолжалъ Государь, и показалъ ему статью о Россійской Державѣ, въ которой переводчикъ совершенно выпустилъ жестокія и колкія мѣста о естественномъ свойствѣ Россійскаго народа, а иныя передѣлалъ и написалъ ласкательныѣ для Россіи.

«Тотчасъ поди», говорилъ послѣ сего Государь, отдавая ему обратно его переводъ; «сдѣлай, что я тебѣ приказалъ, и переведи книгу вездѣ такъ, какъ она въ подлинникѣ есть». Она отъ слова до слова и была переведена, послѣ напечатана и приписана Императору; а по побѣдоносномъ возвращеніи изъ похода въ Персію поднесена была ему Іеромонахомъ и Префектомъ Гавріиломъ въ 1723 году.

При вышепомянутомъ случаѣ Монархъ объявилъ свое мнѣніе, что онъ приказалъ напечатать сію статью

не въ поношеніе своимъ подданнымъ, но къ ихъ исправленію, и во извѣстіе, что объ нихъ доселѣ думали въ другихъ земляхъ, и чтобъ мало-по-малу научались знать, что они были прежде и каковыми сдѣлались теперь.

Толико неусыпными занимаяся отеческими попеченіями, неутомимый въ трудахъ Монархъ, въ то-же время ежедневно бывая въ корабельныхъ и галерныхъ верфяхъ, поощрялъ своимъ присутствіемъ и примѣромъ къ успѣшному строенію и вооруженію флота. (т. V изд. 2-е стр. 229—232).

На семь мѣстѣ принуждаютъ меня паки остановиться осуждающіе Монарха не токмо за невольное принужденіе переселяться въ отдаленную отъ мѣста рожденія и жительства своего, како они говорятъ, страну, но и за самое построеніе Санктпетербурга, доказывая оное тѣмъ, что Государь сей, удаляя отъ середины Государства столицу свою, пренебрегъ внутреннія ея провинціи, и пожертвовалъ всѣми выгодами ихъ страсти своей оставаться при Балтійскомъ морѣ; что таковое отдаленіе столицы отъ центра Имперіи нѣкоторымъ образомъ отдаляло и его самого отъ познанія нуждъ подданныхъ его, кои-бы удобнѣе могъ онъ вѣдать, пребывая къ нимъ ближе; что трудности въ доставленіи въ Петербургъ потребностей житейскихъ разоряютъ тѣхъ, кои по должности службы или дѣлъ принуждены жить въ ономъ, паче-же тѣхъ, коихъ деревни въ отдаленныхъ отъ онаго находятся мѣстахъ.

Неосновательность таковыхъ заключеній не трудно бы было доказать; но я, оставляя оное, противопоставлю

имъ разсужденіе одного новѣйшаго иностраннаго писателя, хотя и во многомъ весьма несправедливо Петра Великаго описавшаго. Но сей пристрастный, впрочемъ, писатель о сей матеріи говоритъ тако: «Петръ I основалъ Петербургъ на самомъ краю Россіи, но изъ того не слѣдуетъ, чтобъ онъ пренебрегъ тѣмъ пользу внутреннихъ ея провинцій; а напротивъ того, онъ также старался объ Азійскихъ провинціяхъ, какъ и объ Европейскихъ. Онъ учредилъ торговлю съ Китайцами, велъ войну съ Турками, овладѣлъ Персидскими провинціями около Каспійскаго моря. Не меньше извѣстно и то, что ему со стороны Европы болѣе всего надлежало опасаться. Самые страшные его непріатели были Шведы. Онъ не могъ привести въ хорошее состояніе войскъ своихъ, производя войну для отвращенія набѣговъ Татарскихъ, или Турецкихъ и Персидскихъ; но надлежало ему пріучать ихъ къ выдерживанію правильныхъ атакъ отъ регулярныхъ войскъ и научать ихъ побѣждать чрезъ самое потеряніе сраженія. Въ семь намѣреніи приближился онъ къ Швеціи, которой старые солдаты долго были ужасомъ Сѣвера, дабы и его солдаты по примѣру тѣхъ пріобрѣли прямо воинскій духъ и правила военной науки. Къ тому-же, открывъ новую коммерцію на Балтійскомъ морѣ, надлежало прикрывать новою морскою силою, которую нельзя было ни завести, ни содержать, какъ самымъ бодрственнымъ и почти непрерывнымъ присмотромъ.

Въ самомъ дѣлѣ сей перемѣнѣ должно приписать скорое приращеніе могущества Россіи, ея преимущество на Сѣверѣ и ея нынѣшнюю важность въ равновѣсіи Европы. Можно сказать, что ежели бы Петръ I не

перенесъ столицы своей въ Петербургъ, то не увидѣли бы Россійскаго флота торжествующимъ при Турецкихъ берегахъ, и Екатерина II не была бы судіею Сѣвера и посредвенницею двухъ знатнѣйшихъ Европейскихъ Державъ въ *Тешенскомъ* Конгрессѣ.

Приближеніе столицы къ благоустроеннымъ народамъ Европы безъ сомнѣнія много способствовало и къ приведенію въ лучшее состояніе внутренняго правленія государства и къ народному просвѣщенію, чего особливо желалъ Петръ. Симъ образомъ онъ заставилъ своихъ Дворянъ забывать то грубое великолѣпіе и помѣщичье достоинство, въ какомъ обыкли они казаться въ Москвѣ, дабы приучить къ вѣжливѣйшему и больше общественному житію, а между-тѣмъ привести ихъ къ большому и повиновенію его власти. Сіе произвело великое дѣйствіе. Со сихъ поръ такъ увеличилось сообщеніе Россіянъ съ иностранцами, что они приняли ихъ нравы и искусства. И никогда-бы столько иностранцовъ не были привлечены въ Россію ни чрезъ торговлю, ни чрезъ другое что безъ сей перемѣны столицы.

И такъ сего не много будетъ, ежели скажемъ, что Петръ основаніемъ своимъ на Балтійскихъ берегахъ для своей Имперіи произвелъ дѣло самое полезное, ознаменовавшее его царствованіе. И ежелибы по какому превращенію лишилась Россія всѣхъ тамошнихъ завоеваній; ежелибы Дворъ возвратился въ Москву, ежелибы сообщеніе Россіянъ съ другими народами сдѣлалось не столько тѣсно, пока еще народъ не преобразился существеннѣйшимъ образомъ; то-бы немедленно погрузилась она въ прежнее свое варварство, и всѣ слав-

ныя учрежденія Петра I и Екатерины II не существовали бы болѣе, какъ только въ лѣтописяхъ».

Такъ-то судяты просвѣщенные мужи о намѣреніи, съ какимъ перенесъ Великій Государь столицу свою въ новопостроенный имъ Санктпетербургъ, и о пользѣ, отъ того проистекшей Россіи, (т. V изд. 2-е стр. 239—241).

Для незабвенной памяти морскаго сраженія у Аландскихъ острововъ, по указу Монаршему, выбиты двѣ медали, изъ коихъ на первой, по другую сторону портрета его, съ надписью: *Петръ Алексѣевичъ Всероссийскій Повелитель*, изображена морская та битва и надпись: *прилѣжность и вѣрность превосходитъ силу*. Внизу Іюля 27, 1714; на второй то-же морское сраженіе и подлѣ оной побѣда, имѣющая въ правой рукѣ вѣнец лавровый, а въ лѣвой трезубецъ съ короною и пальмовою вѣтвю, съ надписью: CLASSIS RUSSICAE PRIMITIAE, въ абшнитѣ VICTORIA NAVALIS PROPE ALANDIAM, 27 Iul s. v.

Сими медалями награждены всѣ, бывшіе въ сраженіи, отъ перваго Генерала до послѣдняго солдата и матроса, съ тою только отмѣною, что начальники получили золотыя, а прочіе серебряныя. По окончаніи сего торжества, Великій Государь, принявъ паки на себя званіе Монарха, обратился къ дѣламъ, до внутренняго благоустройства касающимся. Онъ содержалъ себя въ пространствѣ Державы своей, яко добрый домостроитель въ своемъ отеческомъ наслѣдствѣ. Онъ наблюдалъ всѣ части экономіи и все то, что силу Государственную, счастье и славу подданныхъ его умножить и утвердить

могло. Принималъ онъ на себя, какъ Прометей, всѣ виды; онъ издавалъ законы, яко Монархъ; въ полѣ былъ офицеръ, въ морѣ кормчій, и подчинялъ себя начальствующимъ; въ верфяхъ корабельный мастеръ и плотникъ, при строеніи архитекторъ, въ ремеслахъ указатель, и словомъ, во всемъ все. Онъ потребовалъ тогда отъ Сената отчетъ въ исполненіи по его указамъ, присутствовалъ съ ними весь сей мѣсяцъ, подтвердилъ паки указомъ, чтобъ всѣ Дворяне и ихъ дѣти непременно явились на смотръ, подь страхомъ той-же самой строгости, то-есть, что доносителю о укрывающихся отдано будетъ все движимое и недвижимое имѣніе ихъ. А дабы не было какого къ нимъ потворства, а къ доносителямъ посяжки, то симъ указомъ повелѣлъ доносителямъ тѣмъ подавать свои доносы самому ему.

Толико-то желалъ Монархъ всѣхъ Дворянъ употребить въ дѣло, званію ихъ приличное; да и толико-то еще находилъ во многихъ изъ нихъ грубые предразсудки, что и самая строжайшія и многократно повторяемая повелѣнія его не могли ихъ изъ оныхъ извлечь.

Сентября 28 дня отстроенный военный корабль Шлиссельбургъ, который онъ своими закладывалъ руками, благоволилъ самъ-же, при великой пушечной пальбѣ и въ присутствіи всѣхъ своихъ Генераловъ и Министровъ, спустить на воду; и когда оный сошелъ весьма успѣшно, то, бывъ въ крайнемъ удовольствіи, говорилъ окружавшимъ его морскимъ начальникамъ и офицерамъ слѣдующую рѣчь:

«Товарищи! есть-ли кто изъ васъ такой, кому-бы за двадцать лѣтъ предъ симъ пришло въ мысль, что

онъ будетъ со мною на Балтійскомъ морѣ побѣждать непріятелей на корабляхъ, состроенныхъ нашими руками, и что мы переселилися жить въ сіи мѣста, приобрѣтенныя нашими трудами и храбростію? Думали-ль вы въ такое время увидѣть такихъ побѣдоносныхъ солдатъ и матросовъ, рожденныхъ отъ Россійской крови, и градъ сей, населенный Россіянами и многимъ числомъ чужестранныхъ, мастеровыхъ, торговыхъ и ученыхъ людей, приѣхавшихъ добровольно для сожитія съ нами? Чаяли-ль вы, что мы увидимъ себя въ толикомъ отъ всѣхъ владѣтелей почитаніи?

Писатели поставляютъ древнее обиталище наукъ въ Греціи, но кои, судьбиною время бывши изъ оныхъ изгнаны, скрылись въ Италиіи и потомъ разсѣялись по Европѣ до самаго Польши; но въ отечество наше проникнуть воспрепятствованы нерадѣніемъ нашихъ предковъ не могли, и мы остались въ прежней тмѣ, въ каковой были до нихъ и всѣ Нѣмецкіе и Польскіе народы. Но великимъ прилежаніемъ искусныхъ Правителей ихъ отверзлись имъ очи, и со временемъ содѣлались они сами учителями тѣхъ самыхъ наукъ и художествъ, какими въ древности хвалилась одна только Греція. Теперь пришла и наша чередъ, ежели только вы захотите искренно и безпрекословно вспомоществовать намѣреніямъ моимъ, соединя съ послушаніемъ трудъ, памятуя присно Латинское оное присловіе: *молитесь и трудитесь*.

Науки коловращаются въ свѣтѣ на подобіе крови въ человѣческомъ тѣлѣ, и я надѣюсь, что они скоро переселятся и къ намъ и, утвердя у насъ владычество свое, возвратятся наконецъ и на прежнее свое жилище, въ Грецію. Я предчувствую, что Россіяне когда-

нибудь, а можетъ быть, и при жизни еще нашей, пристыдятъ самые просвѣщенные народы успѣхами своими въ наукахъ, неутомимостію въ трудахъ и величествомъ твердой и громкой славы».

Всѣ предстоящіе, слушавъ сію Монаршую рѣчь съ глубокимъ молчаніемъ, по окончаніи воскликнули: *самая то истина, и мы готовы во всемъ тебѣ послѣдовать* (т. V изд. 2-е стр. 260—262).

Великій Государь съ нетерпѣливостію ожидалъ извѣстія, скоро-ли придутъ оставленные въ *Мекленбургѣ* на транспортъ Датчанамъ его войска; а какъ до сего времени вѣдомости о томъ еще не было, то, дабы совсѣмъ не бесполезно препроводить время у Копенгагена, согласился Монархъ съ Королемъ *Датскимъ* и съ Командирами *Англійскаго* и *Голландскаго* флотовъ, чтобъ всѣмъ ихъ морскимъ силамъ, соединясь, идти провожать торговые всѣхъ націй корабли (коихъ тогда въ *Зунтѣ* больше ста находилось) по *Балтійскому* морю, до коихъ мѣстъ отъ Шведовъ будетъ безопасно.

Сею морскою кампаніею нѣсколько облегчено было Монаршее неудовольствіе отъ замедленія главнаго его предмета тѣмъ, что Датскій Генераль-Адмираль *Гунденлеве* и Англійскій — *Норисъ* спорили о начальствѣ надъ соединеннымъ флотомъ. И хотя *Великій Государь* не имѣлъ тогда въ своемъ флотѣ чина Адмиральскаго, однако-жъ сіи спорящіе Адмиралы просили *Его Величество*, дабы онъ, яко Государь и Самодержецъ, рѣшилъ ихъ споръ принятіемъ на себя чести Главномандующаго надъ всѣми четырьмя флотами; а они, какъ

и Голландскій Командоръ, Государю будутъ во всемъ послушны. Честь, толь чрезвычайная, говорить одинъ писатель, каковой и примѣра нѣтъ въ Исторіи; честь, коей пріятнѣе Государю, въ мореплаваніи вѣщнее удовольствіе поставляющему, помыслить не возможно было, заслужила, что на оную сдѣлана медаль по вкусу древнихъ Римлянъ. Одна сторона показываетъ главу Монаршую на пѣдесталѣ, окруженномъ трофеями, съ надписью: *Петръ Великій Всероссийскій*; подъ исподомъ: 1716 годъ; на другой сторонѣ изображенъ Нептунъ, сидящій на колесницѣ, двумя морскими возниками запряженной, и владѣющій четырьмя оными флоты означающими флагами, съ надписью: *зладечествуеть четырьмя*; внизу при *Боргольмѣ*. Но мы опишемъ сіе славное для ироя нашего происшествіе.

Команду сію Монархъ принялъ 3 Августа. Его Величество, сего числа прибывъ на корабль свой *Ингерманландъ* въ 11 часу утра, поднялъ свой штандартъ на гротъ стегень, въ знакъ высокой своей команды надъ всѣми союзническими флотами: *Англійскимъ*, *Датскимъ*, *Голландскимъ* и своимъ, которому салютовали всѣ Адмиралы: Англійскій изъ 21, Датскій и Голландскій изъ 27 пушечныхъ выстрѣловъ, и въ показаніе наивыщаго почтенія Датскіе флаги и вымпелы свои спустили до палубы; съ корабля-же Государева при подниманіи штандарта выпалено изъ 9 пушекъ; и какъ со всѣхъ флотовъ поздравили, тогда и великій сей Начальникъ флотовъ съ своего корабля возотвѣтствовалъ изъ 27 пушекъ. Весь флотъ состоялъ въ числѣ 89 военныхъ кораблей, а именно: Россійскихъ 26, не считая галеръ; Датскихъ 19, Англій-

скихъ 19-же, Голландскихъ 25, и сверхъ сего торговыхъ болѣе ста кораблей.

Потомъ Монархъ далъ сигналъ къ походу, по которому тотчасъ Англійскій, Голландскій и Россійскій флоты и при нихъ торговые корабли пошли въ море къ *Боргольму*.

Великій Государь, яко верховный повелитель всего флота сего, усмотря, что Датскіе корабли остались, послалъ къ Адмиралу оныхъ *Гунделеву* повелѣніе слѣдовать за прочимъ флотомъ, и помянутый Адмиралъ чрезъ присланнаго отъ себя офицера обѣщалъ исполнить поутру рано. И такъ, оставя Датчанъ и отошедъ того дня до урочища *Драго*, для ночной темноты бросили якоря. Занимающійся Монархъ ежечасно желаніемъ довести Короля Датскаго къ исполненію условія его, то-есть, къ скорѣйшему впаденію въ Швецію; но какъ пѣхотное войско его, назначенное къ оному, за неприсылкою по оное отъ Датчанъ перевозныхъ судовъ, находилось еще въ *Ростоки*, то Великій Государь находившемуся тогда на кораблѣ его Монаршемъ Датскому Вице-Адмиралу *Юдикеру* объ отправленіи тѣхъ транспортныхъ судовъ говорилъ съ крайнею чувствительностію, и сей Вице-Адмиралъ увѣрилъ его Величество, что оныя немедленно будутъ отправлены къ *Ростоку*.

На другой день по полученной во флотъ вѣдомости о одержанной Цесарями побѣдѣ надъ Турками стрѣляли съ кораблей изъ пушекъ; а какъ между-тѣмъ Датскій флотъ еще не прибылъ въ соединеніе, то Монархъ послалъ въ оный къ Адмиралу Поручика своего *Александра Апраксина* съ выговоромъ за ослушаніе; а

тогда-же Англійскій Адмиралъ *Норисъ* прислалъ къ Монарху своего Капитана *Колерса* съ прошеніемъ, дабы Его Величество благоволилъ поспѣшить со флотомъ къ *Боргольму*, а между-бы-тѣмъ повелѣлъ дать изъ *Россійскаго* флота одинъ корабль для посылки къ оному о провѣдываніи непріятели. Монархъ тотъ-же часъ далъ повелѣніе Капитану *Синявину* съ кораблемъ своимъ идти къ сему Адмиралу, а на первое отвѣтствовалъ, что онъ принужденъ остановиться за ожиданіемъ прибытія Датскаго флота.

7 числа поутру прибылъ и Датскій флотъ и, идучи мимо Россійскаго, кричали *гузе* девятикратно; поплудни-же всѣ флоты пошли въ путь и прибыли къ *Штевенсу*, откуда *Ея Величество Государыня*, простясь съ Великимъ Супругомъ своимъ, поѣхала въ Копенгагенъ на шнавѣ *Лизетъ*, и того-же дня Монархъ Поручика *Лабанова* съ кораблемъ Страфортомъ отправилъ въ *Данцигъ* для забранія провіанта и аммуниціи; а ввечеру Англійскій Адмиралъ и Голландскій Командоръ прибыли на корабль къ *Его Величеству*. 8 числа весь флотъ приблизился къ Боргольму, но бывшіе у онаго Англійскіе и наши крѣйсера донесли Монарху, что Шведовъ уже близъ мѣсяца въ морѣ нѣтъ, кромѣ однихъ только крѣйсеровъ; ибо всѣ находившіеся въ семъ морѣ корабли непріятельскіе, какъ скоро услышали о семъ соединеніи четырехъ флотовъ, то скоропоспѣшно укрылись въ *Карлскронскую* свою гавань и оставили море свободнымъ. Между-же-тѣмъ угодно было *Государю* повелѣть соединенному сему великому флоту дѣлать всѣ воинскія морскія эволюціи. Англичане, Датчане и Голландцы, въ увеселеніе своего морскаго командира Петра

Алексѣевича, наперерывъ одинъ предъ другимъ старались въ сихъ эволюціяхъ отличить себя. Они, а паче первые, говоритъ Венеціанскій издатель Исторіи *Его Величества*, почитали себя въ то время въ морскомъ искусствѣ превосходнѣйшими предъ всѣми другими приморскими народами; но тогда сверхъ чаянія своего увидѣли, что и Россіяне ни въ чемъ имъ въ знаніи морскаго дѣла не уступали, и хотя въ сердцахъ своихъ и завидовали, но не могли однако-жъ не отдать справедливости превосходному искусству Россійскаго *Монарха*, который въ чинимыхъ тѣхъ эволюціяхъ командовалъ оными флотами толь исправно и поспѣшно, что не сдѣлалъ никакой погрѣшности.

Можно и безъ моего напоминанія заключить читателю, въ коликомъ тогда находился Монархъ удовольствіи, когда командовалъ симъ наилучшимъ въ свѣтѣ флотомъ; однако-жъ при всемъ удовольствіи его безпокоился крайне медленностію Датчанъ врасужденіи уходящаго времени ко вступленію съ войскомъ въ Швецію. Мы помѣстимъ сюда, яко доказательство тому, письмо Его Величества къ своему Генералъ-Адмиралу Графу *Апраксину*, отъ 9 Августа писанное. «Извѣствую вамъ (пишетъ Великій Государь), что замедленіемъ Датскимъ на силу къ началу кампаніи принудили, и 3 дня отъ Копенгагена пошли, а вчера въ ночь сюда прибыли мы и Англичане, а Датскіе сего дня (за тупостию кораблей). Богъ вѣдаетъ, какое мученіе съ ними. Сущее надобное время пропускаютъ, и будто чужое дѣло дѣлаютъ. При семъ посылаю ордеръ баталіи, сколько воинскихъ соединеннаго флота кораблей подъ штандартомъ Россійскимъ, и сколько купецкихъ подъ

конвоемъ; чаю, ваша милость, сіе прочетши, пословицу свою не забудешь, *что отъ роду впервые*». (т. VI, изд. 2-е стр. 133—138).

Между тѣмъ *Монархъ* получилъ отъ Министра своего господина *Брюса* съ *Алантскаго* конгресса донесеніе, что Графъ *Гилленборгъ*, Шведскій на томъ конгрессѣ оставшійся Министръ, формально объявилъ утаеваемую до сего времени смерть *Карла XII*, Короля *Шведскаго*, хотя она уже и извѣстна была *Монарху*, и что *Улрика-Елеонора*, сестра Королевская, избранная на мѣсто его *Королевою*, намѣрена тотъ конгрессъ продолжать, и если о соизволеніи *Его Царскаго Величества* на оное увѣдомится, то въ помощь ему *Гилленборгу* пришлетъ другаго такъ скоро, какъ окончается въ *Швеціи* Сеймъ, на которомъ и о семъ мирномъ дѣлѣ твердая положена будетъ резолюція.

Великій Государь на сіе охотно тогда-же позволилъ и чрезъ него-же господина *Брюса* далъ о томъ вѣдать. А по сему Королева сія и назначила на мѣсто *Герцога* Полномочнымъ Министромъ Барона *Лилленштета*, а вмѣстѣ съ симъ Графъ *Гилленборгъ* вручилъ отъ Королевы своей къ *Его Царскому Величеству* отъ 4 Февраля грамату, кою возвѣстятъ о смерти брата своего Короля и о вступленіи своемъ на Шведскій престоль, заключила изъявленіемъ крайняго желанія имѣть съ *Его Величествомъ* миръ и дружбу.

Монархъ весьма-же и самъ сего мира желалъ, какъ то мы увидимъ изъ ствѣтной его на сію Королевіну граматы и изъ данной Министрамъ своимъ новой инструкціи, однако-жъ по оной статской пословицѣ: *же-*

лающей мира, войну да приготавливаетъ; а къ тому-же не могъ онъ совершенно положиться и на таковыя увѣренія Королевы сей, вѣдая окружаемую ее со всѣхъ сторонъ Министерскими хитростями: *Ганноверскими, Саксонскими, Французскими* и *Цесарскими*, настроенными къ недопущенію *Швеціи* до мира съ *Россією*. Вслѣдствіе чего Великій Государь и послалъ указъ въ Адмиралтейство, чтобы флотъ вооружить и къ выступленію въ море къ Апрѣлю мѣсяцу приготовить.

А другой указъ въ *Военную Коллегію*, чтобъ войско, на зимнихъ квартирахъ стоящее, было совсѣмъ готово къ походу; а къ Генералу Князю *Репнину*, бывшему съ корпусомъ своимъ въ пути изъ *Польши*, слѣдовать къ Ревелю въ соединеніе съ арміею, въ *Финляндіи* находящеюся, которая въ минувшемъ году пятьюдесятью тысячами была умножена; повелѣлъ также наполнить всѣ запасные магазины провіантомъ и всѣмъ нужнымъ; выдалъ нѣкоторымъ купцамъ 7000 рублей на закупку кожъ для солдатскихъ сумъ; словомъ, ничего не оставилъ, что касалось до готовности выступить въ походъ по первому указу. Между-же-тѣмъ (говорить издатель Венеціанской его Исторіи) Полномочные Министры его на *Алантскомъ* конгрессѣ имѣли повелѣніе Шведскимъ искусно дать знать, что если во время двухъ мѣсяцевъ предлагаемая отъ *Его Царскаго Величества* къ миру кондиція ¹⁾ приняты не будутъ, то они увидятъ въ самой Швеціи болѣе сорока тысячъ такихъ полномочныхъ, которые мечомъ и огнемъ ихъ къ тому принудятъ. (т. VII, изд. 2-е, стр. 227—229).

¹⁾ Кондиція—условія.

Объемлющій все неусыпнымъ своимъ попеченіемъ, Монархъ чувствовалъ досаду, что Швеція, слѣдуя уставу покойнаго Короля своего *Карла XII*, каперами своими на всѣ торговые корабли, идущіе къ портамъ *Балтійскаго* моря, нападала, равно какъ на неприятельскіе, отъ чего въ портахъ сихъ торговля чувствительно приходила въ упадокъ. *Великій Государь*, желая къ удовольствію своему и всѣхъ торгующихъ народовъ, торговлю отъ всякаго нападенія сдѣлать свободною, Апрѣля 9 послалъ указы ко всѣмъ Министрамъ своимъ, при нейтральныхъ Державахъ пребывающимъ, чтобы оныя при Дворахъ тѣхъ и въ городахъ объявили сіе его желаніе, и дабы оныя домогались Королевство *Шведское* къ тому склонить, чтобъ торговымъ кораблямъ всѣхъ ихъ подданныхъ, которые какъ въ его, такъ и *Шведскія* пристани, на Сѣверномъ и Балтійскомъ морѣ лежащія, торговлю свою отправляютъ, свободно и безпрепятственно ходить позволено было, и что ежели Швеція безъ всякаго изключенія и изыятія на всѣ товары позволить, то и онъ, Государь, равнымъ образомъ изъ всѣхъ мѣстъ, съ какими-бы товарами оныя ни были, въ *Швецію* идущимъ и оттуда возвращающимся торговымъ кораблямъ свободный и невозбранный проѣздъ позволить, и словомъ, на что Швеція согласится, то и отъ него позволено будетъ. «Но ежели помянутыя нейтральныя державы и города Королевству *Шведскому* (продолжаетъ Государь) таковыя представленія учинить и такое позволеніе исходатайствовать не похотятъ, и тако Королевство *Шведское*, какъ прежде сего, коммерцію въ Россію не токмо запретить, но и весьма разорить стараться будетъ: то *Его Царское Величество* про-

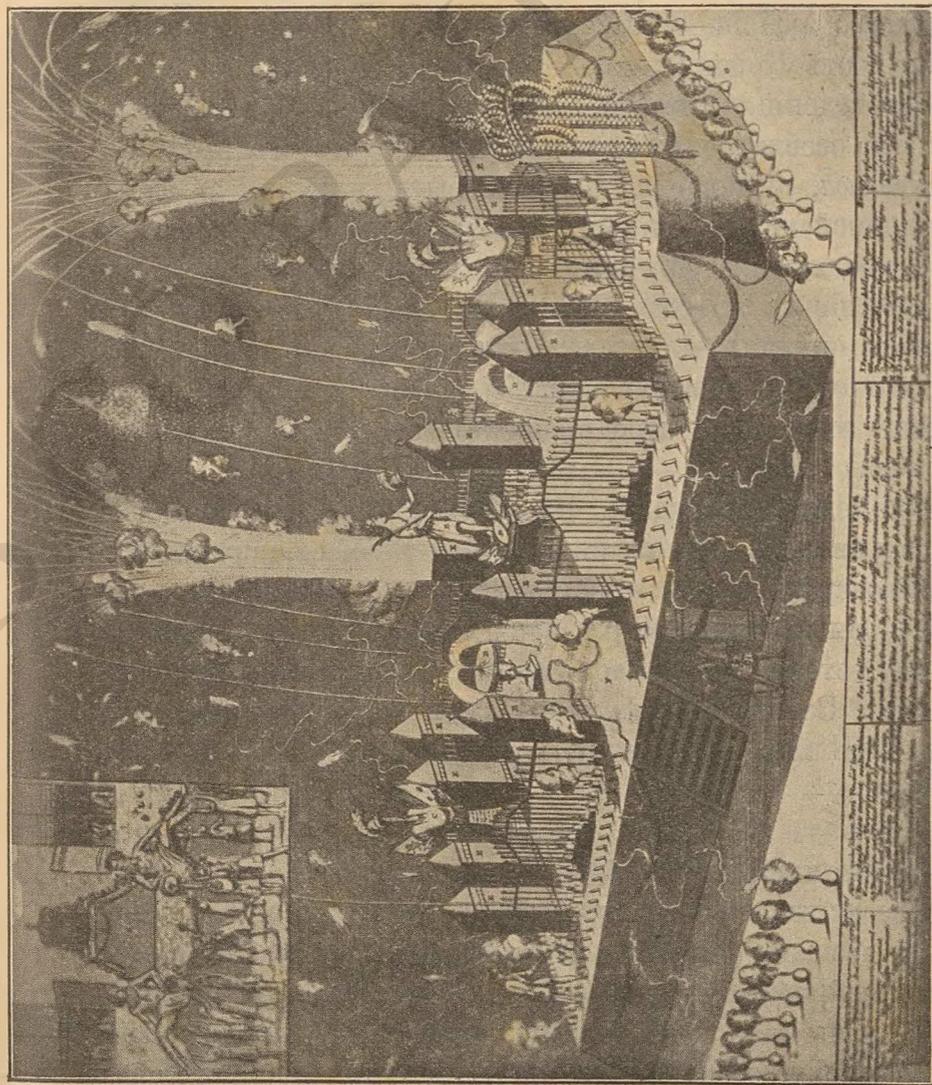
тиву того равнымъ образомъ поступить и всѣмъ своимъ военнымъ кораблямъ и фрегатамъ указы дать повелить, всѣхъ тѣхъ нейтральныхъ Державъ и городовъ въ *Швецію* идущіе и изъ *Швеціи* возвращающіеся купеческіе корабли со всѣми нагруженными товарами безъ разбора брать и приводить; что тогда *Его Царскому Величеству* помянутыя Державы и города никоимъ образомъ зазрѣть, ниже за несправедливо толковать не могутъ, ибо *Его Величество* никоимъ образомъ того снести не можетъ, чтобъ его непріятель чрезъ коммерцію и взятое толь многихъ знатныхъ призовъ къ продолженію войны противъ онаго одного такъ великіе авантажи ¹⁾ получилъ», и прочее.

Сію декларацию ²⁾ Его Величество повелѣлъ напечатать и повсюду разослать, дабы вся *Европа* о семъ была извѣстна. (т. VII, изд. 2-е, стр. 252—253).

Королева Шведская между симъ разсудила возложить на Супруга своего *Фридерика*, Герцога Гессен-кассельскаго, Корону Шведскую, и Чины оное подтвердили. Сей новый Король не столько, какъ кажется, полагалъ надежды на Короля Англійскаго и другихъ союзниковъ, какъ Королева, и который лучше зналъ силы Россійскія и свойства *Монарха*, ими управлявшаго, какъ то окажется изъ слѣдствія. Онъ, по вступленіи своемъ на престоль, отправилъ къ Великому Государю своего Генераль-Адъютанта *Маркса*, который

¹⁾ *Авантажъ* (франц. *avantage*)—выгода, преимущество.

²⁾ *Декларация*—объявленіе.

Видъ фейрверка устроенаго русскими послыми въ Гаагѣ.

прибыль въ Санктпетербургъ Мая 2 и принять съ подобающею честію; а 8 числа Монархъ далъ ему публичную аудіенцію, на коей подалъ *Его Величеству* грамоты отъ Короля и отъ Королевы. Король объявляетъ о возведеніи своемъ на Королевскій Шведскій престолъ, и что особливое имѣть онъ почтеніе къ особѣ *Его Величества*, и желаетъ съ нимъ быть въ мирѣ и сосѣдственной дружбѣ, и всевозможное съ своей стороны къ возстановленію сего мира прилагаетъ стараніе; въ заключеніе-же просить, дабы *Его Царское Величество* съ своей стороны явилъ къ тому такую-же склонность. Все сіе Королевское желаніе г. Посланникъ выразилъ и въ говоренной предъ престоломъ Монаршимъ рѣчи своей.

Великій Государь на сіе отвѣтствовалъ, что онъ поздравляетъ Короля съ возведеніемъ его на престолъ и благодаритъ за извѣщеніе о томъ; что, какъ никогда онъ не отрицался отъ мира, такъ и нынѣ къ тому приступить готовъ, ежели только со стороны *Его Королевскаго Величества* къ тому есть истинное намѣреніе (т. VIII изд. 2-е стр. 69—70).

Великій Государь, удостовѣрясь, что великое число Шведскихъ плѣнниковъ, толь долго живучи въ Россіи, такъ-сказать обрусѣли и желаютъ остаться навсегда въ оной, издалъ о семъ Манифестъ, который и помѣстимъ мы подъ симъ подлинникомъ: «Объявляемъ всѣмъ и каждому, особливо-же въ Государствѣ нашемъ всѣмъ нынѣ обрѣтающимся военноплѣннымъ какъ Шведскаго, такъ и другихъ народовъ, въ воинской Шведской службѣ

бывшихъ, что хотя мы сію войну съ Короною Шведскою ради Государственнаго интереса и резона имѣемъ, однако-жъ партикулярной противности къ тому народу никакой не имѣли, но наипаче оный за военный почитали, и всѣ удобъ вымышленные способы употребляли, дабы между нами и Короною Шведскою произшедшее военное пламя благовременно угасить и добрую дружбу и сосѣдство паки возставить, како сіе онымъ довольно извѣстно есть. Того ради мы о долгопротяжномъ пребываніи въ Государствѣ нашемъ въ плѣнѣ толь многихъ тысящей изрядныхъ людей уже многое время всемилостивѣйше сожалѣли, а особливо понеже мы усмотрѣли, коимъ образомъ не токмо о ихъ избавленіи изъ плѣна, но и о ихъ довольственномъ пропитаніи мало попеченія имѣли, отъ чего оныя съ великою нуждою себя въ толь долгопротяжномъ плѣненіи содержать принуждены, и какъ сіе, такъ и полученныя извѣстія (что зѣло многіе между плѣнными обрѣтаются, которые отъ управителей въ городахъ и провинціяхъ Государства нашего позволенія просили, чтобъ имъ позволено было, яко подданнымъ, въ Государствѣ нашемъ поселиться), прирожденное намъ милосердіе и сожалѣніе такимъ образомъ возбудило, что мы всемилостивѣйше опредѣлили всѣмъ военноплѣннымъ вышнимъ и нижнимъ природнымъ Шведамъ или чужестраннымъ свободу дать слѣдующимъ образомъ, яко вассаламъ и подданнымъ нашимъ во всѣхъ городахъ и провинціяхъ Государства нашего селиться.

(За этимъ вступленіемъ слѣдуютъ въ манифестѣ 7 пунктовъ, дающихъ шведскимъ плѣннымъ, желающимъ принять русское подданство, всевозможныя права;

для желающих воспользоваться ими приложена форма присяги).

Наконецъ обнадеживаемъ мы всѣхъ таковыхъ новыхъ подданныхъ во всѣхъ случаяхъ нашею милостию и высокою протекціею такимъ образомъ, что они, дѣти ихъ и потомки въ природной своей вѣрѣ пребудутъ, собственныя кирки и пасторовъ содержать могутъ и всѣ тѣ привилегіи получить имѣютъ, которыя мы прочимъ чужеземцамъ уже пожаловали или впредь пожалуемъ; и ежели кто впредь, противу нашего чаянія въ чинимомъ безъ вѣдома нашего насилія или обидахъ, на кого жалобу приносить справедливыя причины изобрѣтеть, тому какъ отъ управителей того мѣста, такъ и отъ той Коллегіи, куда его дѣло принадлежать будетъ, немедленно протекція и помощь дана будетъ.

Того ради повелѣваемъ нашимъ Правительствующимъ Сенату и Духовному Синоду и всѣмъ Государственнымъ Коллегіямъ, также всѣмъ Генераламъ-Губернаторамъ и Губернаторамъ, Вице-Губернаторамъ, Воеводамъ и городскимъ Магистратамъ, также всѣмъ вышнимъ и нижнимъ Судамъ, Канцеляріямъ и служителямъ, дабы сіе наше всемилостивѣйшее соизволеніе твердо исполняли и никого-бъ не допускали противное тому чинить. Также соизволяемъ мы, чтобъ сей нашъ Манифестъ на Россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ напечатаны, а изъ нашей Канцеляріи Сената во всѣ провинціи и города, гдѣ военноплѣнные обрѣтаются, разосланы и имъ всѣмъ какъ вышнимъ, такъ и нижнимъ объявлены были, и чтобъ отъ каждаго плѣннаго письменное свидѣтельство о объявленіи оному сего Манифеста взято и въ Канцелярію Сената прислано было.

Для вящшаго увѣренія всего вышеписаннаго, мы сей Манифестъ за подписаніемъ нашего Сената и Государственной нашею печатью учинить повелѣли».

И слѣдствіе покажетъ, что симъ образомъ Великій Государь приобрѣлъ многое число новыхъ себѣ подданныхъ.—Такъ-то мудрый Государь умѣлъ, такъ сказать, воскресить многихъ подданныхъ, погибшихъ въ сей войнѣ! (т. VIII изд. 2-е стр. 181—187).

Великій Государь, со всѣмъ Дворомъ своимъ и знатымъ Духовенствомъ, со всѣми Министрами иностранными и своими, и со всѣми Генералами имѣлъ обѣденный столъ въ Сенатской залѣ, а Штабъ и Оберъ-офицеры угощены были въ другихъ Сенатскихъ же палатахъ. Число угощаемыхъ столомъ особъ обоого пола простиралось до тысячи, впродолженіи котораго почти непрерывная происходила пущечная пальба и играніе музыки ¹⁾).

Послѣ стола розданы были всѣмъ разной величины по чинамъ золотыя медали, на случай мира сего отъ Сената выбитыя и *Его Величеству* дедикованныя ²⁾). На одной оныхъ сторонѣ изображался на морѣ корабль, представлявшій *Носъ* ковчегъ и надъ нимъ парящая голубица, держащая во рту масличную вѣтвь, въ знакъ окончанія долговременной войны; по сторонамъ моря видны были проспекты столичныхъ городовъ Санкт-Петербурга и Стокгольма, и отъ одного до другаго про-

¹⁾ Рѣчь идетъ о празднованіи Ништадтскаго мира.

²⁾ Т. е. посвященныя.

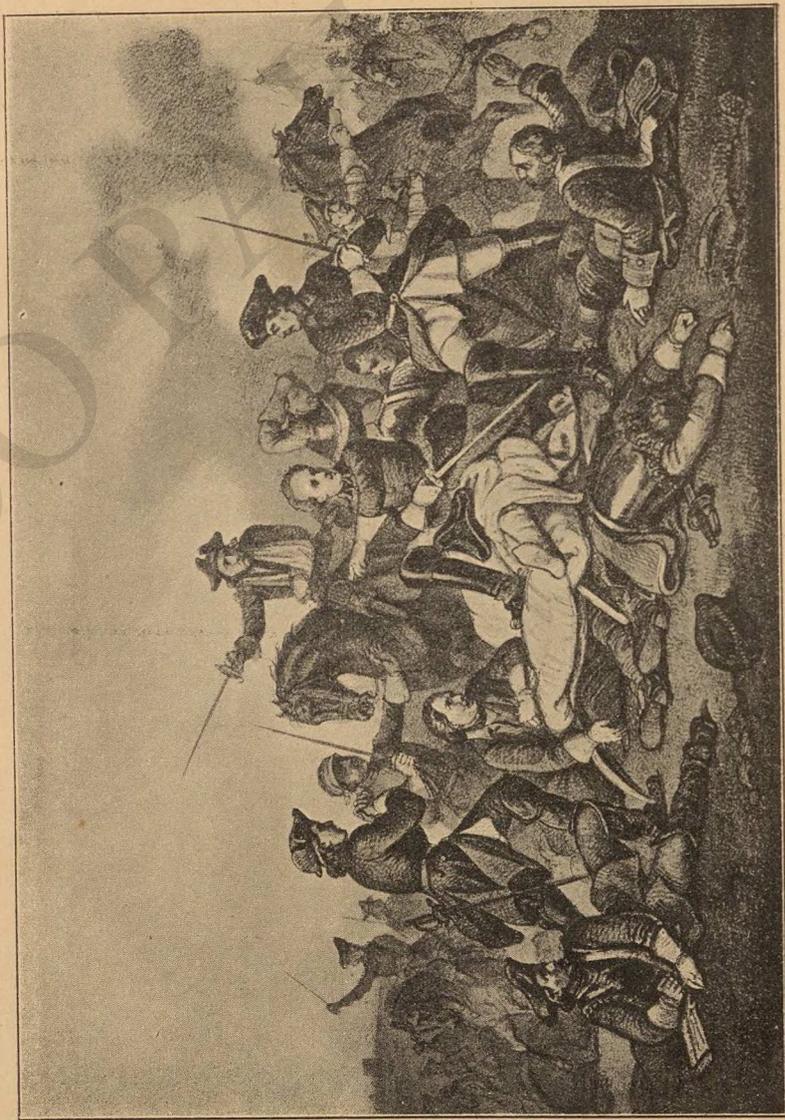
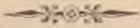
спекта радуга, обнадеживающая оба Государства вѣчнымъ миромъ, съ надписью: *Союзомъ мира связуемы; а въ абшнигѣ: Въ Нейштатѣ по потопѣ Сѣверныхъ войны, 1721.* На другой сторонѣ сіи слова: *В. И. Б. Ш. Государю Петру I, именемъ и дѣлами предивными Великому, Россійскому Императору и Отцу, по двадцатилѣтнихъ тріумфахъ Сѣверъ умирившему, сія изъ золота домашняго медаль усерднѣе приносится.*

И таковыя-же серебряныя розданы всѣмъ нижнимъ чинамъ.

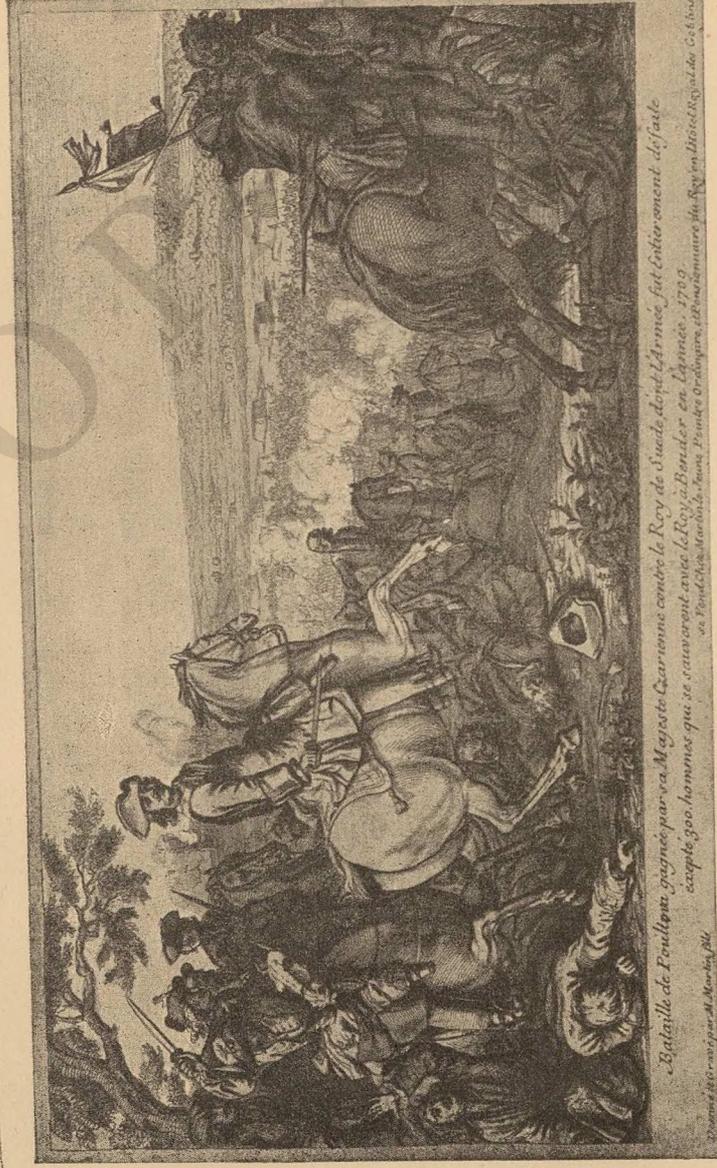
Послѣ сего открытъ былъ балъ, продолжавшійся до самой ночи; въ 9 часовъ вечера начались огненные потѣхи. Великолѣпный фейерверкъ представлялъ храмъ *Янусовъ*, и въ отверстыхъ вратахъ онаго виденъ былъ Янусъ, въ видѣ престарѣлаго мужа, синимъ огнемъ изображавшагося, имѣвшій въ правой рукѣ лавровый вѣнецъ, а въ лѣвой масличную вѣтвь; а по сторонамъ храма представлялись шествующими два воина въ латахъ, имѣющіе щиты съ правой стороны, съ изображеніемъ двоеглаваго орла, а съ лѣвой—трехъ Коронъ, которые, дошедъ до храма, затворили врата онаго; и когда въ знакъ мира, подали они другъ другу руки, тогда загремѣло великое множество трубъ, литавръ и барабановъ; а за симъ непосредственно послѣдовалъ залпъ изъ тысячи пушечныхъ выстрѣловъ съ обѣихъ крѣпостей и со всѣхъ галеръ, и ружейный отъ всѣхъ полковъ. Можно себѣ представить, коль страшному должно быть отъ таковаго удара грому и огню! Казалось, что не только все зданіе города, но и самая земля обрушилась, и воды Невскія и валы крѣпостей воспламенились. Потомъ, по правую сторону храма того, открылся

зажженный щитъ, на которомъ представилась богиня Правды, имѣющая въ одной рукѣ вѣсы, а въ другой мечъ и попирающая ногами двѣ Фуріи, означавшія ненавистниковъ Россіи и миронарушителей, съ надписью: *Всегда побѣдитъ.* Посемъ по другую сторону храма зажженъ другой щитъ, представлявшій корабль, изъ моря въ гавань входящій, съ надписью: *Конецъ дѣло вѣнчаетъ.* Потомъ съ обѣихъ-же сторонъ щитовъ сихъ двѣ великія пирамиды загорѣлись бѣлымъ, на подобіе брилліантовъ, огнемъ, и на верху каждой было по звѣздѣ; за тѣмъ открылись другія двѣ пирамиды со швермерами и великимъ множествомъ ракетъ и другихъ разныхъ потѣшныхъ огней, какъ-то: колесъ, фонтановъ и проч. О множествѣ ихъ судить можно потому, что чрезъ два часа непрерывнымъ огнемъ и пламенемъ покрыто было небо, а въ заключеніе пущено по водѣ великое-же множество различныхъ ракетъ и другихъ фигуръ, что все продолжалось до 12 часовъ. Между-же-тѣмъ весь городъ былъ освѣщенъ и для народа выставленъ былъ на рундукѣ жареный, наполненный разными птицами быкъ, и текли два фонтана съ винами: краснымъ и бѣлымъ. Во все продолженіе огненныхъ сихъ потѣхъ, *Великій Государь*, яко изобрѣтатель и производитель плана оныхъ, управлялъ самъ оными, и по окончаніи уже всего возвратился къ гостямъ своимъ. «И тогда отъ всѣхъ поздравленіе *Его Величеству* повторено, съ обошеніемъ другъ до друга покаловъ преизряднаго Токайскаго и иныхъ винъ, что все даже до 3 часовъ по полуночи продолжалось, и тогда всѣ веселы и съ великимъ довольствомъ, по милости *Его Величества*, разѣхались». Сими точно словами окончена реляція

торжественнаго дня сего, но однако-жь не торжества: ибо оное и по семь продолжалось подобно-же три дня, въ которые еще три сожжены фейерверка. А по окончаніи всего, *Императоръ* установилъ праздновать торжество сіе въ вѣчное воспоминаніе благодѣяній Божіихъ, симъ миромъ пріобрѣтенныхъ, церковно и граждански 30 Августа, яко въ день, въ который подписанъ мирный трактатъ. (т. IX изд. 2-е стр. 10—13).

Карлъ XII въ сраженіи подъ Полтавой.

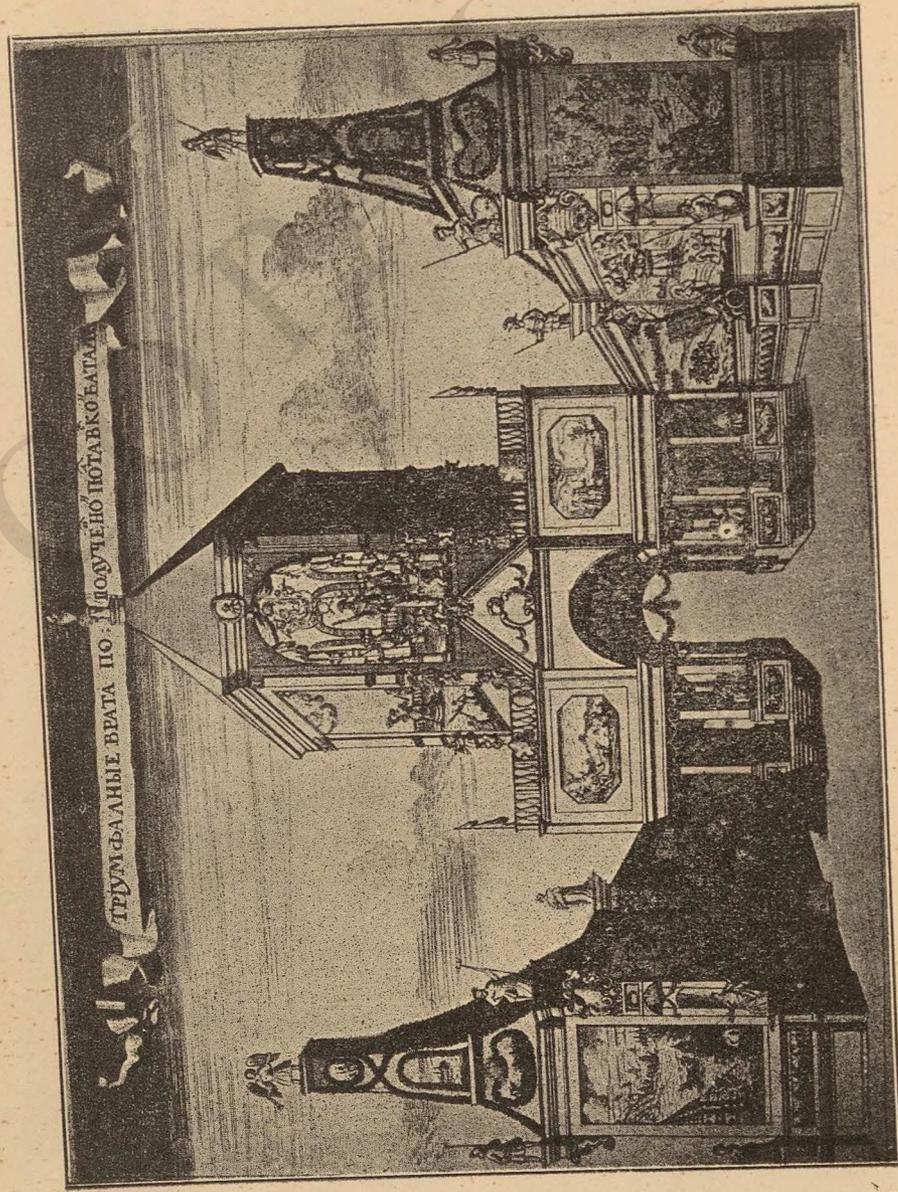

*Bataille de Poltava gagnée par le Meistre General Svarienne contre le Roy de Suède, dont l'Armée fut entièrement défilée
après 300 hommes qui se sauverent avec le Roy à Bender en Tartarie. 1709.*

de l'ouvrage intitulé Histoire de la Guerre de Suède, par M. de Voltaire.

Полтавскій бой.
Картина Мартина младшаго (швед. художі).

© ГИИИ

Съ картини собранія Ровинскаго (Румянцевскій музей).

Чертить: Карл Вильям Топферъ. Перечислить: Вильгельмъ...